

АНДРЕ НОРТОН

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРИФОН
ГРИФОН ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ

Колдовской Мир

ГНЕЗДО ГРИФОНА

Звезды новой фэнтези

Андрэ Нортон

**Колдовской мир.
Хрустальный грифон**

«Азбука-Аттикус»

1972, 1981, 1984, 1987

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Нортон А.

Колдовской мир. Хрустальный грифон / А. Нортон — «Азбука-Аттикус», 1972, 1981, 1984, 1987 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20919-0

Перу американской писательницы Аннотон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» – так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра. Вселенная Нортон удивительна – магия здесь всеильна (и даже признана официально), а законы непреложны, и нарушившего их рано или поздно настигает справедливое возмездие. В Колдовской мир можно попасть через магические Ворота – и это дает любому человеку замечательный шанс начать новую жизнь на новой земле. В настоящий том входят романы «Хрустальный грифон», «Грифон торжествующий», «Гнездо грифона» и рассказ «Наследник Ульмсдейла», посвященные приключениям лорда Керована – наследника Ульмсдейла – и его нареченной леди Джойсан. В союзе с волшебным грифоном, чье изображение украшает герб Ульмсдейла, они участвуют в вековом противостоянии Света и Тьмы.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20919-0

© Нортон А., 1972, 1981, 1984, 1987

© Азбука-Аттикус, 1972, 1981, 1984,
1987

Содержание

Хрустальный грифон	7
1	8
2	14
3	21
4	27
5	33
6	39
7	44
8	50
9	56
10	62
11	67
12	73
13	79
14	84
15	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрэ Нортон
Колдовской мир. Хрустальный грифон
Трилогия «Грифон» и рассказ
из цикла «Колдовской мир»

© Б. Сагаловский, перевод, 1992

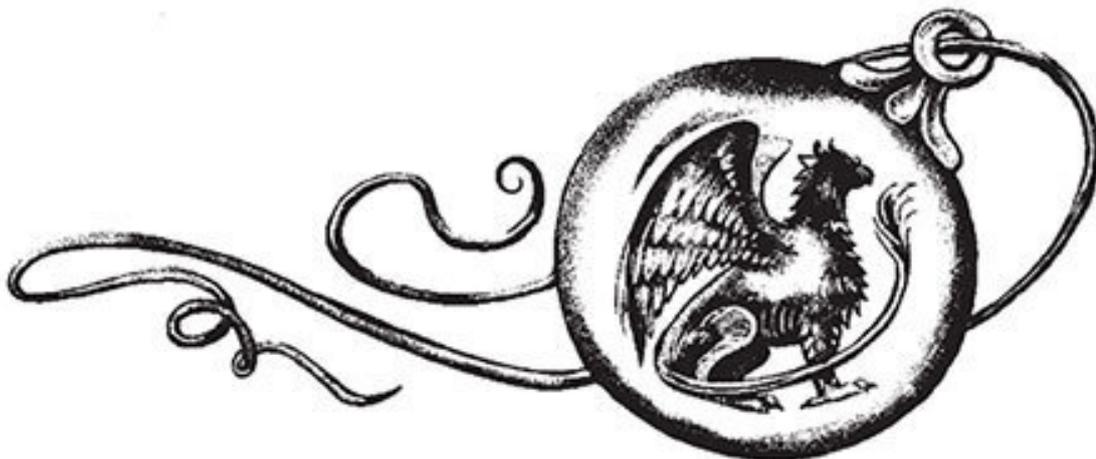
© Г. Соловьева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Хрустальный грифон

1

Начало приключений Керована, некогда лорда-наследника Ульмсдейла из Высшего Холлака

Я родился дважды проклятым. Прежде всего, моим отцом был Ульрик, лорд Ульмсдейла, и о нашем роде рассказывают ужасные истории. Мой дед Ульм привел свой народ в эту северную долину, разогнал морских разбойников, основавших Ульмпорт, и ограбил одно из зданий Древних, забрав оттуда сокровище. Все люди знали, что это сокровище необычное, потому что оно светилось в темноте. И после этого грабежа не только моего деда Ульма, но и всех, кто участвовал с ним в этом страшном деле, постигла ужасная болезнь, от которой большинство из них умерли.

К моменту моего рождения отец был уже немолод. До моей матери у него были две жены и дети от них. Но дети – все до единого слабые, болезненные создания – либо рождались мертвыми, либо покидали этот мир в раннем детстве. Но отец поклялся иметь наследника и поэтому предпочел мою мать своей второй жене, когда ему показалось, что наследника он не дождется.

Род моей матери тоже наложил на меня проклятие. Мать звали леди Тэфана, она была дочерью Фортала из Палтендейла, что лежит далеко на северо-западе. Кое-кто еще и сейчас опасается обитателей тех краев, ибо говорят, что, когда мои предки пришли туда, там еще обитали Древние, похожие на нас, и те, кто жил на границах, породнились с Древними, в результате чего их потомки были не совсем людьми.

Как бы то ни было, мой отец отчаянно нуждался в наследнике. У Тэфаны, недавно овдовевшей, уже был прекрасный ребенок, которому шел второй год. Звали его Хлаймер. Мой отец был готов отказаться от приданого, не желал ничего слышать о смешанной крови и приветствовал леди Тэфану со всеми положенными почестями. Насколько я знаю, она тоже хотела соединиться с моим отцом и даже не убоялась проклятия, которое лежало на нашем семействе из-за похищения сокровища Древних.

Я родился раньше срока и при странных обстоятельствах. Мать ехала в Святилище Гунноры, чтобы попросить ее о благополучных родах и о сыне. Но после дня пути у нее вдруг начались схватки.

В окрестностях не было никакого подходящего пристанища, к тому же надвигалась сильная буря. Поэтому пришлось укрыться в месте, которого обычно избегали люди, – в одном из тех странных и внушающих страх зданий, что остались от Древних – народа сверхъестественной Силы, владевшего долинами задолго до того, как люди пришли сюда с юга.

Это здание прекрасно сохранилось, как и все, что было построено Древними. Похоже, они использовали могущественные заклинания, чтобы скреплять каменные плиты настолько прочно, что даже время не могло поглотить их, и поэтому некоторые здания выглядят так, как будто они были покинуты только вчера. Какой цели могли служить эти сооружения, никто не мог догадаться. На внутренних стенах были видны изображения мужчин и женщин, вернее, тех, кто выглядел как мужчины и женщины.

Роды были очень трудными, жизнь матери висела на волоске. Когда я родился, все пожалели об этом: едва мать увидела меня, она вскрикнула, потеряла сознание и почти лишилась разума. Еще несколько недель после родов она была не в себе.

Я не походил на других детей. Мои ноги заканчивались не стопами, а копытами – маленькими, раздвоенными, покрытыми роговой оболочкой.

Брови мои были скошены над глазами цвета маслянистого янтаря. Таких глаз никогда не было у людей. Поэтому каждый, взглянув на меня, тотчас понимал, что надо мной тяготеет проклятие. Но я не заболел и не умер – наоборот, рос и становился все сильнее.

Однако мать не желала меня видеть. Говорила, что демоны подменили дитя в ее чреве. Когда меня приносили, мать впадала в полубезумное состояние. Вскоре она объявила, что у нее нет детей, кроме Хлаймера и моей сестры Лисаны, родившейся через год после меня, – прекрасной малышки без единого изъяна. В ней моя мать находила утешение.

Что касается меня, то я не жил в Ульмсдейле, меня отправили к одному из лесничих. Отец, правда, навещал меня, но не знакомил ни с кем из родственников. Однако, хотя мать отеклась от меня, отец, не испытывая ко мне привязанности, пожелал, чтобы воспитание его сына было достойным.

Он дал мне имя известного воина из нашего рода – Керован. По настоянию отца меня обучали владеть оружием. Для этого отец приставил ко мне обедневшего дворянина Яго. Этот Яго долго служил моему отцу, пока не покалечился при падении с горы.

Яго был настоящим воином, мастером всех боевых искусств, которым можно обучить юношу с сильным телом и острым зрением. Владел он и более тонким искусством: повелевать людьми.

Некогда сильный и деятельный человек, получив увечье, он начал совершенно новую жизнь. Теперь он тренировал свой мозг, как раньше – тело. Он жадно поглощал новые знания о битвах, и иногда по ночам я наблюдал за тем, как он на полоске разглаженной коры терпеливо излагал факты, касающиеся прорыва осад, тактики нападений и тому подобного, яростно вгрызаясь в кору ножом, который он использовал вместо ручки, и при этом бубнил себе под нос, чтобы подчеркнуть для меня тот или иной момент.

Яго много путешествовал, а в юности плавал даже по морям с сулькарцами – опасными морскими грабителями, бывал в таких легендарных землях, как Карстен, Ализон, Эсткарп... Правда, о последней стране он говорил очень мало и казался встревоженным, когда я приставал к нему с расспросами. Сказал только, что заклинания и колдовство там так же обычны, как у нас колосья в поле, женщины – колдуньи и держатся особняком и все живут с оглядкой, держа язык за зубами.

Было еще кое-что, что заставляет меня с благодарностью вспоминать Яго. В его глазах я, очевидно, был похож на любого другого юнца, а не на юного монстра. Поэтому, когда я был с ним, я мог забыть о своих отличиях от сверстников.

Итак, Яго учил меня искусству войны – вернее, тому, что должен был знать о войне наследник. Тогда мы еще не ведали, что такое настоящая война, называя так поединки между соперничающими лордами или сражения с бандами преступников, живущих в Пустыне. Зимой голод и холод заставляли их нападать на селения, грабить амбары, пытаться захватить теплые дома. На самом деле война куда страшнее, это вовсе не игра по заранее разработанным и тщательно соблюдаемым правилам, как те игры, которыми мы развлекались долгими зимними вечерами, передвигая взад-вперед фигурки на доске.

Если Яго учил меня искусству войны, то Мудрый Ривал показал мне, что существуют и другие жизненные пути. У нас всегда считалось, что только женщина может постичь искусство исцеления тела и духа. Поэтому Ривал казался всем таким же странным, как и я. Обуреваемый жаждой знаний, он исходил все окрестности и даже побывал в Пустыне, а возвращался с огромным мешком за плечами, которому позавидовал бы любой странствующий торговец.

Он был родственником Главного лесничего и поэтому мог свободно бродить по лесам. Люди с опаской относились к Ривалу, но, когда заболело животное или человек мучился от неведомой болезни, всегда звали именно его.

Ривал прекрасно изучил свойства трав, в том числе тех, о которых знал только он. Почти каждый фермер, желающий получить хороший урожай, звал его к себе на поле и просил совета. Причем дело не ограничивалось растениями. Птицы и животные, которые были ранены или больны, прилетали и приходили к нему по собственной воле. Или он бережно относил их к себе и ухаживал за ними, пока они снова не могли сами о себе позаботиться.

Понятно, почему люди старались держаться подальше от целителя. К тому же все хорошо знали, что он посещает земли Древних, пытается постигнуть их тайны, которые навевали на окружающих панический ужас. Меня же, напротив, влекло к Ривалу.

Я был как все дети: хорошо слышал то, что тайком говорят обо мне. Слышал рассказы о моем рождении, о проклятии, которое лежит на роде Ульма, слышал, что в роду моей матери течет кровь чужой расы. Доказательств долго искать не приходилось. Достаточно было посмотретья в отполированный щит Яго, чтобы увидеть свой облик – странный, необычный.

Я как-то пошел к Ривалу, внешне гордый и независимый, но с тайным трепетом в душе. Целитель стоял на коленях перед растением с длинными острыми листьями, похожими на копья, и даже не взглянул на меня, но заговорил так, как будто мы целое утро провели вместе:

– Мудрые женщины называют это растение «язык дракона». – Голос у него был мягкий, слегка вибрирующий. – Великолепно залечивает раны, словно языком зализывает. Посмотрим, посмотрим... Но ты ведь пришел не для того, чтобы расспросить о растениях, да, Керован?

– Да. Люди говорят, что ты многое знаешь о Древних.

Он сел на пятки и взглянул мне в глаза:

– Не очень. Мы можем смотреть, щупать, изучать, но их Сила... Она недоступна для наших сетей и ловушек. Остается лишь пробовать тут и там, вдруг что получится. Они знали намного больше нас. Мы даже не знаем, почему они почти исчезли из Высшего Холлака, когда прибыли первые из наших предков. Мы не вытесняли их – нет, их крепости и храмы, их Места Силы уже были пусты. Кое-где – да, некоторые задержались. И они все еще могут находиться в Пустыне и за пределами Пустыни, на той земле, куда мы не вошли. Но самое главное – они ушли, возможно, задолго до того, как появились люди, какими мы их знаем. И все же – искать то, что все еще может находиться здесь, – этого достаточно, чтобы заполнить всю жизнь и все же не найти и десятой доли десятой его части!

На его загорелом лице я видел то же самое оживление, что и у Яго, когда тот показывал хитроумный выпад мечом или объяснял, как устроить засаду. Ривал испытующе посмотрел на меня:

– Зачем тебе знать о Древних?

– Хочу выяснить, почему я не такой, как все...

Я замолчал. Гордость не позволила мне повторить вслух то, что я слышал от других.

Ривал кивнул:

– Знаний должен добиваться каждый человек, а знаний о себе – тем более. Но я не могу их тебе дать. Идем.

Он поднялся и пошел к своей хижине легким шагом лесного жителя. Не задавая вопросов, я двинулся следом. Так мы добрались до сказочного дома Ривала.

Я замер на пороге, не в силах пошевелиться. Никогда я не видел столько необычных вещей, каждая из которых притягивала мой взор. В корзинах и в гнездах сидели звери и птицы, смотревшие на меня яркими глазами. Они, казалось, чувствовали себя в безопасности и не собирались прятаться. На стенах было множество полок из грубо отесанных, едва отшлифованных досок, и все они были забиты глиняными горшками, пучками трав и кореньев; были тут и черепки, по всей видимости собранные в строениях Древних.

Хотя неподалеку от очага стояли кровать и два стула, комната явно была нежилой, скорее служила хранилищем. Ривал, уперев кулаки в бедра, вертел головой из стороны в сторону, как будто пытался разглядеть что-то особенное среди множества предметов. В воздухе стояла причудливая смесь тысячи запахов. Аромат трав смешивался с мускусным запахом зверей, а также пищи, варившейся в котелке над огнем. И все же это ни в коей мере не был нечистый или отвратительный запах.

– Ты ищешь Древних – тогда взгляни сюда! – Ривал указал на одну из множества полок.

Я пробрался между двумя корзинами с мохнатыми зверюшками и, подойдя поближе, увидел россыпь каких-то камушков и несколько фигурок, склеенных из обломков.

Может, среди Древних в самом деле жили такие существа, если только они не были плодом воображения скульптора. Но в том, что в них была своя красота, даже когда они выглядели гротескно, я мог убедиться сам.

Одна фигурка изображала крылатую женщину (к сожалению, без головы), другая – мужчину самого обыкновенного вида, за исключением того, что с его лба свисали два изогнутых рога. И все же лицо его было благородным и безмятежным, как будто он был Великим лордом по праву своего духа. Была фигурка с перепончатыми руками и ногами – видимо, обитатель морских глубин. Рядом стояла маленькая статуэтка женщины с такими длинными волосами, что они покрывали ее всю, как плащ. Эти фигурки Ривал постарался восстановить хотя бы частично. Еще были фрагменты утраченных скульптур: голова в короне, но без носа и с пустыми глазницами, тонкая рука с кольцами на пальцах... И рука, и кольца были сделаны из одного и того же неизвестного мне материала.

Чем дольше я смотрел, тем сильнее разгоралось во мне желание побольше узнать об этом народе. Я понимал теперь сжигающую Ривала страсть поисков, его терпеливые попытки восстановить разбитые фигурки, чтобы воочию увидеть создания Древних.

Ривал тоже стал моим учителем. Я ходил с ним по местам, которых избегали другие люди. Мы искали, размышляли, делали предположения, надеясь, что когда-нибудь обнаружим ключ к прошлому или хотя бы намек на него.

Раз в месяц приезжал отец. Когда мне исполнилось десять лет, он наконец обратился ко мне серьезно. Его что-то мучило. Он был угрюм и, вероятно, хотел сообщить нечто важное.

– Ты мой единственный сын, – начал отец. Было видно, что он с трудом подбирает слова. – И ты полноправный наследник моего трона в Ульмсдейле.

– Многие считают иначе, – сказал я без вопросительной интонации, будто констатируя факт.

Отец нахмурился:

– Тебе кто-нибудь говорил об этом?

– Я и сам знаю.

Он еще больше посуровел:

– Ты пришел к правильному выводу. Я взял Хлаймера под свое покровительство, так как его мать – леди Ульмсдейла. Но он не имеет права быть поднятым на щите к трону после моей смерти. Трон принадлежит тебе. Однако меня склоняют к тому, чтобы Лисана обручилась с Роджером, твоим кузеном.

Я сразу понял, что он хочет сказать, и без колебаний спросил:

– И Роджер, как муж твоей дочери, унаследует Ульмсдейл?

Рука отца стиснула рукоять меча. Он поднялся и стал расхаживать взад-вперед, твердо ставя ноги на землю, словно готовясь к отражению атаки.

– Хотя это противоречит законам, все вокруг жужжат и жужжат день и ночь, так что я почти оглох в собственном доме.

Я понял, что «все» – это моя мать, которая не считает меня своим сыном. Но я промолчал.

– Поэтому я хочу женить тебя, Керован. По этой свадьбе, свадьбе наследника, люди поймут, что я полностью признаю твои права. Через десять дней Нолон поедет в Иткрипт. Там есть очень красивая девушка по имени Джойсан, она младше тебя на два года, что вполне уместно. После женитьбы уже никто не посмеет отодвинуть тебя от престола – хотя твоя жена не придет до года Огненного Тролля.

Я быстро прикинул в уме – восемь лет. Это хорошо. Свадьба не имела для меня большого значения, хотя отец считал ее делом особой важности. Интересно (впрочем, отца спросить я не отважился), скажут ли девушке или ее родственникам, кого прочат ей в мужья? Но маль-

чику моих лет тот роковой день казался очень далеким, и, возможно, думал я, что-то может помешать и этого никогда не случится. Я не был уверен, что Нолон намеревался сыграть мою роль в браке топора, потому что он выехал из Ульмскипа, когда меня там не было.

Через два месяца приехал отец, уже не такой несчастный и озабоченный, как раньше. Он сказал, что Нолон вернулся и я обручен с девушкой, которую я никогда не видел и, вероятно, не увижу еще по крайней мере восемь лет. Так что пока меня не слишком заботил тот факт, что у меня была жена.

Дни шли за днями. Все больше времени я проводил с Ривалом в поисках тайн Древних. Яго, которому я был поручен, не возражал против моих походов с Ривалом. Они давно дружили, несмотря на то что разительно отличались друг от друга – как мыслями, так и поступками.

Вскоре наставник уже не мог противостоять мне в поединке на мечях и топорах, оставаясь непревзойденным только в стрельбе из лука. Он продолжал чертить карты, разрабатывать планы сражений. И хотя я не видел в этих занятиях особой пользы, я не хотел обижать старика и внимательно выслушивал его рассуждения. Впоследствии полученные знания не раз меня спасали.

А вот Ривал, казалось, совсем не старился. Так же как и раньше, он без усталости ходил по лесам, с удивительной легкостью преодолевая большие расстояния. Я, к сожалению, не сумел в полной мере постичь искусство лекаря, зато познал мир птиц и животных, перестал охотиться ради развлечения и находил удовольствие в том, что дикие звери меня не боятся.

Но самое приятное заключалось в посещении замков Древних. Ривал проникал в своих походах все дальше и дальше в Пустыню. Самым большим его желанием было найти какие-нибудь книги или свитки.

Я считал, что их вряд ли удастся прочесть, ведь никто не знал языка Древних. Ривал соглашался, однако в душе был уверен в успехе: стоит только найти книги, а уж он-то сумеет в них разобраться.

Я женился в год Плюющей Жабы. По мере того как я приближался к зрелости, мысль об этой далекой леди начала время от времени странно беспокоить меня.

В доме лесничего были два мальчика моих лет. Мы так и не стали друзьями. Не только происхождение разделяло нас, я и сам старался не сближаться с ними. Моя нечеловеческая внешность не позволяла мне приобрести друзей. Я подарил свою дружбу лишь двоим – Яго, который годился мне в отцы, и Ривалу. Он мог бы быть моим старшим братом, и порой мне этого очень хотелось!.. Но эти парнишки уже ходили на осеннюю ярмарку с ленточками, привязанными к верхним застежкам курток, а потом, хихикая, шептались о приключениях, к которым это их привело. Это зародило в моей душе первое сильное предчувствие, что, когда наконец придет время лично предъявить права на леди Джойсан, она может увидеть меня таким же монстром, каким видит меня моя мать. И чем ближе я подходил к порогу мужества, тем чаще думал о том, что произойдет, когда моя жена приедет в Ульмсдейл и я должен буду поехать, чтобы остаться с ней. Что, если она отвернется от меня с неприкрытой ненавистью, как моя мать...

По ночам мне снились кошмары, и Ривал наконец с сочувствием спросил, что со мной происходит.

Я поведал ему правду о своих сомнениях, в надежде, что он успокоит меня, скажет, что я вижу чудовищ там, где их нет.

Однако Ривал не стал меня успокаивать. Он долго молчал, глядя на руки, которые только что пытались восстановить разбитую фигурку, а теперь покоились на столе.

– Мы всегда говорили друг другу правду, Керован, мой единственный спутник. Разве я могу обещать, что приведу тебя к счастью?.. Когда-то я тоже ждал свадьбы. Но я тоже не похож

на других – не внешне, как ты, а своими привычками, мыслями. И это отпугнуло ту, с которой я должен был разделить Чашу и Пламя.

– И ты никогда не был женат?! – воскликнул я.

– Нет. Зато в моей жизни есть другое!

– Что же?

– Это! – И он раскинул руки, как бы обнимая все, что находилось в доме.

– Значит, со мною произойдет то же самое... – промолвил я.

Я был обручен, так как этого требовали обычаи и воля моего отца. То, что я слышал о браках, заключающихся лордами, не обещало мне счастья. Наследники женились, чтобы увеличить свои поместья за счет приданого невест, чтобы продолжить линию рода. Если впоследствии появлялись любовь и уважение, то в дом приходило счастье. Но так бывало редко.

– Поговорим о другом, – тактично предложил Ривал. – Есть одно дело, о котором я давно думаю.

– Пойти по дороге!

Я вскочил на ноги, намереваясь тут же отправиться в путь, чтобы открыть тайну. Эта дорога действительно была загадочной.

Мы набрали на нее во время скитаний по Пустыне. Привычные нам дороги представляли собой всего лишь протоптанные кривые тропы, пригодные только для передвижения верхом. Дорога же, на которую мы наткнулись, была вымощена тщательно подогнанными каменными плитами. Ничто не указывало на ее предназначение. Дорога начиналась примерно в половине дня пути от дома Ривала и вела вглубь Пустыни – широкая, прямая, местами засыпанная желтым песком. Дойти до ее конца было нашим давним желанием.

То, что мы решились на путешествие, полностью вытеснило у меня из головы мысли о жене. Джойсан была для меня всего лишь именем, пустым звуком, встреча наша была еще так далека! Путешествие же должно начаться немедленно.

Я ни перед кем не отчитывался в своих действиях, кроме Яго. А он в это время года ездил в Ульмсдейл, чтобы встретиться с товарищами по оружию и доложить отцу, как здесь обстоят дела. Поэтому я был полностью свободен и мог делать что хочу.

А хотел я сейчас только одного: поскорее двинуться в путь по таинственной дороге.

2

Начало приключений Джойсан, девы из Иткрипта, в Итдейле, Высший Холлак

Я, Джойсан из Иткрипта, вышла замуж во время сбора урожая в год Плюющей Жабы.

Вообще-то, этот год считался неподходящим для новых начинаний, и потому мой дядя, лорд Кьярт, обратился за советом к даме Лорлиас из аббатства Норстед. Она настолько хорошо понимала язык звезд, что к ней приезжали за помощью из дальних краев. Прорицательница обратилась к звездам и сказала, что брак совершенно необходим для моего счастья. Свадьба меня мало беспокоила, но связанные с ней долгие церемонии были настолько утомительными, что я чуть не плакала.

Восьмилетнему ребенку невозможно вникнуть в думы и тревоги, владеющие взрослыми людьми. Обручение мне виделось ярким, пышным действием; одного я не могла понять – своей роли.

Я помню свой наряд, расшитый узорами из золотой нити и пресноводного жемчуга (которым по праву славятся ручьи Итдейла). Однако все мое внимание было занято тем, чтобы выполнить суровый приказ госпожи Мэт: не запачкать и не помять мой наряд. Платье было голубое, хотя мне никогда не нравился этот цвет. Я больше любила цвета, богатые оттенками, например цвет осенних листьев. Но голубой – это цвет невесты, и я была вынуждена следовать обычаям.

Мой жених не приехал и не выпил со мной Чашу Жизни, не зажег свечу Дома. На его месте сидел человек такой же суровый, как и мой дядя. Мне запомнился ужасный шрам на его руке: я очень испугалась, когда во время церемонии он взял меня за руку. В другой руке он держал огромный боевой топор, символизирующий моего настоящего жениха. Правда, жениху нужно было прожить еще по крайней мере лет шесть, прежде чем он смог бы оторвать такой топор от земли.

– Лорд Керован и леди Джойсан! – прокричали гости и обнажили ножи. Лезвия засверкали в свете факелов.

Гости поклялись доказывать в будущем законность этого обручения даже с помощью оружия. От страшного шума у меня заболела голова, возбуждение прошло, и я как во сне дожидалась конца празднества. Старый лорд Нолон, представляющий на свадьбе жениха, ел со мной из одного блюда. Он то и дело спрашивал, какое из блюд я желаю отведать, а я настолько его боялась, что не могла вымолвить ни слова. Его вкус в выборе блюд совершенно не совпадал с моим. Желудок отчаянно протестовал против такого насилия, и накатывала тошнота.

Много позже женщины уложили меня в одной сорочке на громадную кровать с балдахинном. Мужчины во главе с дядей принесли этот ужасный топор и положили его рядом со мной, как будто это был действительно мой жених. Так состоялась моя свадьба, потом она уже не казалась мне странной: просто это было событие, которое ребенку трудно понять и которое я поскорее задвинула на задворки сознания.

И лишь топор, который был моим партнером вместо жениха из плоти и крови, был суровым предвестием того, что со временем ждало не только меня, но и всю мою родную страну – Высший Холлак.

После отъезда лорда Нолона жизнь вернулась в прежнюю колею. Мне предстояло жить под родительским кровом, пока я не достигну брачного возраста и пока мой лорд не призовет меня.

Однако незначительные изменения в моей жизни все же произошли. На больших празднествах я теперь сидела по левую руку от дяди и ко мне обращались, называя новым титулом

– леди Ульмсдейла. На моей праздничной одежде теперь был не один герб, а два, разделенные золотой лентой. Слева – грифон Ульмсдейла, сверкающий драгоценными камнями, а справа – Сломанный Меч Харба. Этот знаменитый воин основал наш род в Высшем Холлаке и прославил его, когда победил Сломанным Мечом ужасного Демона Пустыни.

На именины я получала подарки от лорда Керована с приветствиями и поздравлениями. Тем не менее сам Керован был для меня чем-то нереальным.

Овдовев, мой дядя поручил управление замком Иткрипт своей сестре – госпоже Мэт. И она же взяла на себя мое воспитание. Тому-то и тому-то обязательно следовало научиться, чтобы стать хорошей хозяйкой в доме мужа. Задания госпожи Мэт становились все труднее. Порой мне хотелось навсегда забыть об Ульмсдейле и его наследнике, и все мое существо охватывало страстное желание быть незамужней и свободной. Увы, ускользнуть от госпожи Мэт и ее чувства долга было невозможно.

Я совсем не помнила дядину жену. У него почему-то не было наследника, и за годы, прошедшие со дня смерти супруги, он так больше и не женился. Я иногда думала, что дядя просто не осмеливался хоть немного поколебать авторитет госпожи Мэт. Нельзя отрицать, что она была хорошей хозяйкой, она умело управляла замком и приносила мир и покой всем, кто жил под его сенью.

В юности (с трудом верилось, что леди Мэт была когда-то молодой девушкой) ее обручили – тоже с помощью топора – с лордом из южных долин. Но прежде чем она стала настоящей супругой, пришла весть о его смерти от изнуряющей лихорадки. Никто не знал, сожалела ли она об этой потере. Когда минуло время траура, она удалилась в Норстед – монастырь, весьма почитаемый за ученость и благочестие обитающих в нем женщин. Но смерть жены ее брата произошла до того, как госпожа Мэт дала монашеский обет, и она вернулась в Иткрипт, чтобы выполнять обязанности его хозяйки.

Мэт всегда носила строгое платье и дважды в год совершала паломничество в Норстед. Когда я подросла, она стала брать меня с собой.

Вопрос о наследнике дяди оставался нерешенным, так как он не сделал никакого распоряжения на сей счет. У него была младшая сестра – Ислога, которая вышла замуж и родила сына и дочь. Но этот сын уже был объявлен наследником своего отца и, следовательно, не мог являться наследником дяди.

Я была дочерью дядиного младшего сводного брата, но, не будучи мужчиной, не могла стать наследницей, кроме как по прямому распоряжению, которого мой дядя не отдавал. Мое приданое было достаточно богатым, чтобы привлечь хорошего мужа, и дядя мог, если бы захотел (нет, это даже было его долгом!), назвать наследником моего супруга.

Я думаю, что госпоже Мэт хотелось бы видеть меня в монастыре, она не желала моей свадьбы. И по правде говоря, поездки в Норстед мне нравились. Мой ум был пытливым от рождения, и это привлекло ко мне внимание бывшей настоятельницы Малвинны, старой и очень мудрой. После доверительной беседы она позволила мне заниматься в библиотеке монастыря.

В шкафах библиотеки хранились настоящие сокровища – свитки с записями о путешествиях, о войнах, о прошлом. Эти истории меня зачаровывали.

Но больше всего меня увлекали упоминания о Древних, которые правили этой страной до того, как на север пришли наши люди. Я хорошо понимала, что эти сведения искажены, ведь Древние ушли отсюда еще до появления моих предков. Они встретили лишь немногих из Древних, которые, возможно, были низшими существами и были оставлены здесь, как если бы кто-то сбросил поношенный плащ лишь для того, чтобы исказить наше представление об их народе.

Некоторые из Древних были связаны со Злом, как тот Демон, которого убил Харб, и сохранились еще места, где таилось черное колдовство; они были весьма опасны для неосторожного человека. Другие Древние заслуживали благодарности и даров. Такова была Гуннора

– Мать Плодородия, которой поклонялись все женщины и чьи тайны были по-своему столь же велики, как Поклонение Очищающему Пламени, которому был посвящен женский монастырь. Я сама носила амулет Гунноры – пшеничный колос, перевитый с виноградной лозой.

Были и иные Древние – ни плохие, ни хорошие. Они не укладывались в человеческие стандарты и порой проявляли удивительную капризность: одним делали добро, другим – зло, будто взвешивали людей на своих собственных весах, а затем поступали с ними так, как считали нужным.

Было рискованно иметь дело с кем-либо из Древних, кроме Гунноры. Отчеты, которые я нашла в библиотеке Норстеда, были полны примеров того, как люди пробуждали от долгого сна Силы, которые никогда не следовало тревожить.

Иногда я отыскивала в маленьком садике аббатису Малвинну и расспрашивала ее о Древних. Она отвечала, если могла, а когда не знала ответа, то сознавалась в своем неведении. В последний раз я застала аббатису сидящей с чашей на коленях. Чаша была сделана из зеленого камня, обработанного так искусно, что тень пальцев аббатисы, обхвативших ее, просвечивала насквозь. На чаше я не заметила никаких украшений, но ее линии были изящны и четки: настоящее произведение искусства!

В чаше было немного вина. Я знала, что это вино, так как его пьянящий запах ударил мне в ноздри, – тепло пальцев аббатисы высвободило аромат винограда. Малвинна медленно покачивала чашу, и вино омывало ее. Аббатиса испытующе посмотрела на меня. Мне стало как-то неловко, и я быстро проверила в уме свою совесть: не совершила ли я каких-либо прегрешений?

– Я много раз пыталась сделать это, Джойсан, – промолвила она. – И вот сегодня утром проснулась с желанием повторить попытку для тебя. В юности у меня был Дар Предвидения. Действительно Дар, хотя многие сомневаются в этом – те, кто боится того, чего нельзя потрогать, попробовать на вкус или услышать. Этим Даром нельзя управлять. Обладающие им не могут вызвать его, надо ждать, когда он сам проявится. И сегодня, если ты хочешь, я попытаюсь использовать мой Дар для тебя. Впрочем, еще неизвестно, что из этого получится.

Меня охватило возбуждение. Я слышала о Даре Предвидения. Им обладают Мудрые женщины – вернее, некоторые из них. Но, как сказала аббатиса, этот Дар нельзя заострить, чтобы он всегда был готов к использованию, как меч мужчины или швейная игла женщины. К моему возбуждению, однако, примешивался страх. Одно дело – читать, слушать рассказы о Силе, и совсем другое – видеть это в действии и применительно к себе. Впрочем, даже страх не заставил меня сказать «нет» в ответ на предложение аббатисы.

– Встань передо мною на колени, Джойсан. Возьми чашу двумя руками и держи ровно.

Я сделала, как было велено, держа чашу, словно головешку, готовую вспыхнуть в любой момент. Затем Малвинна наклонилась вперед и притронулась пальцами правой руки к моему лбу:

– Смотри в вино, думай, что это картина... картина...

Голос затихал. Я смотрела в чашу – и видела уже не только темную жидкость. Это было похоже на то, как если бы я повисла в воздухе над безграничным пространством тьмы – гигантским зеркалом, в котором нет того блеска, каким обладает истинное зеркало. Поверхность черноты подернулась дымкой, и из струящегося тумана постепенно стали выплывать какие-то шевелящиеся тени. Я увидела круглый блестящий шар и в нем то, что было мне знакомо, – грифон, отливающий белым блеском.

Сначала шар был большим, занимал все зеркало. Затем он начал быстро уменьшаться, и мне стало ясно, что он прикреплен к цепи. Цепь держала рука. И шар вращался. грифон то обращал свой взор на меня, то отворачивался прочь.

Теперь шар стал совсем маленьким, словно отдалившись; уменьшилась и рука, держащая его. Вскоре в поле зрения возникла фигура мужчины. Он смотрел куда-то в сторону, и я не видела его глаз. Кольчуга закрывала тело незнакомца, на поясе висел меч, а через плечо – лук.

Я не могла определить, к какому роду он принадлежит: не было эмблем. Ничего, кроме загадочного шара.

Затем мужчина ушел, как будто его кто-то позвал. Зеркало вновь стало темным и безжизненным.

Малвинна убрала руку с моего лба. Когда я подняла глаза, то увидела, что ее лицо побледнело. Поэтому я быстро отставила чашу и осмелилась взять ее руки в свои, стремясь помочь ей.

Аббатиса слабо улыбнулась:

– Требуется очень много сил, а их у меня и так мало. Но я должна была это сделать. Скажи, дочь моя, что ты узнала?

– Разве ты ничего не видела? – с удивлением спросила я.

– Нет. Видение предназначалось только тебе.

Я рассказала обо всем, что произошло передо мною, – о грифоне, заключенном в шар, о человеке в боевых доспехах, который держал шар...

– грифон – это герб Ульмсдейла. Может, я видела лорда Керована, с которым я обручена?

– Вероятно, – согласилась аббатиса. – И мне кажется, этот грифон имеет большое значение для твоего будущего. Если он когда-нибудь попадет в твои руки, храни его. Вполне может быть, что в нем фокусируется Сила, которой обладали Древние. А теперь позови госпожу Алу-сан. Мне нужно одно из ее укрепляющих сердечных средств. Но не говори о том, что мы сделали здесь сегодня утром, ибо Предвидение – это личное дело и о нем нельзя говорить легкомысленно.

Я не сказала об этом никому, даже госпоже Мэт. Бывшая настоятельница позволила всем поверить, что она просто немного устала, и они засуетились вокруг нее, потому что ее очень любили. Чашу я отнесла в гостиную и поставила на стол.

Я смотрела и смотрела в нее, но не видела ничего, кроме вина, – ни темного зеркала, ни движущихся теней. Однако грифон как будто впечатался в память; если бы я могла рисовать, то изобразила бы его в мельчайших деталях. Этот грифон несколько отличался от грифона на гербе Ульмсдейла. Как положено, у него были крылья и голова орла, но задняя часть с ногами и хвостом была как у льва – зверя, которого можно встретить только на юге. Голову орла венчали львиные уши.

По верованиям нашего народа, грифон символизирует золото, тепло и величие солнца. В старых легендах говорится, что грифоны охраняют спрятанные сокровища. Поэтому их всегда изображали красным и золотым цветом – цветом солнца. Однако грифон, который явился мне, был заключен в хрустальный шар.

Вскоре после этих событий госпожа Мэт и я вернулись домой в Иткрипт. В год Коронованного Лебедя мне исполнилось четырнадцать лет, пора было готовить одежду и утварь для переезда в дом мужа. Через год-другой меня призовет лорд Керован.

Мы отправились в Тревампер – город, расположенный на стыке торговых путей. Здесь собирались все торговцы севера и предлагали свои товары. Даже сулькарцы – морские разбойники, весьма неохотно покидавшие царство ветра и волн, тоже приезжали в Тревампер.

Случайно мы повстречались тут с моей тетей Ислогой, ее сыном Тороссом и дочерью Ингильдой.

Хотя тетя сердечно приветствовала госпожу Мэт, я понимала, что это простая вежливость, – сестры не любили друг друга. Леди Ислога, изобразив улыбку на лице, поздравила меня с прекрасным браком, который соединил наш Дом с Домом Ульмсдейла.

Когда старшие с головой ушли в разговоры и перестали обращать на нас внимание, ко мне придвинулась Ингильда и уставилась на меня, как мне показалось, неприязненно. Она

была полной девушкой, облаченной в богатую одежду, по которой струились ее косы; концы их были перевязаны лентами, а на лентах висели маленькие серебряные колокольчики, призванные сладко звенеть, когда она двигалась. Такое украшение не шло к ее широкому, плоскому лицу со слишком маленьким ртом и слегка поджатыми губами, как будто она пережевывала пряный секрет и раздумывала, стоит ли им делиться.

– Ты знаешь, как выглядит твой лорд? – спросила она почти резко.

Мне стало не по себе под ее пристальным взглядом. Я чувствовала ее недружелюбие, хотя чем оно вызвано – ведь мы едва знали друг друга, – не могла догадаться.

– Нет.

Я сразу насторожилась, как всегда, когда чувствовала враждебное отношение. Но лучше узнать правду сейчас, чем тревожиться понапрасну. Я впервые подумала о том, что раньше не приходило мне в голову. Почему Керован не прислал мне свой портрет? Обычно во время обручения вместе с топором привозили портрет жениха.

– Жаль. – Во взгляде Ингильды я прочла торжество. – Посмотри, вот мой жених, Элван из Ришдейла. – Она достала из кармана на поясе продолговатую деревянную дощечку, на которой было нарисовано лицо. – Он прислал свой портрет вместе со своим подарком невесте два года назад.

Это было лицо не юноши, а человека средних лет. И оно мне совсем не понравилось, хотя, может быть, просто художник был не очень искусен. Тем не менее Ингильда явно гордилась женихом.

– Кажется, это человек серьезный.

Я не смогла придумать ничего иного. Чем дольше я смотрела на портрет, тем меньше он мне нравился. Ингильда восприняла мои слова как похвалу, на что я и надеялась.

– Ришдейл – горная долина, там все торгуют шерстью. Мой жених уже прислал мне подарки.

Она похлопала по янтарному ожерелью на своей шее и протянула мне руку, чтобы я могла взглянуть на массивное кольцо в виде змеи на большом пальце, глаза змеи были из красных драгоценных камушков.

– Змея – эмблема его рода. Это его собственное кольцо. Следующей осенью я поеду к нему.

– Желаю тебе счастья.

Ее бледный язычок облизнул верхнюю губу. Ингильда явно что-то хотела сказать и не решалась. Наконец она наклонила свою голову ко мне. Я изо всех сил старалась не отодвинуться.

– Мне бы тоже хотелось пожелать тебе счастья...

Спрашивать ее ни о чем не следовало, но я спросила помимо своей воли:

– А почему бы нет?

– Мы живем гораздо ближе к Ульмсдейлу. И многое... слышали.

Она так выразительно произнесла последнее слово, что это произвело на меня впечатление. При всей своей неприязни я не могла не выслушать ее.

– Что же именно?

В моем голосе прозвучал вызов. Она заметила это и наверняка получила удовольствие.

– Разве тебе не сказали, что наследник Ульмсдейла находится под двойным проклятием? Даже его собственная мать отказывается видеть его с самого момента рождения. Разве тебе не сказали этого? – повторила она с торжеством. – Жаль, конечно, разрушать твои мечты об отважном юном лорде. Он – чудовище и должен жить отдельно от людей, так как люди не могут смотреть на него без содрогания.

– Ингильда!

Резкий окрик прозвучал как удар хлыста, и она вздрогнула, как будто ее действительно ударили. Рядом с нами стояла госпожа Мэт, и ярость ее была так велика, что мне стало ясно: Ингильда говорила правду или что-то очень близкое к ней. Только правда могла вывести из себя невозмутимую госпожу Мэт.

Она ничего больше не сказала, но так грозно взглянула на Ингильду, что та отшатнулась, побледнела, вскрикнула и убежала. А я осталась на месте и встретила взгляд госпожи Мэт. Во мне родился холод.

Он все рос и рос. Я задрожала.

Проклятие! Монстр, на которого отказывается смотреть собственная мать? О Гуннора! Что они сделали со мной, навязав свадьбу?

Я думала, что кричу это вслух, но я молчала. Вскоре мне удалось взять себя в руки и заговорить – медленно, стараясь, чтобы голос не срывался. Я решила узнать всю правду именно сейчас и здесь.

– Во имя Пламени, которому ты служишь, скажи: я обручена с человеком, не похожим на других людей? – Я не могла заставить себя произнести слово «монстр».

Я думала, госпожа Мэт все смягчит, скажет, что это неправда... Но она молча села рядом. Лицо ее стало строгим, вспышка гнева угасла.

– Ты уже не ребенок, Джойсан. Я скажу тебе все, что знаю. Керован действительно живет отдельно от родных, но он не монстр. На род Ульма действительно наложено проклятие. Его мать родилась в северных долинах, где, как говорят, кровь людей смешалась с кровью Древних. Однако он вовсе не монстр. Лорд Кьярт удостоверился в этом перед тем, как согласиться на обручение.

– Но почему он живет отдельно? И почему его отказывается видеть мать? – Холод во мне стал таким жестоким, что я едва сдерживалась.

– Только из-за обстоятельств рождения. Она просто не в себе.

И госпожа Мэт рассказала о том, как лорд Ульмсдейла из-за проклятия не мог получить наследника от своих жен. Тогда он женился в третий раз на вдове, которая родила сына раньше времени в стенах одного из строений Древних. Мать в страхе отвернулась от ребенка, приняв его за посланца Древних. Но Керован – обычный человек. Его отец поклялся в этом Великой клятвой, нарушить которую не осмелится никто.

После этого откровенного рассказа смятение мое улеглось. Затем госпожа Мэт добавила:

– Джойсан, радуйся, что тебе достался молодой муж. Ингильда, несмотря на свое хвастовство, вышла замуж за человека, у которого уже была жена. Он годится ей в отцы и не будет потакать глупостям молоденькой дурочки. Ингильда еще не раз пожалеет, что сменила родительский дом на жилище мужа.

Немного погодя госпожа Мэт снова заговорила:

– Керован – человек, с которым интересно общаться. Он не только искусен в обращении с оружием, как большинство мужчин. Лорд читает старинные книги, как и ты, изучает все, что осталось от Древних. Да, таким мужем можно гордиться. Ты умная девушка, и негоже тебе слушать завистливые речи дурочки. Могу поклясться Пламенем – и ты хорошо знаешь значение такой клятвы для меня, – что я не допустила бы твоей свадьбы с монстром!

Я хорошо знала госпожу Мэт, и ее слова меня полностью успокоили. И все же в последующие дни я снова и снова думала о том, какое, должно быть, странное воспитание получил Керован. Трудно было поверить, что мать могла отвернуться от своего ребенка. Не помутился ли ее разум из-за родов в здании Древних? Ведь многие жилища Древних полны черного колдовства, враждебного людям.

До конца нашего пребывания в городе ни тетя, ни ее дочь больше не подходили к нам. Должно быть, госпожа Мэт ясно изложила свое мнение о том, что рассказала мне Ингильда.

Я радовалась: больше не нужно было видеть ее пухлое лицо, поджатые губы, выдерживать испытующий взгляд.

3

Керован

На большинство наших людей Пустыня наводила ужас. Люди, объявленные вне закона, были вынуждены искать там убежища; возможно, со временем они стали относиться к Пустыне так же, как к своим родным долинам. Там бродили и охотники, которые были еще страшнее преступников. Они приносили из Пустыни шкуры неведомых зверей, а также золото – не самородки, а куски каких-то искореженных золотых изделий.

Приносили и неизвестный металл, который очень ценился у нас. Из него кузнецы ковали великолепные мечи и кольчуги, необычайно крепкие и неподвластные ржавчине. Хотя порой металл вел себя непредсказуемо: взрывался и разрушал все вокруг, так что кузнецы, хоть и брались за работу охотно, каждый раз опасались, не попал ли в их кузницу проклятый кусок.

Те, кто приносил металл, тщательно скрывали место его добычи. Ривал был уверен, что его выкапывали из-под земли. Видимо, какое-то строение Древних постигла катастрофа, в результате которой металл сплавился в бесформенные глыбы. Ривал хотел выпытать что-нибудь у некоего Хагона – торговца, который дважды проходил через наш лес. Но Хагон упорно молчал.

Поэтому не только дорога привлекала нас. Пустыня хранила много тайн, требующих разгадки. И такое путешествие мне заранее нравилось.

К середине утра мы добрались до дороги и остановились, не решаясь ступить на гладкую поверхность, кое-где присыпанную песком. Здесь была первая загадка: дорога начиналась – или кончалась? – резко, как будто прямую полосу каменных плит обрубил меч какого-то великана. Почему дорога вела именно сюда, к непримечательному пустому месту? И почему она могла прийти к такому бесцельному концу? Возможно, это правда, что цели Древних были не такими, как у людей, и мы не можем судить об их действиях по нашим.

– Сколько лет прошло с тех пор, как здесь ходили люди, Ривал? – спросил я.

Он пожал плечами:

– Кто знает? Неизвестно даже, кто построил дорогу: люди или?.. Но если она так кончается, то начало может быть еще интереснее.

Мы ехали на маленьких непривычных лошадаках, привычных к езде по Пустыне; они могли преодолевать большие расстояния почти без еды и питья. На третью лошадь были навьючены наши пожитки. Оделись мы так, как одеваются торговцы металлом. Со стороны должно казаться, что мы тоже обитатели Пустыни. Ехали очень осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. Только тот, кто постоянно настороже, может избежать ловушек и прочих опасностей неизведанных земель.

Пустыня не была пустынной в полном смысле слова, тем не менее растения здесь почти отсутствовали, а трава выгорела под солнцем. Временами попадались роци из сплетенных друг с другом деревьев. Кое-где виднелись валуны, возвышающиеся, как колонны. Некоторые из них были обработаны если не людьми, то какими-то существами, использующими инструменты. Время и непогода сделали свое дело, и на камнях остались лишь еле заметные следы резца.

Мы проезжали мимо таких мест без остановки. День стоял безветренный, кругом царил тишина, нарушаемая лишь стуком копыт наших лошадей по каменным плитам.

Вскоре я начал беспокойно оглядываться через плечо. Появилось ощущение, что за нами следят... Преступники?

Моя рука помимо воли потянулась к рукояти меча. Но когда я взглянул на Ривала, то увидел, что он едет спокойно, правда изредка посматривая по сторонам.

– Мне кажется, – я подъехал поближе к нему, – что за нами следят.

Пришлось поступиться гордостью, чтобы сказать это, но он лучше знал местность, чем я.
– Так всегда бывает здесь, в Пустыне.

– Преступники? – Мои пальцы сжали рукоять меча.

– Возможно. Хотя скорее что-нибудь другое.

Его глаза не желали встречаться с моими, и я понял, что он не в силах объяснить. Или просто хочет скрыть свою тревогу. Я ведь был моложе его и менее опытен в таких путешествиях.

– А правда, что Древние оставили после себя Стражей?

– Что могут знать люди о Древних? – вопросом на вопрос ответил Ривал. – Не исключено. Когда человек идет по дорогам Древних, ему часто кажется, что за ним следят. Однако со мной никогда ничего не происходило. Если Древние действительно оставили Стражей, то они уже слишком стары и бессильны и способны только следовать.

Его слова меня не успокоили, и я продолжал озираться по сторонам. Ничто не двигалось в бескрайней пустынной местности, где пролегла дорога, – прямая словно стрела.

К полудню мы остановились, поели, напоили лошадей из бурдюков. Солнца не было, небо посерело. Но я не видел туч, которые означали бы приближение бури. Ривал, задрвав голову, принялся.

– Нужно искать укрытие. – В его голосе прозвучала тревога.

– Я не вижу туч.

– Буря приходит здесь быстро и без предупреждения.

Он посмотрел вдаль и показал на темное пятно впереди – возможно, развалины. Мы поехали туда и вскоре поняли, что развалины находятся довольно далеко от нас. Над землей висела дымка, искажающая расстояние. Наконец мы добрались до намеченного места. И как раз вовремя, так как небо темнело на глазах.

К счастью, здесь можно было укрыться. Хотя никто не мог бы сказать, что стояло раньше на месте развалин, не все разрушилось одинаково сильно. Среди обломков вырисовывалась часть комнаты с остатками крыши, и мы вошли туда с лошадьми и кладью.

Ветер уже свирепствовал, поднимал клубы пыли, которая забивала нам рты, глаза, ноздри. Мы едва успели укрыться. Комнату скрыла плотная темная завеса. Вскоре послышались жуткие раскаты грома, как будто в бой шла могучая армия. Ослепительная молния прочертила небо и ударила в землю совсем неподалеку. Затем хлынул дождь. Он мгновенно прибил пыль. Но и это не помогло нам оглядеться, так как появилась другая завеса – водяная.

Вода ручьями бежала по выщербленному полу, и мы забрались в самый дальний угол помещения.

Лошади ржали, фыркали, косили глазами, напуганные разбушевавшейся стихией. Затем начали успокаиваться, перестали вертеть головами, и я постепенно расслабился.

Тьма стояла кромешная, как глухой ночью, а факелов у нас не было. Хотя мы тесно прижались друг к другу, дождь барабанил так, что слова тонули в шуме. Кричать же здесь мы не осмеливались.

Чем были прежде эти руины? Здание располагалось близ дороги и вполне могло служить таверной или казармой для патрульных. Кому дано понять замысел Древних?

Одной рукой я ощупал стену – поверхность была совершенно гладкая, в отличие от внешних стен, выщербленных временем. Мои пальцы не могли отыскать швов. Но как же плиты соединялись между собой?

Внезапно...

Я могу поклясться, что не спал. Во всяком случае, таких снов я в жизни не видел.

По дороге что-то двигалось. Плотная мгла не давала ничего рассмотреть. Различались только силуэты, напоминавшие людей.

Все они шли в одном направлении. Отступление. Нет, не бегство от наседающего врага, а отступление перед какими-то обстоятельствами. Казалось, люди уходят из родных мест, где долго жили и пустили глубокие корни.

Я понимал, что путники не принадлежат к одному народу. Одни из них, проходя мимо нас, вызвали острое чувство сожаления, потери – такое отчетливое, как будто они кричали вслух. Чувства других беглецов читались труднее, хотя они тоже были глубоки и остры.

Слышу ли я плач сквозь шум дождя? Скорее всего, путники плачут мысленно, и их горе так подействовало на меня, что я закрыл глаза руками. По пыльным щекам потекли горькие слезы...

– Керован!

Призрачные тени исчезли. Рука Ривала лежала на моем плече. Он тряс меня, будто стараясь пробудить ото сна.

– Керован! – В его голосе послышались повелительные нотки.

– В чем дело?

– Ты... ты плачешь. Что с тобой?

Я поведал ему о народе, который уходил куда-то, охваченный горем.

– Похоже, у тебя было видение, – произнес он задумчиво, когда я закончил рассказ. – Возможно, так Древние покидали эту страну. Ты никогда не пробовал себя в дальновидении? Не искал в себе проявлений Силы?

– О нет!

Мне не нужна еще одна тяжесть, которая окончательно отделила бы меня от людей. Достаточно проклятия, лежащего на нашем роду. Я не хотел идти по пути, по которому идут Мудрые женщины и некоторые мужчины вроде Ривала. И когда он предложил мне испытание, я сразу и без сомнений отказался. Ривал не настаивал. Только добровольцы могут ступить на трудный путь дальновидца, требующий более суровой дисциплины, чем путь воина.

Когда буря стихла и небо вновь просветлело, можно было продолжать путь. В выбоинах и ямах стояла вода. Мы наполнили бурдюки, напоили лошадей.

Что же это было: сон или видение? Впрочем, вскоре я уже забыл об остром переживании, которое так на меня подействовало. И был рад, что забыл.

Дорога, которая прежде шла прямо, теперь стала описывать широкую дугу, отклоняясь к северу. Она вела все дальше в неизвестность Пустыни. Впереди в вечернем небе мы увидели темную голубую линию, напоминающую горную цепь.

Земля здесь была более гостеприимной. Все чаще попадались деревья, а не чахлые кустарники, окруженные засохшей травой. Вскоре мы дошли до моста, переброшенного через бурный поток, и приготовились к ночлегу. Ривал решил расположиться не на берегу, а на песчаном мысе. Вода в реке поднялась после дождя, бурные волны разбивались о прибрежные камни, обдавая нас брызгами.

Я согласился с неудовольствием, ибо считал, что место выбрано неудачно. Ривал почувствовал мое настроение:

– Здесь опасно, Керован. Лучше принять обычные предосторожности... и необычные тоже.

– Обычные предосторожности?

Он показал на воду:

– Через такой бурный поток не перейти. В случае нападения нам придется защищаться только с одной стороны.

Я раскидал камни, расчистив место для нас и для лошадей. Ривал запретил разводить костер, хотя бурная речка нанесла много топлива. В воде бурлила своя жизнь. Я увидел темный силуэт такой длины, что можно было предположить, что рыбы этой страны были огромных размеров, хотя меня и мучило тревожное подозрение, что эта тень под поверхностью воды не

похожа ни на одну из рыб, которых я знал. Я решил, что в Пустыне лучше не слишком глубоко копаться в неизвестном.

Мы решили поочередно стоять на страже, как будто находились в окружении противника. Когда пришла моя очередь сторожить, я был настолько встревожен, что в каждой тени видел подползающих врагов. Но потом я постарался взять себя в руки и успокоиться.

Луна вышла во всем блеске. Яркие лучи, освещая долину, делали ее черной и серебряной – серебряной на открытом пространстве, черной в тени. Вдали слышался стук копыт, и наши лошади ржали и беспокоились. Видимо, это были их дикие собратья. Однажды донесся печальный вой, подобный вою волка, вышедшего на охоту. И что-то большое и крылатое медленно и бесшумно пролетело над нами, словно осматривая незваных гостей. Но эти звуки не были пугающими сами по себе: все знали о существовании диких лошадей, волки нередко забегали даже в долины, а крылатые хищники водились повсюду.

Нет, вовсе не звуки тревожили меня. Меня тревожило то, чего я не слышал. Складывалось впечатление, что в этой черно-серебряной долине скрывается кто-то или что-то – следит за нами и слушает наши разговоры. Только я никак не мог решить, хорошо это или плохо.

Утро и солнце прогнали мои фантазии. В дневном свете открытая пустынная долина вовсе не была жуткой. Мы переехали мост, двинулись по дороге дальше и в полдень добрались до подножия гор. Их вершины были остры как ножи. Дорога сузилась – по ней можно было проехать только двоим – и часто петляла, бежала то вверх, то вниз. Те, кто прокладывал дорогу, похоже, следовали по самому легкому маршруту в этом лабиринте гор.

Здесь Древние тоже оставили свой след. На каменных стенах были высечены лица, некоторые готескные, другие человеческие и добрые. Кое-где встречались надписи, и Ривал их терпеливо срисовывал, надеясь, что когда-нибудь ему удастся прочесть письма Древних.

Он потратил так много времени на копирование, что полдень застал нас в узком ущелье. Решив отдохнуть, мы устроились под самым подбородком широкого лица, надменно смотрящего на нас из глубины утеса.

Я долго изучал его и чем больше вглядывался, тем более знакомым казалось мне это лицо. И хотя мы были со всех сторон окружены причудливыми изображениями, ощущение слежки пропало. Впервые за все время нашего путешествия настроение мое улучшилось.

– Почему здесь столько наскальных рисунков? – спросил я. – Чем дальше, тем их становится больше.

Ривал прожевал кусок хлеба и ответил:

– Возможно, мы приближаемся к очень важному месту – часовне, Святилищу или даже к городу. Я годами собирал и анализировал рассказы торговцев: никто из них не забирался так далеко по дороге.

Я видел, что он возбужден, ждет какого-то важного открытия. самого важного из сделанных за долгие годы путешествий по Пустыне.

Быстро закончив перекус – нами уже овладело нетерпение, – мы поехали дальше. Дорога все извивалась между холмами, изображения стали более сложными. Теперь линии образовывали замысловатые узоры. Перед одним из них Ривал остановился:

– Великая Звезда! – Он был охвачен трепетом.

Я всмотрелся и наконец выделил взглядом пятиконечную звезду. В хитросплетении линий найти ее было довольно трудно.

– Великая Звезда? – переспросил я.

Ривал соскочил с лошади, подошел к утесу и начал ощупывать глубоко высеченные линии, словно желая пальцами подтвердить истинность того, что видят глаза.

– Это способ, насколько нам известно, призвать одну из высших Сил, – сказал он, – хотя всё, кроме замысла, для нас утрачено. Никогда раньше я не встречал такого сложного рисунка. Надо его скопировать.

Ривал достал рог с чернилами, плотно закупоренный для путешествий, перо, новый кусок пергамента и принялся за работу. Я изнемогал от нетерпения, глядя, как аккуратно и любовно прорисовывает он каждую черточку, то и дело сверяясь с оригиналом.

– Проедусь немного, – сказал я.

Ривал что-то хмыкнул в ответ, не поворачивая головы.

Я двинулся вперед, повернул и...

Передо мной возвышалась каменная плита – и никаких намеков на дверь или ворота.

Мощенная дорога обрывалась.

Не веря глазам, я смотрел на внезапный и бессмысленный конец нашего путешествия, на которое возлагалось столько надежд. Дорога начиналась ниоткуда и вела в тупик. Зачем же она нужна?

Я спешился и подошел к каменной громаде, тронул ее рукой. Прошел сначала в одну сторону, затем в другую, пытаясь найти во всем этом хоть какой-нибудь смысл. По обе стороны стояли колонны, как будто охраняя какой-то вход, портал. Но самого портала не было!

Я подошел, чтобы положить руку на левую колонну, и у ее подножия мельком заметил что-то. Это было слабое мерцание, почти скрытое в гравии. Я сразу же опустился на колени и попытался, используя сначала пальцы, а затем острое ножа, вытащить свою находку из трещины, в которой она была наполовину погребена. Блестящий предмет, который я держал в руке, был странной находкой. Это был шар, маленький хрустальный шар, который, как можно было ожидать, давным-давно разбился бы среди этих суровых скал. И все же на его гладкой поверхности не было даже царапины.

Внутри шара я увидел изображение грифона, как будто сделанное искусным ювелиром – резчиком драгоценных камней. Грифон, между прочим, был гербом нашего рода. Этот, в шаре, одну ногу с когтями приподнял, а клюв раскрыл, словно хотел изречь какую-то мудрость, к которой мне велено было прислушаться. В шар прямо над головой грифона была вделана витая золотая петля, как будто когда-то ее так крепили к цепочке для ношения.

Я мог бы поклясться, что шар начинает светиться и даже нагревается, но тепло, исходящее от него, было мне приятно.

Я поднял шар повыше, чтобы повнимательнее рассмотреть грифона. Его глаза были сделаны из красных камушков и вспыхивали, хотя на них не попадали лучи солнца. Они словно жили.

У Ривала я видел много странных предметов, но впервые мне попала такая вещь – совершенно целая и неповрежденная, за исключением остатка цепочки, которую легко можно было восстановить. Отдать находку Ривалу? Однако, глядя на грифона, я ощущал умиротворяющее тепло шара, видел, что в нем скрыты мудрость и предупреждение, чувствовал, что он предназначен мне одному. Эта находка – не просто везение, шар сделан именно для меня. Но для чего? Или в моих жилах действительно течет доставшаяся от матери кровь Древних и поэтому шар так странно мне знаком?

Я принес его Ривалу. На его лице выразилось безграничное удивление.

– Сокровище – и оно только твое, – медленно сказал он, как будто ему не хотелось этого произносить.

– Нашел его я, но оно принадлежит в равной степени нам обоим. – Я заставил себя быть великодушным.

Он покачал головой:

– Нет. Не зря в твоём гербе изображение грифона.

Ривал протянул руку и коснулся левой стороны моего камзола, где красовалась голова грифона. Он даже не стал брать шар в руки, хотя внимательно его осмотрел.

– Эта вещь обладает Силой. Ты чувствуешь в нем жизнь?

Я чувствовал. Шар излучал тепло.

– Его можно использовать по-разному, – тихо проговорил Ривал, закрыв глаза. – Он может осуществлять связь между людьми, может открывать двери без ключа... грифон будет твоей судьбой, поведет тебя в загадочные места.

Хотя Ривал никогда не говорил о своей способности к дальновидению, сейчас он был охвачен некой тайной Силой, которая позволяла ему видеть будущее.

Я завернул шар в пергамент и для большей надежности спрятал во внутренний карман камзола.

Подойдя к каменной плите, Ривал разделил мое изумление. По всему было ясно, что портал – место чрезвычайной важности. Но ведь его не было, как не было и какого-либо намека на вход. В конце концов мы удовлетворились тем, что нашли, и двинулись в обратный путь.

В дороге Ривал ни разу не попросил у меня шар, я тоже не доставал свою находку. В те две ночи, проведенные в Пустыне, мне снились странные сны. Я забыл их; осталось только страстное желание вернуться домой, ибо там меня ждало дело чрезвычайной важности.

4

Джойсан

Хотя Ингильда мне очень не нравилась, я обнаружила, что ее брат Торосс не похож на нее. Осенью после нашего возвращения в Иткрипт он приехал верхом через холмы с небольшим эскортом, все их мечи были в ножнах с завязками, означающими мирные намерения. Они хотели принять участие в большой охоте, после которой наши кладовые заполнились бы на зиму соленым и копченым мясом.

Он отличался от сестры как разумом, так и фигурой: стройный, хорошо сложенный юноша. Волосы его были более рыжими, чем у жителей долин. Кроме того, Торосс отличался быстрым и острым умом и хорошо пел по ночам в зале.

Я слышала, как госпожа Мэт говорила женщинам, что Тороссу в пору всю жизнь носить с собой рог, чтобы собирать слезы вздыхающих по нему девушек. Он же не предпринимал ничего, чтобы заслужить их внимание, и всегда был готов принять участие в мужских развлечениях – скачках или фехтовании.

Мне Торосс стал другом, какого у меня никогда еще не было. Он обучил меня многим песням, а также игре на лютне. Иногда он приносил мне ветку с яркими осенними листьями или еще что-нибудь такое же простое, но красивое.

У Торосса было мало времени для развлечений – приходилось много работать, чтобы запастись пищей на зиму. Мы наварили разных фруктов и разложили их по банкам, плотно завязанным пергаментом; другие плоды высушили; принесли тяжелую одежду и осмотрели ее на предмет необходимости ремонта.

Все больше и больше работы леди Мэт возлагала на меня.

Она говорила, что я теперь не маленькая и мне нужно набраться опыта, ведь скоро я стану хозяйкой в доме мужа. Я часто делала ошибки, но и многому училась, так как была горда и не хотела, чтобы надо мной посмеивались в чужом доме. И я чувствовала гордость, когда мой дядя хвалил какое-нибудь блюдо моего изобретения. Он был сладкоежкой, и розовый и фиолетовый сахар, искусно превращенный в цветы, были для него забавным наслаждением, которым можно закончить трапезу, и одним из моих величайших триумфов.

Хотя целыми днями я была занята и даже по вечерам чинила одежду, я все же не могла выбросить из головы мысли, которые пробудила во мне Ингильда. И я сделала то, до чего могла додуматься только молодая девчонка. Сделала втайне от всех.

На западе нашей долины был колодец, о котором рассказывали, что если отправиться туда в полнолуние, когда полная луна отразится в его воде, и бросить в него булавку, то обрешь счастье. Не совсем веря легендам, но все же влекомая слабой надеждой на то, что, возможно, это принесет мне удачу, я улизнула с восходом луны (что само по себе было непросто) и направилась по только что сжатым полям к колодцу.

Ночь была холодной, и я натянула на голову капюшон. И вот я стояла, глядя в сверкающее отражение луны и держа наготове булавку, чтобы уронить ее в центр блестящего круга. Но вдруг изображение луны задрожало и превратилось во что-то другое. Долгое мгновение я была уверена – то, что я там увидела, сильно отличалось от луны, а больше походило на хрустальный шар. Должно быть, я уронила булавку, потому что внезапно вода забурлила и видение, если это было видение, исчезло.

Удивленная, я забыла произнести заклинание, так что все мои усилия были напрасны, счастье ускользнуло. Я рассмеялась над своей глупостью и побежала прочь от колодца.

Что в мире есть колдовство и наложение чар, мы все знали. Есть Мудрые женщины, которые разбираются в таких вещах, а также другие, такие, как бывшая настоятельница, контроли-

рующие Силы, которых большинство мужчин не понимает. Можно вызвать некоторые из этих Сил, если у тебя есть Дар и подготовка, но у меня не было ни того ни другого.

Может, мне лучше не вмешиваться в эти дела?

Только... Почему я снова увидела грифона, заключенного в шар?

Грифон... Мои пальцы нащупали под накидкой вышитую на платье эмблему грифона, герб Дома Ульма, с которым я связана торжественной клятвой. Что же представляет собой мой муж? Почему он не прислал мне своего портрета, как жених Ингильды?

Чудовище... У Ингильды не было причин говорить злобную ложь; в том, что она сказала мне, должна быть какая-то доля правды. Был только один способ...

Из Ульмсдейла ко дню моих именин ежегодно присылали подарки. Когда они придут в этом году, я отыщу начальника каравана и попрошу, чтобы он передал мое желание мужу: мы должны обменяться портретами. У меня был мой портрет, нарисованный писцом дяди, у которого был талант живописца. Да, именно так я и поступлю!

Мне казалось, что это колодец вложил такую счастливую мысль в мою голову. И поэтому я вернулась радостная и никем не замеченная.

Теперь я стала думать над выполнением плана.

Сначала нужно было подыскать подходящий футляр для моего портрета, который я аккуратно наклеила на отполированную деревянную пластинку.

Затем я сшила небольшой мешочек. На лицевой стороне красовался вышитый грифон, а на обратной – Сломанный Меч. Я надеялась, что мой лорд поймет эти нехитрые символы, поймет, что мое прошлое – Иткрипт, а будущее – Ульмсдейл.

Все это я делала тайно, ибо никого не хотела посвящать в свои планы. Но как-то поздним вечером внезапно вошел Торосс. Портрет лежал на столе. Когда Торосс увидел его, он спросил:

– Чья искусная рука сделала это? Портрет очень похож на тебя.

– Аркан, писец дяди.

– И для кого же он предназначен?

В его голосе прозвучали повелительные нотки, словно он имел право требовать у меня отчета. Я была очень удивлена и даже немножко разозлилась, что он говорит со мной таким тоном. Ведь он всегда был вежлив и мягок.

– Это будет сюрпризом для лорда Керована. Скоро он пришлет подарки на мои именины, а это я пошлю ему.

Я не хотела раскрывать свои планы Тороссу, однако вопрос был поставлен слишком прямо.

– Ваш господин! – Он немного отвернулся от меня. – Кое-кто забыл, что эти узы существуют. Джойсан, ты когда-нибудь думала, что значит поехать к незнакомым людям, к лорду, которого ты никогда не видела?

Снова в голосе друга я ощутила неожиданную горечь... Я отложила иглу, взяла в руки портрет и мешочек, завернула их в ткань.

Мне не следовало отвечать ни «да» ни «нет» на вопрос, который Торосс не имел права задавать.

– Джойсан, существует право отказа от свадьбы! Можно им воспользоваться.

Рука Торосса лежала на рукояти меча, и я видела, как его пальцы судорожно сжались.

– Обесчестить его Дом? И мой тоже? – спросила я. – Ты хочешь, чтобы меня презирали? Какого же ты обо мне мнения, родственник? Почему ты решил, что я могу так оскорбить человека?

– Человека?! – Он резко повернулся ко мне. Его губы были сжаты, в глазах появилось выражение, которого я никогда раньше не видела. – Знаешь, что говорят о наследнике Ульмсдейла? Человек!.. О чем думал твой дядя, когда согласился на обручение? Джойсан, никто не

осудит девушку, которая откажется от свадьбы, если узнает, что ее обманули. Будь разумна, откажись от свадьбы. И немедленно!

Я встала, во мне разгорался гнев. Однако внешне я была совершенно невозмутима, ибо всегда умела скрывать свои истинные чувства. За это я должна благодарить судьбу: она дала мне превосходное оружие против злого мира.

– Родственник, ты забываешься. Такие речи неприличны, и мне стыдно, что ты мог подумать, будто я настолько низка, что буду слушать их. Тебе лучше научиться держать язык за зубами.

И я вышла из комнаты, не обращая внимания на его робкую попытку задержать меня.

Придя к себе, я встала у северного окна, глядя вдаль. Я дрожала, но не от холода, а скорее от страха, который, как мне казалось, я преодолела за те недели, что прошли после разговора с Ингильдой.

Злоба Ингильды, а теперь эта странная вспышка Торосса, я никогда бы не поверила, что он мог сказать мне такое! Да, право отказаться от свадьбы существовало. Но оно всегда вело к смертельной вражде между Домами. «Чудовище», – сказала Ингильда. А теперь Торосс сказал слово «человек» таким тоном, будто его нельзя применить по отношению к моему мужу! Но ведь мой дядя не желал мне зла, он наверняка все обдумал, прежде чем дать согласие на обручение. И госпожа Мэт мне торжественно поклялась...

Я вдруг затосковала по аббатисе Малвинне. Только с ней одной я могла бы поговорить об этом деле.

Мнение госпожи Мэт я уже знала: Керован стал жертвой несчастья. В это я могла поверить с большей готовностью, чем в то, что он не человек. Ведь после клятв, которыми обменялись его отец и мой дядя, обмана просто не может быть!.. Я успокоила душу такими размышлениями, еще больше укрепившись в намерении послать свой портрет Керовану.

После этого я всячески избегала Торосса, хотя он неоднократно делал попытки встретиться со мной. Я ссылалась на занятость, на недостаток времени и уходила прочь. Затем настал день, когда у него состоялся личный разговор с моим дядей, и еще до конца дня он и его люди выехали из Иткрипта.

Дядя вызвал к себе госпожу Мэт, а затем за мной пришел Аркан.

Дядя хмурился, как всегда, когда был чем-то недоволен. И его хмурый взгляд мрачно обратился на меня, едва я появилась на пороге.

– Что ты затеваешь, девчонка? – закричал он. – Неужели ты так легкомысленна, что...

Госпожа Мэт встала с кресла. Ее лицо было таким же разгневанным, как и у дяди, но она смотрела на него, а не на меня.

– Сначала нужно выслушать Джойсан! – Ее повелительный голос отрезвил его. – Джойсан, сегодня Торосс пришел к твоему дяде и говорил об отказе от свадьбы...

Меня охватил гнев, когда дядя стал кричать на меня, даже не дав открыть рта.

– Он и мне говорил о том же. Но я не стала его слушать. Я сказала, что не нарушу клятвы. Неужели вы меня так плохо знаете, что поверили его словам?

Госпожа Мэт кивнула:

– Так я и думала. Джойсан росла у тебя на глазах все эти годы, брат, а ты совсем ее не знаешь!.. Что говорил тебе Торосс, Джойсан?

– Торосс плохо думает о лорде Кероване, он уговаривал меня отказаться от свадьбы. Я ответила, что мне не подобает слушать его постыдные слова, и ушла прочь, и после этого у меня не было никаких личных бесед с ним.

– Отказ от свадьбы! – Дядя изо всех сил ударил кулаком по столу. – Он сумасшедший? Вступить в кровную вражду не только с Ульмсдейлом, но с половиной северных родов, которые встанут на сторону Ульрика в таком вопросе! Почему он упорствует?

В глазах госпожи Мэт появился холод.

– Я вижу здесь две причины, брат. Первая – это его горячая кровь, а вторая...

– Хватит! Нет нужды перечислять все, что могло или не могло подвигнуть Торосса на эту глупость. Слушай, девочка! – Дядя повернулся ко мне. – Ульрик поклялся, что его наследник может быть мужем самой достойной леди. Что его жена слегка тронулась при рождении сына, – об этом знают все. Она так невзлюбила своего отпрыска, что называет его не иначе как чудовищем. Ульрик со мной объяснился. Я расскажу тебе все, но ты впредь будешь молчать об этом, запомни, девочка!

– Конечно, дядя, – пообещала я ему, когда он сделал паузу, как будто ожидая от меня подтверждения.

– Хорошо. Тогда слушай. За такими дикими историями всегда что-то кроется, так что учись в будущем отделять правду от лжи. Леди Тэфана, мать твоего мужа, имеет сына Хлаймера от первого брака. Так как он не получил наследства от своего отца, леди Тэфана привезла его с собой в Ульмсдейл. К тому же у нее есть дочь Лисана – на год моложе твоего мужа. Лисана помолвлена с кем-то из рода матери. Свою дочь Тэфана обожает так же сильно, как ненавидит Керована. Ульрик уверен, что в его доме гнездится заговор против истинного наследника: они хотят, чтобы трон унаследовал муж Лисаны. Ульрик не может ничего поделать, ибо у него нет доказательств заговора, но он не хочет, чтобы сына изгнали и лишили наследства, когда он сам уже не сможет его защищать. Поэтому он решил обеспечить сына мощной поддержкой, связать его с сильным родом, который будет в силах отстоять трон Керована. Трон нельзя занимать человеку, тело и душа которого не такие, как у других людей. Есть ли более верный способ посеять сомнение в тех, кто будет поддерживать наследника? И Торосс пришел ко мне с этими нелепыми выдумками! Так как я обещал Ульрику не рассказывать никому о его опасениях, пришлось просто приказать Тороссу уехать, если он не может держать язык за зубами. Но ты, вероятно, выслушала его...

Я покачала головой:

– Я слышала об этом раньше от его сестры в Тревампере.

– Мэт мне рассказывала. – Гнев сошел с лица дяди, ему стало стыдно за свою вспыльчивость. – Видишь, девочка, куда дошли сплетни... Я далек от мысли, что Ульрик плохой правитель, но каждый должен держать свой Дом в руках. Знай, что ты помолвлена с лордом, стать женой которого совсем не постыдно. Не обращай внимания на глупые рассказы, теперь ты знаешь их источник и цель.

– За что я должна благодарить тебя, – ответила я.

Когда мы с госпожой Мэт вышли, она увлекла меня в свою комнату и долго смотрела в глаза, будто с помощью взгляда старалась выяснить, что же на самом деле я думаю.

– Как Торосс осмелился заговорить с тобой об этом? Нужны очень веские причины, чтобы нарушить обычаи. Ты замужняя леди, Джойсан, и тебе не пристало строить глазки направо и налево.

– Все не так, госпожа Мэт!

И я рассказала ей о своем плане. К моему удивлению, она меня ни в чем не упрекнула.

– Правильно, Джойсан. Если бы у тебя был портрет лорда Керована во время разговора с Ингильдой, ты могла бы ответить ей достойно. Значит, Торосс был в бешенстве от того, что ты хотела сделать? Теперь этот мальчишка уже вернулся к тем, кто послал его сеять здесь смуту.

Она снова была в ярости, но я не понимала, на кого эта ярость направлена. Леди Мэт ничего мне не объяснила.

Вскоре я закончила работу над мешочком и положила его в свой шкафчик до прибытия каравана из Ульмсдейла.

Караван пришел через несколько дней – совершенно не похожий на прежние. Охранники были старые, израненные в боях. Их командир – согбенный пожилой человек по имени Яго – сильно прихрамывал. Помимо шкатулки, которую он торжественно вручил мне, у него была

трубка для сообщений, запечатанная символом Ульрика для моего дяди, и он сразу же вступил с ним в личную беседу, как будто это было делом большой важности. Может быть, вызов в Ульмсдейл? Хотя нет, вряд ли. Моему господину надлежало самому приехать во главе пышной процессии, чтобы с почестями доставить меня в свой дом.

В шкатулке были ожерелье из северного янтаря и золотой кулон с цепочкой. Богатые дары – и все же мне хотелось получить портрет.

Я ожидала, что госпожа Мэт устроит мне возможность поговорить с Яго наедине, и тогда я смогла бы вручить ему свой подарок и просьбу. Однако Яго очень долго беседовал с дядей и не удосужился войти в дом до самого ужина.

Я была рада, что Яго посадили рядом со мной: теперь я могла попросить его о встрече наедине. Но Яго заговорил первым:

– Госпожа, помимо дара Дома Ульма, у меня еще есть подарок от самого лорда Керована, который он просил вручить тебе в руки.

Я почувствовала страшное возбуждение. Неужели лорд прислал мне свой портрет?

Увы, это был не портрет. Мы отошли от стола подальше, и Яго вложил в мою дрожащую руку маленький пакет. Я быстро открыла его и... У меня в руках находился шар с грифоном внутри!

Тот самый, что я видела в монастыре!

Я едва не выронила подарок. Когда Сила входит в чью-то жизнь, человек наполняется трепетом и страхом. В шар над головой грифона было вделано кольцо, так что его можно было носить, как кулон на цепочке.

– Прекрасная вещь!

Я с трудом обрела дар речи и очень надеялась, что не выдала своих страхов. Ведь я бы не смогла объяснить причин овладевшей мною паники. Чем дольше я рассматривала подарок, тем более убеждалась, что это настоящее произведение искусства.

– Лорд просит тебя принять подарок и носить его на груди.

Яго говорил так, как будто старательно припоминал слова, сказанные Керованом. Я решила не задавать вопросов: может быть, он не слишком близок с лордом.

– Скажи лорду, что подарок доставил мне большую радость. – Я уже полностью овладела собой и с легкостью произносила положенные фразы. – Когда я буду смотреть на этот шар, он не только будет восхищать меня своей красотой, но и напоминать о доброте того, кто его подарил. – Я торопливо достала свой подарок. – А вот это передай в руки моего господина. Попроси его, если он сочтет возможным, пусть пришлет в ответ то же самое.

– Твои слова для меня закон, госпожа.

Прежде чем Яго успел что-либо добавить, к нам подошел слуга и пригласил его в покои дяди, и я больше не видела его в ту ночь. И у меня не было больше случая поговорить с ним в течение двух дней, пока караван оставался в Иткрипте. Я церемонно попрощалась с Яго, когда он уезжал, и к тому времени все в замке знали новости, привезенные из Ульмсдейла.

Люди из долин ни по рождению, ни по склонностям не были мореходами. У нас на побережье, конечно, были торговые порты и деревни рыбаков, но ни один большой корабль не ходил под флагом лорда из долин. А те, кто торговал за морями – такие, как сулькарцы, – никогда не принадлежали к нашим родам.

Новости из-за морей безнадежно устаревали, пока достигали нас. Мы слышали, что на востоке давно шла война. Время от времени упоминалась страна, город или даже какой-нибудь военачальник или лорд, чьи деяния доходили до нас такими искаженными, что их не стоило принимать всерьез.

Обычно к нам приплывали торговцы из Сулькара за нашей шерстяной тканью, нашим чудесным металлом из Пустыни, нашим пресноводным жемчугом. Но два года назад сулькарцы потерпели тяжелое поражение в восточных водах, и поэтому их торговые корабли перестали

приходить к нам. Однако в последнее время у наших берегов стали появляться корабли иноземцев. Эти чужаки вступали в торги, вынуждая нас заключать невыгодные сделки, и, казалось, чрезмерно интересовались нашей землей. Часто, пока их корабли оставались в гавани, они целыми отрядами путешествовали по округе, будто исследуя ее.

Все, что мы знали о войне, ограничивалось столкновениями между долинами, которые временами могли быть жестокими и кровавыми, но в них редко участвовало больше нескольких десятков человек с каждой стороны. У нас не было ни короля, ни повелителя, и мы гордились этим.

И это же было нашей слабостью. Изредка лорды объединяли силы, чтобы совершить рейд в Пустыню и разогнать преступников. Но такие союзы были кратковременны. И хотя было несколько лордов, у которых было больше сторонников, чем у других (главным образом потому, что они владели более богатыми и густонаселенными долинами), никто не мог послать призыв к объединению, на который откликнулись бы все остальные.

Должно быть, те, кто шпионил за нами, поняли, что мы слабые противники, которых легко одолеть. Однако они не брали в расчет характер жителей долин, ибо каждый из нас был готов яростно сражаться за свободу и до конца хранить верность своему лорду.

Недавно в Ульмспорт прибыли два корабля. Люди с кораблей говорили, что они из Ализона, и надменно рассказывали о могуществе своей страны. Один из их людей был ранен, и его лечила Мудрая. Благодаря своему искусству она могла отличить правду от лжи. Когда раненый, охваченный жаром, бредил, она внимательно слушала. Позже, когда его увезли, целительница пошла к лорду Ульрику.

Лорд Ульрик был достаточно умен, чтобы понять, что над страной нависла опасность: судя по бормотанию раненого, он действительно был шпионом, разведчиком армии, которая скоро высадится на нашем берегу. Лорд немедленно послал сообщения всем соседям, в том числе и в Иткрипт.

Да, страшная тень нависла над страной. Но я держала в руках хрустальный шар с грифоном, не думая об ализонцах и их шпионах. Я только мечтала, что в следующий раз мне привезут портрет Керована – человека, а не монстра.

5

Керован

К моему великому удивлению, Яго вернулся раньше, чем мы с Ривалом вышли из Пустыни. Он был так разгневан, что, будь я помладше, мой воспитатель срезал бы с ближайшей ивы прут и хорошенько отстегал бы меня. Но его гнев был вызван не только моим путешествием в опасные земли, но и тем, что он узнал в Ульмскипе. Яго говорил со мной так строго, так серьезно, что я забыл свою обиду на него и приготовился слушать.

Я дважды бывал в Ульмскипе – и оба раза в отсутствие матери, когда она уезжала навещать родственников. Так что он, как и нижняя часть долины, не был мне незнаком. Кроме того, навещая меня, отец рассказывал о нуждах народа и обо всем, что он считал необходимым знать будущему лорду.

Однако Яго привез неслыханные вести. Впервые я узнал о захватчиках, хотя тогда они так не назывались, поскольку выдавали себя за торговцев, временно сошедших со своих кораблей в Ульмспорте.

Впервые они сунули нос в наши порты в устьях рек примерно годом раньше. Тогда они были очень осторожны и осмотрительны, изображая безобидных торговцев. То, что они предлагали в обмен на товары, было ново для жителей долин, и они нашли радушный прием. Но чужаки держались особняком, хотя и выходили на берег по двое, по трое, никогда не оставаясь в одиночестве. Сойдя на берег, они не задерживались в порту, а отправлялись вглубь страны – якобы для обмена товарами.

Встречали гостей уважительно, хотя они только и знали, что высматривать и расспрашивать. Мой отец, собрав все донесения по маршрутам их путешествий заключил: мы имеем дело не с торговцами, а с разведчиками.

Он тут же отправил письма ближайшим соседям – в Аппсдейл, Финдейл, который чужаки посетили под предлогом проходившей там большой ярмарки, Флатингдейл и даже Вестдейл, известный портом Джорби. С этими лордами у отца были хорошие отношения – никакая вражда их не разделяла. Лорды к сообщению отнеслись серьезно и отрядили людей присматривать за пришельцами.

Предстояло решить, будут ли лорды действовать сообща и запретят ли кораблям из Ализона бросать якоря возле наших берегов. Однако наши лорды – люди упрямые. Ни один лорд не признает открыто, что он подчиняется воле другого. Нет предводителя, который мог бы собрать всех лордов под одно знамя и заставить их выполнять общее решение. И в этом наша огромная слабость.

Теперь пятеро северных лордов должны были собраться в Ульмскипе для обмена мнениями. Оставалось только найти подходящий предлог, чтобы не беспокоить своих людей и ввести в заблуждение пришельцев. И вот мой отец решил устроить посвящение своего наследника в воины, ввести его в круг своих советников.

Слушая Яго, я думал о том, что стану центром предстоящей встречи. Удивительно – меня так долго держали вдали от замка и от всех родных, что я считал такую жизнь единственно возможной.

– Но...

Яго забарабанил пальцами по столу:

– Нет, он прав, лорд Ульрик прав. Слишком долго ты был отстранен от того, что по праву принадлежит тебе. Твой отец должен сделать это не только для того, чтобы скрыть настоящий повод для встречи с лордами, но и ради тебя самого. Он осознал всю глупость курса, которому следовал все эти последние годы.

– Глупость? – Я был поражен тем, что Яго так отозвался о моем отце, поскольку он был настолько преданным вассалом Ульрика, что благоговел перед ним.

– Да, я говорю: это глупость! – Это слово вторично сорвалось с его губ, как стрела из арбалета. – В окружении лорда есть люди, которые хотели бы все изменить. Посмотри на себя! – Яго снова разгневался. – Ты не чудовище! И все же разносятся слухи, что лорд Ульрик вынужден держать тебя здесь в цепях, потому что ты отвратителен на вид, с поврежденным разумом, что ты меньше чем человек и даже животное! – Его жар высек во мне искру. Так вот что говорили обо мне в моем собственном замке! – Ты должен достойно представиться тем лордам, владения которых граничат с Ульмсдейлом. Показать себя наследником. Тогда уж никто не посмеет оболгать тебя. Лорд Ульрик сам слышал слухи о тебе. Нашлись даже наглецы, которые осмелились сказать ему это в лицо.

Я встал из-за стола и направился к стене, где висел боевой щит Яго. Старый воин провел много времени, полируя щит, и теперь он сверкал как зеркало.

– В сапогах я вполне могу сойти за обычного человека.

Сапоги были сделаны так, что я мог легко сунуть туда свои копыта. Сам Яго сшил их из прекрасной кожи, которую прислал отец.

Яго кивнул:

– Да, ты поедешь. И ни один из недоброжелателей не сможет сказать, что ты неспособен быть настоящим наследником, дать клятву лорда. Оружием ты владеешь лучше любого из воинов, а твой острый ум предохранит тебя от коварства.

Это была самая большая похвала, какую я когда-либо слышал от него.

Облаченный в доспехи и вооруженный, я возвращался с Яго из изгнания, ехал наконец в замок своего отца. Но я чувствовал беспокойство: обладая, как заметил Яго, остротой ума, я хорошо понимал, что многим членам семейства мое возвращение придется не по нраву.

На прощание с Ривалом времени почти не осталось. Конечно, я предложил ему ехать со мной, хотя предвидел его отказ. Он смотрел на меня как-то особенно пристально. Мне казалось, что этот взор проникает в мой разум и видит всю мою неуверенность, весь мой страх.

– Перед тобою долгая дорога, Керован.

– Всего два дня, – поправил я его. – Мы всего лишь едем в Ульмскип.

Ривал покачал головой:

– Ты поедешь дальше, обладатель грифона. Опасности и смерть подстерегают тебя на пути. Ты будешь давать и, давая, получать. И то и другое – в крови и огне...

Я понял, что в нем проснулся Дар дальновидения, и почувствовал желание заткнуть уши.

– Смерть идет по пятам за каждым смертным. – Я собрал все свое мужество для ответа. – Если ты видишь будущее, скажи, какой щит я должен поднять, чтобы защитить себя.

– Как я могу? – с горечью произнес Ривал. – Будущее неопределенно. Оно – как множество дорог, расходящихся от перекрестка. По какой дороге пойти – выбирать тебе. Но никому не увернуться от того, что ждет его в конце. Твои пути лежат перед тобой. Иди осторожно, Керован. И знай: в тебе есть нечто глубоко спрятанное. Если ты найдешь его и научишься использовать, твой Дар будет защищать тебя надежнее, чем любой меч и любой щит из самого лучшего металла.

– Скажи мне... – начал я.

– Нет! – Ривал отвернулся. – Я и так сказал слишком много. Ступай с миром.

Затем он поднял руку и пальцем нарисовал в воздухе светящийся знак, который быстро пропал. Я понял, что кое-какие изыскания Ривала по части наследия Древних увенчались успехом. Его знак обладал Силой.

– Ну, до встречи, дружище, – напоследок произнес я.

Он не взглянул мне в глаза, лишь молча поднял руку в прощальном жесте. Теперь я знаю, что он понимал, что это была наша последняя встреча, и, очевидно, сожалел об этом. Но я не

был напуган его предостережением, хотя оно может ранить гораздо сильнее, чем защищает. Какой человек хочет по-настоящему заглянуть в будущее, когда его там подстерегает так много бед?

Пока мы ехали в Ульмскип, Яго много говорил со мной. Он рассказывал об обитателях замка моего отца и, чтобы я мог составить о них представление, давал каждому меткие характеристики. Он поучал меня, как ребенка, чтобы я не совершил какой-нибудь роковой ошибки, которая привела бы к катастрофе.

Мой старший сводный брат для посвящения в воины был отправлен к родственникам матери, но в прошлом году вернулся в Ульмскип и подружился с Роджером, женихом моей сестры. Я хорошо понимал, что он не может быть моим другом.

Его следует остерегаться.

У моей матери хватало сторонников в доме, и Яго очень деликатно перечислил их, дав краткие характеристики и описав положение, которое они занимают. Но на стороне отца было гораздо больше людей, и среди них высшие офицеры. В сущности, род разделился на два лагеря, хотя на поверхности все было гладко. Я внимательно слушал, изредка задавая вопросы. Не знаю, сам ли Яго решил просветить меня, или его об этом попросил отец.

Мы подъехали к замку на закате. Яго протрубил в рог, и ворота замка распахнулись. Я заметил развевающиеся под нашим грифоном на башне знамена Аппсдейла и Флатингдейла. Значит, два гостя, приглашенные отцом, уже здесь, и я с самого начала окажусь под взглядами как любопытными, так и враждебными.

Надо с достоинством сыграть свою роль, тогда все поймут, кто я на самом деле. Удастся ли?

Охранники отсалютовали нам мечами. Мой отец, одетый в свободную церемониальную мантию, вышел из глубокой тени главного портала в зал. Я опустился на одно колено, протянув свой меч так, чтобы он мог легко положить пальцы на его рукоять в знак приветствия.

Затем отец обнял меня, и мы вместе пошли в Большой зал, где был накрыт праздничный стол, а слуги и служанки были заняты тем, что устилали его полосками светлого полотна и расставляли тарелки и рога для питья.

Отец представил меня лорду Саврону из Аппсдейла и лорду Уинтофу из Флатингдейла – мужчинам среднего возраста, в мантиях. Они смотрели на меня с любопытством. Однако я знал, что в кольчуге и сапогах ничем не отличаюсь от их собственных сыновей, и это давало мне силы держаться невозмутимо. Сейчас никто не назвал бы меня монстром. Лорды восприняли мое появление как обыкновенную встречу, словно я отсутствовал в Ульмскипе лишь несколько часов, а не всю жизнь.

Я все еще считался ребенком, а потому быстро покинул общество старших и удалился в ту часть замка, где жили молодые неженатые мужчины. Как наследнику мне выделили отдельную комнату с узкой жесткой кроватью, двумя стульями и маленьким столом, гораздо менее уютную, чем мое жилище у лесничего.

Слуга принес мои седельные сумки и предложил горячей воды для умывания. Когда я кивнул, он явно обрадовался возможности поближе рассмотреть монстра, чтобы потом рассказать обо всем товарищам.

Я скинул кольчугу и камзол, оставшись в одной рубашке. Слуга внес в комнату таз с водой, от которой поднимался пар. Затем поставил таз на стол и, сняв с плеча полотенце, положил его рядом.

– Если я тебе нужен, лорд Керован...

Я решительно расстегнул рубашку, снял ее, оставшись таким образом голым до пояса. Пусть посмотрит, что у меня все в порядке. Пока я в сапогах...

– Поищи мне свежую рубашку, – велел я, указав на сумки.

Слуга неотрывно глядел на меня. Что он ожидал увидеть? Какое-то ужасно искореженное тело? На мне осталось еще нечто, что нужно было снять. грифон. Перекинув цепь через голову, я положил шар на стол и начал мыться, обратив внимание, что слуга смотрит на грифона. Пусть думает, что это мой талисман. Люди часто носят талисманы. Эмблема рода, ничего необычного.

Слуга нашел рубашку и держал ее, пока я надевал цепь. Затем, подав мне камзол и пояс с ножом, ушел, вероятно торопясь рассказать все товарищам.

Я снял грифона с шеи и стиснул в руке. Как обычно, в нем было нежное тепло. С этим теплом пришло ощущение покоя и комфорта, как будто эта вещь, созданная задолго до того, как мой первый предок отправился в южные долины, ждала все эти столетия, чтобы просто лечь в мою руку.

Пока все шло так, как и должно было идти. Но мне предстояло тяжелое испытание, о котором я не переставал думать с тех пор, как впервые понял, что должен приехать в Ульм-сдейл: встреча с матерью. Что могу я сказать ей и что скажет мне она? Между нами лежала непреодолимая пропасть.

Я стоял, крепко сжимая в руках хрустальный шар и думая о том, что я мог бы сделать или сказать в тот момент, который больше нельзя было откладывать. Внезапно мне показалось, что кто-то заговорил вслух, но это было только в моем сознании.

Я понял, что встреча не сделает нас менее чужими, чем мы были до сих пор, однако не ощутил никакой потери. Напротив, с плеч будто упал тяжкий груз. Нас ничто не связывало. Ничем ей не обязанный, я должен держаться с матерью, как с любой высокородной леди, оказывать формальную почтительность, ничего не требуя взамен. Хрустальный шар в моей руке стал теплым и начал слабо светиться.

Звук открывающейся двери заставил меня поспешно спрятать шар. Вошедший юноша был выше меня ростом, так что мне приходилось смотреть на него снизу вверх. Мощная шея, широкие плечи, волосы густые и непослушные. Ему, вероятно, стоило немалого труда расчесать эту соломенную гриву. На толстых губах вошедшего застыла полуулыбка. Камзол, расшитый золотыми узорами, туго обтягивал грудь. Юноша непрерывно приглаживал складки камзола, будто желая, чтобы все обратили на него внимание.

А рядом с ним в дверном проеме стоял второй человек, невысокий и худощавый. Его лицо и цвет волос – более темный, чем у первого, – с очевидностью свидетельствовали о том, что он принадлежит к нашему роду. Сразу чувствовалось, что за невыразительной внешностью скрывается острый ум.

Описание Яго было абсолютно точным. Гигант приходился мне более близким родственником. Пришли мой сводный брат Хлаймер и его товарищ, кузен Роджер, жених сестры.

– Приветствую вас, родственники, – сказал я.

Улыбка на лице Хлаймера стала еще шире.

– Смотри-ка, он не покрыт шерстью, у него нет когтей, насколько можно видеть! Интересно, в чем выражается его безобразие, Роджер?

Хлаймер говорил так, словно я был бессловесным существом, на которое можно не обращать внимания. Но если он хотел таким образом вывести меня из себя, то повел себя очень глупо. Предварительные оценки его умственных способностей полностью подтвердились.

Наедине с самим собой Хлаймер, вероятно, стал бы развивать эту тему дальше, но тут заговорил Роджер. Он ответил не на слова Хлаймера, а на мое приветствие.

Отвечал почтительно и с уважением, ничем не показывая, каково его истинное отношение ко мне.

– И мы приветствуем тебя, родственник.

У Хлаймера был высокий голос, как у многих массивных людей, а теплый голос Роджера располагал к доверию и дружбе. Если бы я не знал, кто он такой, я мог бы подумать, что моему прибытию рады.

Они проводили меня в Большой зал. Судя по отсутствию кресел для женщин, пир был предназначен только для мужчин. Несомненно, моя мать решила ужинать у себя.

Я видел, что отец время от времени бросает на меня испытующие взгляды. Мое место было в дальнем конце стола между Хлаймером и Роджером. Но специально ли меня здесь посадили, или так вышло случайно – этого я не знал.

Мои соседи сразу же приступили к шуткам.

Хлаймер настаивал, чтобы я опустошил свой кубок с вином, утверждая, что воздержание обособит меня от остальных. Роджер в изысканных и мягких выражениях давал понять, что сказывается мое воспитание вдали от дома и мне недостает хороших манер, лоска и ума. Их уколы не достигали цели, и Хлаймер уже начал злиться: хмурился и бормотал под нос слова, которых я предпочел бы не слышать. А вот Роджер говорил по-прежнему вежливо и мягко, и никто не мог бы определить, что творится в его душе.

К концу обеда Хлаймер попался в свою же ловушку: он напился, речь его стала громкой, бессвязной; многие стали оборачиваться в его сторону и усмехаться.

Так началась моя жизнь в замке отца.

К счастью, мне не приходилось проводить много времени с Хлаймером и Роджером. Отец, сообщив, что я прибыл для посвящения в воины и утверждения в качестве наследника, держал меня при себе: представлял соседям, знакомил с подробностями церемонии, которая состоялась через три дня.

Я произнес клятву перед собравшимися лордами, принял меч от отца и таким образом перешел из юношей в мужчины, став вторым после него в Ульмсдейле.

Затем состоялся совет лордов по поводу замыслов ализонцев. Все согласились с тем, что пришельцы из-за моря таят угрозу, но относительно того, как поступить, мнения резко разошлись. Спорили тщетно: лорды не выработали согласованного плана действий.

Моя карьера как наследника Ульмсдейла едва не закончилась, едва начавшись. В соответствии со своим новым статусом, я провожал лорда Аппсдейла. В знак уважения к гостю мой меч был туго затянут в ножнах шнуром мира, и я был без кольчуги. Когда у меня вдруг возникло острое ощущение опасности, я не стал терять время на распутывание шнуров. Выхватив меч, я ударом кнута послал лошадь вперед так, что жесткая грива моего скакуна царапнула мне щеку и подбородок. И тут же мимо моего плеча просвистела стрела – смерть была совсем рядом. Я хорошо знал приемы лесничих, которым часто приходилось сталкиваться с преступниками Пустыни. Я метнул нож, и раздался крик человека, который вышел из-за камней, чтобы снова прицелиться. Теперь я выхватил меч и бросился на второго, который появился с мечом в руке. Копыто моей лошади ударило его в грудь, и он с воплем покатился по земле.

Обнаружилось, что мы взяли важного пленника.

Одетые как крестьяне, лазутчики шли от долины к долине, будто бы в поисках работы. На самом же деле это были переодетые ализонцы, о которых только что говорили лорды.

Один из них умер, второй был тяжело ранен. Отец вызвал Мудрую, чтобы та им занялась. И шпион в бреду заговорил.

Почему они напали на меня, мы не выяснили, зато узнали много другого, и Тень, нависшая над нашей страной, стала еще чернее.

Отец пригласил меня, Яго, других верных офицеров и высказал свои опасения:

– Я не дальновидец, но каждый умный человек в состоянии сообразить, что замышляют эти люди. Если мы не примем ответных мер... – Он замаялся. – Новые опасности требуют новых способов их преодоления. Скоро наступит день, когда нам потребуются союзники, но кое-что надо предпринять немедленно. Итак... – Отец разложил на столе карту долин. – Аппсдейлу и

другим уже сказано, какая опасность нависла над нами. Теперь нужно предупредить южных соседей – и в первую очередь Иткрипт.

Иткрипт – это леди Джойсан. Я совсем о ней забыл. Неужели настал тот день, когда мой отец прикажет, чтобы наш брак действительно был заключен? Мы оба достигли возраста, когда такое было обычным делом.

Я подумал о матери и сестре, которые упрямо не покидали своих комнат с тех пор, как я приехал. И внезапно мне пришло в голову, что леди Джойсан не сможет занять здесь то место, какое ей положено.

Нет, она должна приехать ко мне только добровольно – или не приезжать совсем!

Могу ли я быть уверенным, что она захочет ехать ко мне?

И, подобно внезапному предупреждению об опасности, спасшему мою жизнь, мне пришел ответ, ясный и четкий, словно произнесенный вслух.

Поэтому, когда Яго получил от отца инструкции по поводу переговоров с лордом Кьяртом, я пришел к своему старому воспитателю и, повинувшись странному порыву, отдал ему хрустальный шар с грифоном для леди Джойсан. Истинно ли она предназначена мне в спутницы, я узнаю, лишь встретившись с ней лицом к лицу.

6 Джойсан

После прибытия вестей из Ульмсдейла планы насчет меня изменились. Было решено, что в этом году я не поеду туда, чтобы присоединиться к лорду, как было условлено раньше, а подожду более спокойного времени. Ведь если по Ульмсдейлу так нагло бродят шпионы, значит не за горами нападение главных вражеских сил. Мой дядя передал с Яго письмо со своим решением. Ни от лорда Ульрика, ни от лорда Керована возражений не пришло. После этого дядя направил послов в Тревампер и другие долины, где жили наши родственники или близкие друзья.

Наступило беспокойное время. Мы снимали урожай тщательнее, чем когда-либо, обирали все дикие ягоды с полевых кустов, собирали орехи с лесных деревьев, запасались всем, чем только могли. Это было так, как будто предзнаменование грядущих голодных лет уже маячило перед нами.

На следующее лето дядя приказал расширить посевные площади. Погода была такой же неустойчивой, как наше будущее. Дважды свирепые бури размывали дороги, и мы оказывались в полной изоляции, пока не удавалось их починить.

К нам доходили лишь обрывки новостей, пока наконец посланец одного из лордов не добрался до нас. Оказалось, что в Ульмспорте шпионов больше не видели. Зато с юга пришли слухи о каких-то странных кораблях, которые открыто не бросали якорь ни в одном из портов долин, а патрулировали побережье. Затем корабли исчезли, и долгое время никаких тревожных вестей не приходило. Это нас немного успокоило.

Дядя, казалось, опасался худшего. Он послал своего маршала в Тревампер за странным металлом из Пустыни, а кузнецу велел изготавливать новое и ремонтировать старое оружие. К моему удивлению, дядя приказал кузнецу снять с меня мерки и сделать кольчугу.

Когда госпожа Мэт запротестовала, дядя угрюмо взглянул на нее:

– Спокойно, сестра. Я бы и тебе заказал кольчугу, но уверен, что ты не станешь ее носить. Боюсь, времена впереди тяжелые. Завоеватели, высадившись на наших берегах, будут разбивать поодиночке силы местных лордов. Пойдут от долины к долине. Следовательно...

Госпожа Мэт глубоко вздохнула. Ее негодование испарилось, и на лицо легло выражение, которого я не могла прочесть.

– Кьярт, значит... значит, ты... – Она не закончила, но от ее слов страх сковал меня тугими кольцами.

– Снилось ли мне? Да, Мэт. Один раз!

– Дух Пламени, защити нас! – Ее руки побежали по серебряным четкам, а губы шептали молитвы, которым она обучилась в монастыре.

– Как мне было обещано, – дядя взглянул на нее, – я видел сон... Первый.

– Значит, будут еще два. – Госпожа Мэт вскинула голову. – Жаль, что в Предвидении ничего не говорится о сроках.

– Предвидение!.. – вырвалось у него. – Что лучше: знать, что впереди Тьма, и вечно жить в ее ожидании или же вести безмятежную жизнь, ни о чем не догадываясь, и встретить ужасы неподготовленным? Лично я предпочитаю знание. Мы можем удержать Иткрипт, если враг придет по реке или со стороны гор. – Он пожал плечами. – Однако должны быть готовы и к бегству – в Норсдейл или даже в Пустыню.

– Но ведь, кроме шпионов, еще никто не приходил.

– Они придут, Мэт, придут наверняка!

Когда мы с госпожой Мэт вернулись к себе, я осмелилась задать вопрос:

– Что это за сон, о котором говорил дядя?

Она стояла у окна и смотрела вдаль невидящим взглядом, полностью погруженная в свои мысли.

– Сон?.. – Услышав вопрос, госпожа Мэт повернулась, перебирая четки. – Наше Предвидение. Для тех, кто посвящен Пламени, такие вещи... Нет, не могу... Когда-то лорд Рандор, наш отец, взял под свою защиту Мудрую, которую обвинили в общении с Древними. Тихая женщина жила уединенно, но она обладала Даром лечить животных, а ее овцы были лучшими в долине. Многие ей завидовали и распространяли о ней разные жуткие рассказы. Она часто ходила одна в Пустыню в поисках растений. И хотя знала их великое множество, никогда не применяла во вред кому-либо. Грязные слухи настроили людей враждебно, и однажды ночью они пришли, чтобы забрать овец, а саму ее изгнать из страны. Лорд Рандор ездил в Тревампер, и пришедшие думали, что он все еще там, иначе не осмелились бы на такое. Но когда они уже поджигали ее дом, появился лорд и его люди. Лорд разогнал непрошенных гостей, а ее взял под свой щит на глазах у всех: это означало полное покровительство.

Тогда она сказала, что не может оставаться здесь, так как ее покой нарушен и не подлежит восстановлению. Однако она захотела увидеть нашу мать, которая была беременна. Целительница положила обе руки на живот леди Алисы и обещала, что роды будут легкими. Мать с радостью выслушала эти слова, так как при предыдущих родах, к великому горю всех домашних, ребенок появился на свет мертвым. Мудрая сказала, что у ее сына будет Дар: время большой опасности он сможет предвидеть во сне. После первых двух снов ему удастся спасти себя и свою семью, но опасности, увиденной в третьем сне, не избежать. Затем Мудрая ушла из Иткрипта и из долины. Никто больше никогда ее не видел. Предсказанное оказалось правдой. Мать через месяц благополучно разрешилась от бремени. Родился твой дядя, лорд Кьярт. И он видит сны. Последний раз Кьярт увидел смерть жены. Загнал лошадь, пытаясь успеть попрощаться с нею... Если он видит сон, ему можно верить.

Итак, мне пришлось учиться носить кольчугу, потому что мой дядя увидел сон. Кроме того, он показал мне, как обращаться с легким мечом. Я не достигла больших успехов в фехтовании, зато стала прекрасным стрелком из лука. И впоследствии мне часто приходилось благодарить дядю за предусмотрительность: его уроки много раз спасали мне жизнь. Правда, лорд уже не узнал об этом.

Так прошел год Лишайника – год, когда я должна была стать хозяйкой в доме лорда Керована. Иногда с мыслью о нем я брала в руки грифона. Несмотря на мои ожидания, никто из Ульмсдейла не приезжал и не привозил портрет молодого лорда. Может, в Ульмсдейле нет достойного живописца? Ведь такой талант чрезвычайно редок, а ехать куда-либо в нынешнее смутное время по меньшей мере неразумно.

Хотя мы сделали большие запасы, дядя приказал экономить. Он посылал разведчиков на границы своих владений и всякий раз с нетерпением ждал их возвращения.

Прошел месяц Ледяного Дракона. Потом месяцем Снежной Птицы начался новый год, затрещали морозы. Однажды к нам пробился гонец с известием.

Он почти очоленел. Вестника с трудом сняли с лошади, несчастный упал наземь и не мог подняться без посторонней помощи.

На юге шла война. Вторжение началось, и оно удивило даже тех лордов, кого мы предупредили...

Заморские дьяволы воевали не так, как мы, – мечами и луками. Они привезли на своих кораблях железных чудовищ, внутри которых прятались люди. И когда чудовища ползли вперед, ничто не могло их остановить. Они изрыгали пламя из длинных железных носов. Люди погибали в этом пламени или под колесами железных монстров. Когда воины отступали к крепости, чудовища ползли прямо на стены и своим весом сокрушали их. Кровь и плоть не могли устоять перед неумолимым железом.

Те, кто спрятался в замках, надеясь отсидеться за стенами, просчитались самым роковым образом: неприятель брал замки один за другим. Однако многие пришли под знамена четырех южных лордов и создали армию. Они смогли окружить четырех чудовищ, которым для передвижения требовался подвоз топлива, и уничтожить их. Но мы уже потеряли побережье, и враги постоянно подтягивали резервы. К счастью, страшных машин у них было не так много.

Вскоре прибыли первые беглецы – наши родственники. Отряд воинов сопровождал носилки и двух женщин: леди Ислогу и леди Ингильду. На носилках лежал в бреду тяжело раненный Торосс.

Все они теперь остались без дома, без богатства.

Ингильда, вышедшая замуж и тут же овдовевшая, смотрела на меня абсолютно бессмысленными глазами. Ее подвели к огню, вложили ей в руку кубок и приказали выпить. Она словно не понимала, что происходит. Мы так и не смогли добиться от Ингильды связного рассказа о том, как она выбралась из замка мужа, который железные монстры стерли с лица земли.

Каким-то образом один из лучников проводил ее в военный лагерь в долине, куда вскоре прибыла и леди Ислога – ухаживать за сыном, раненным в бою. Вскоре на юге оставаться уже было невозможно, и они решили просить убежища у нас. Госпожа Мэт тут же занялась раненым; впрочем, леди Ислога не отходила от него ни днем ни ночью.

Перед моим дядей встала проблема выбора: либо послать армию на юг на борьбу с пришельцами, либо готовиться к битве здесь, чтобы защитить свои земли. Кьярт с самого начала был сторонником объединения сил и потому выбрал первое.

Дядя возглавил силы, которые смог собрать, не оставив полностью беззащитным свой замок. В замке был небольшой, но хорошо обученный гарнизон под командой маршала Даг-эйла, тем более в месяц Ястреба на дорогах стояла непролазная грязь, мешавшая продвижению механических чудовищ. Отряд лорда Кьярта выступил на юг.

Я провожала их, стоя на башне. Госпожа Мэт неотлучно находилась при Тороссе, которому стало хуже. Перед этим я во дворе разливала по кубкам воинов питательный напиток из бочонка войны. Этот бочонок был сделан в виде всадника на коне, жидкость выливалась из пасти лошади. Капля жидкости упала на снег, красная, как кровь; я вздрогнула и быстро перешагнула через пятно, чтобы не видеть страшного предзнаменования.

В Иткрипте готовились отразить нападение. Но мы не знали, где идут боевые действия, так как гонцы к нам не приезжали. Опасность могла приблизиться в любой момент.

Вскоре настал месяц Снегов, и завалило все проходы в горах. Мы почувствовали себя в относительной безопасности. Увы, весна пришла в этом году рано. И в разгар весенней распутицы прибыл посланец моего дяди. Он передал, что мы должны держаться, пока возможно. Он мало говорил о военных действиях, сказал только, что настоящих битв нет. Наши люди переняли тактику разбойников Пустыни: делают короткие внезапные налеты на вражеские отряды, перерезают коммуникации, перехватывают обозы. Наносят как можно больше вреда, стараясь не подвергать себя опасности.

Он же сообщил, что лорд Ульрик из Ульмсдейла послал на юг отряд, а сам из-за болезни остался в замке. Отряд повел Керован. Но если к берегам Ульмсдейла подойдут вражеские корабли, отряд вернется, чтобы не допустить высадки врагов, как это произошло в Джорби и других портах побережья.

В тот вечер я была свободна от дел и впервые за долгое время взяла в руки шар с грифоном. Где мой господин сейчас? Стоит под звездами с мечом в руках, не ведая, когда звуки рога позовут его на бой? Да, я совсем не знала Керована, однако от всей души желала ему удачи.

Шар излучал приятное тепло и слабо светился в полумраке. Его тепло успокаивало меня, снимало тяжкий груз тревоги.

Внезапно шар затуманился, в клубящемся мареве возникли движущиеся тени, в которых угадывались сражающиеся люди. Один из них был окружен плотным кольцом наседавших врагов. Я вскрикнула от страха, хотя и не могла различить, кто же там сражается.

Казалось, талисман, присланный мне Керованом, теперь показывал его смерть. Я сорвала цепь с шеи и отшвырнула прочь. Вернее, попыталась – шар не повиновался. грифон смотрел на меня блестящими красными глазами. Конечно же, я стала жертвой своего воображения.

– Вот ты где! – раздался укоризненный голос Ингильды. – Тороссу очень плохо. Он хочет тебя видеть.

Оправившись от потери супруга, она вновь стала Ингильдой из Тревампера. Временами мне требовалось огромное самообладание, чтобы сдержаться и не ответить ей резкостью.

Ингильда вела себя так, словно была здесь хозяйкой, а я – ее ленивой прислужницей.

Торосс поправлялся очень медленно. Лихорадка поддавалась лечению госпожи Мэт, однако болезнь неохотно покидала тело юноши. Вскоре выяснилось, что только мне удастся заставить его поесть или просто успокоить, когда он начинал метаться в постели. Я охотно делала это. Тем не менее мне не очень нравилось, когда Торосс брал мою руку, не нравились его странный взгляд и улыбка. В этот вечер мне совсем не хотелось идти к нему.

Я была потрясена тем, что разглядела в шаре, заставляла себя не верить, что это было дальновидение. Но шла война, и мой господин сражался вместе со всеми. Так что вполне могло быть, что он погибнет. Я страстно желала обладать Даром дальновидения или же иметь возле себя Мудрую, обладающую таким Даром. Однако госпожа Мэт с неприязнью относилась к тем, кто использует загадочные Силы.

Родственники были лишь первыми беглецами, пришедшими под защиту стен замка. Дядя, вероятно, предвидел, что нам придется кормить много людей, когда распорядился запастись пищей. Теперь мы могли оценить его предусмотрительность. И все равно, выдавая продукты на день, я каждый раз задумывалась, хватит ли запасов до следующего урожая.

Спасались у нас в основном крестьяне – женщины, дети, старики и раненые мужчины. Мало кто из них мог помочь в защите крепости, если такая необходимость возникнет. Поэтому мы с маршалом и госпожой Мэт решили, что неразумно держать в крепости столько лишних ртов. Как только установится подходящая погода, людей надо отослать на запад, в нетронутые войной долины – может быть, в монастырь Норстед.

Когда я входила в комнату, где лежал Торосс, моя голова была занята мыслями о беженцах, а не о видениях в шаре. Казалось, Тороссу стало лучше. Зачем же он позвал меня? Этот вопрос вертелся у меня на языке, когда леди Ислога, сидевшая возле постели, встала и вышла из комнаты. Торосс поднял руку в приветствии.

– Джойсан, сядь сюда, чтобы я мог тебя видеть! – Его голос был уже твердым и уверенным. – Под глазами круги... Изнуряешь себя работой, дорогая моя!

Я подошла к стулу, однако не села, а взгляделась в его лицо, осунувшееся и бледное. И все же в глазах не было тумана, вызванного бредом и лихорадкой. Беспокойство, всегда охватывавшее меня наедине с Тороссом, снова вернулось.

– Очень много забот. Я делаю не больше того, что от меня требуется.

Я не могла решить, стоит ли мне поведать о своем обручении и о безнадежности его нежных чувств.

– Скоро все кончится, – сказал Торосс. – Война и ее ужасы в Норстедте тебя не коснутся...

– О чем ты говоришь? В Норстед отправятся беженцы. Мы не можем оставить их здесь, у нас мало еды. Может, ты тоже отправишься в Норстед...

Сказав это, я почувствовала облегчение. Мне будет легче жить, когда все они уедут.

– Ты должна поехать со мной! – Торосс произнес это тоном, не терпящим возражений. – Девушке не место в осажденной крепости.

Торосс не имеет права мне приказывать. Я уеду отсюда только по распоряжению дяди... или лорда Керована.

– Ты забыл, что я обручена. Мой лорд знает, что я в Иткрипте, и придет за мной. Я останусь здесь и буду его ждать.

Лицо Торосса вспыхнуло.

– Джойсан! Ты что, ничего не видишь? Почему ты так предана ему? Ведь он не вызвал тебя, когда пришло время свадьбы. Теперь ты вполне можешь ее расторгнуть. Если бы ты была нужна ему, разве он не явился бы за тобой раньше?

– Сквозь вражеские войска? Лорд Керован повел отряд Ульмсдейла на юг. Сейчас не время думать о свадьбах и об исполнении обычаев. Я не разорву наши узы, если только он сам того не захочет.

Может, я говорила не совсем то, что думала, ведь я была горда. Но я хотела, чтобы Торосс не настаивал на невозможном. Если он продолжит уговоры, то нашей дружбе придет конец.

– Ты можешь стать свободной, – упрямо продолжал он. – Признайся, ты ведь сама этого хочешь! Джойсан, меня влечет к тебе с первого дня. И ты чувствуешь то же самое. Если бы ты позволила...

– Неправда! Я жена лорда Керована и буду ею до тех пор, пока он сам не откажется от меня. Поэтому мне не подобает слушать твои речи. Я не могу больше оставаться с тобой!

Торосс заворочался в постели, застонал от боли и позвал меня. Не оглядываясь, я выбежала в холл.

Леди Ислога переливала бульон из кастрюли в чашку.

– Твой сын зовет тебя, – сказала я. – Больше не проси меня подходить к нему.

Видимо, она поняла, что произошло. На ее лице мелькнула ненависть, ведь я отвергла ее сына!

– Идиотка! – бросила она мне.

– Я была бы идиоткой, если бы слушала его речи!

Я позволила себе резкость, затем посторонилась и пропустила ее, спешившую с чашкой бульона в комнату сына. Я осталась у очага, протянула иззябшие руки к огню. Что связывает меня с Керованом? Безделушка из хрусталя – после восьми лет брака, который не был браком. Но я не жалела о том, что сделала.

7

Керован

Я с трудом мог вспомнить время, когда не было войны, – так быстро человек привыкает к постоянной тревоге, опасностям и лишениям. Когда пришло известие о вторжении, мой отец приготовился выступить на юг по призыву тех, кому больше всех грозила осада. Но прежде чем сесть в седло, он передумал по двум причинам. Он все еще верил, что одной из целей вражеского флота был Ульмспорт. К тому же его мучил застарелый ревматизм, он был подвержен приступам лихорадки и озноба и не мог спать в холодной палатке.

И поэтому отряд под знаменем грифона на помощь южным соседям повел я. Яго очень хотел поехать со мной, но помешали его старые раны. Меня сопровождал маршал Юго.

Мой сводный брат и Роджер вернулись к родне моей матери. Там было их место во время войны. И хорошо. Хотя между нами не было открытых столкновений и даже Хлаймер перестал меня провоцировать, я все же чувствовал себя беспокойно в их компании.

На самом деле в те дни я почти не бывал в замке: бродил по долине, посещал Ульмспорт, собирал информацию для своего отца, пока он был прикован к постели. И этим я преследовал две цели: не только быть его глазами и ушами, но и узнать больше об этой земле и ее народе, которым, если повезет, я когда-нибудь буду править. Сначала меня встречали со скрытой враждебностью, даже со страхом, и я понял, что опасения Яго имели под собой веские основания. Слухи о том, что я чудовище, проникли глубоко в умы людей. Но те, с кем я ездил по стране, кому отдавал приказы, от кого выслушивал донесения, постепенно проникались мыслью, что я обычный человек, их господин. Они не считали меня монстром.

Позже Яго сказал мне, что те, кто общался со мной, уже полностью на моей стороне и разоблачают ложные слухи. Они говорят, что любой, у кого есть голова на плечах и два глаза, может видеть, что наследник лорда ничем не отличается от остальных людей.

Мой сводный брат снискал себе дурную славу своим вздорным характером. По его мнению, ни у кого из людей меньшего ранга не было ни ума, ни чувств и их можно было просто использовать, как человек использует инструмент. Нет, не совсем так – ведь опытный работник уважает хороший инструмент и относится к нему бережно.

С другой стороны, Хлаймер умел обращаться с оружием и, несмотря на свою массивность, был опытным фехтовальщиком с большой выносливостью. Длинные руки давали ему преимущество перед более слабым противником, таким как я. Вряд ли в те времена я охотно встретился бы с ним на поединке.

У Хлаймера было много союзников в замке, и он постоянно это демонстрировал. Я же ни разу не уклонился от своего решения ни с кем не сближаться после того, как меня предупредил Яго. К тому же я столько времени был предоставлен самому себе, что просто не умел привлекать людей на свою сторону. Меня не боялись – и меня не любили. Я всегда был особняком.

В те дни я иногда задавался вопросом, какой могла бы быть моя жизнь, если бы не нашествие. Яго, вернувшись из Иткрипта, куда он возил письма отца и мои подарки, отозвал меня в сторону и сунул в руку плоский вышитый мешочек размером с ладонь. Там был портрет. Он сказал, что леди Джойсан просит прислать ей мое изображение.

Я поблагодарил старого воина и, еле дождавшись, когда он уйдет, впился глазами в портрет. Не знаю, чего я ожидал – за исключением, возможно, странной надежды, что Джойсан не была особой красавицей. Красивое лицо могло бы сделать ее еще более несчастной, если бы она досталась такому, как я, после того как ей льстили и за ней ухаживали.

Существуют определенные виды красоты, которые привлекают мужчин даже против их воли. То, на что я смотрел сейчас, было лицом девушки, еще не отмеченным, как мне показалось, какой-либо великой печалью или сильными чувствами. Это было утонченное лицо, и

глаза на нем казались огромными, какого-то неопределенного цвета – не голубые, не зеленые. Впрочем, тот, кто рисовал портрет, мог и ошибиться. Я почему-то был уверен, что художник не старался приукрасить Джойсан. Ее нельзя было назвать очень красивой, однако такое лицо трудно забыть, даже увидев лишь однажды. Волосы ее, как и мои, были темнее, чем у большинства жителей долин, как правило белокурых. Это был цвет осенних листьев – коричневый с красным оттенком.

На портрете девушка не улыбалась, но смотрела вперед с каким-то живым интересом. Я думаю, что, держа ее портрет и глядя на него, я впервые по-настоящему и остро осознал, что передо мною была та, с кем связана моя жизнь и от кого я не могу убежать. И все же мне казалось странным так относиться к этой худенькой неулыбчивой девушке – как будто она каким-то образом угрожала ограничить мою свободу. При этой мысли мне стало немного стыдно, поэтому я поспешно сунул портрет обратно в футляр и положил в поясную сумку, чтобы убрать ее долой с глаз и из головы.

Такова была Джойсан. И она просит мой портрет. При всем желании выполнить эту просьбу я был не в силах. Я не знал ни одного живописца. А затем наступили дни новых тревог, забот, опасностей, и я забыл о ее просьбе.

Тем не менее портрет оставался при мне. Время от времени я доставал расшитый мешочек, тут же одергивал себя и снова прятал. Я боялся, что вид этого лица заставит меня сделать то, о чем впоследствии я пожалею.

Согласно обычаю, Джойсан должна была бы приехать ко мне в конце этого года. Но обстановка была очень тревожной, близилась война, нашу встречу отложили. А следующий год застал меня уже на юге, в гуще событий.

Сражения – нет, я не мог претендовать на это! Моя подготовка лесничего сделала меня не героем сражений, а скорее одним из тех, кто шнырял повсюду и вынюхивал сведения о вражеской линии фронта, собирая обрывки информации, чтобы передать их в наш военный лагерь. Первые поражения, когда прибрежные крепости пали одна за другой под ударами металлических монстров Алисона, наконец-то заставили нас заключить прочный союз между собой. К сожалению, это решение запоздало. Враг, продемонстрировав способность предугадывать наши действия, которая почти так же, как и их оружие, превосходила нашу, устранил, подослав убийц, нескольких великих южных лордов, которые были достаточно популярны среди солдат, чтобы повести их за собой.

Трое оставшихся были более предусмотрительны – или более везучи. Мы сформировали Совет. Таким образом, появилась объединенная армия, которая перешла к тактике преступников Пустыни: молниеносные удары и мгновенный отход. Таким образом нам удавалось наносить урон врагам и не терять при этом своих людей.

Вторжение началось в год Огненного Тролля, а первые успехи пришли в год Леопарда. Мы не гордились ими – никакие победы не могли возместить наши потери. Мы стремились лишь к тому, чтобы сбросить пришельцев обратно в море, откуда они явились. Все южное побережье уже было в их руках, и через три порта к ним постоянно прибывали подкрепления. К счастью, у врага иссякли железные монстры, иначе мы бы давно уже откатились на север и запад, как перепуганные кролики.

Мы захватили пленников и от них узнали, что эти металлические монстры не принадлежат алисонцам. Их делают в стране, которая лежит рядом с Алисоном и сейчас воюет на другом конце мира. Вторжение алисонцев должно было подготовить путь для нападения на нас более могущественной армии.

Алисонцы, несмотря на все их высокомерие, похоже, сами боялись тех, чьим оружием пользовались. Они угрожали нам страшной мезтью, когда те чужаки закончат войну и обратят свою мощь против нас.

Лорды поняли, что сейчас не время думать о будущем. Наш долг – защитить родину и изгнать пришельцев из долин. В душе мы были уверены, что конец не за горами. Но о капитуляции никто не помышлял. Судьба пленников, попавших в руки врагов, была ужасна. Смерть казалась милосердием по сравнению с тем, что их ожидало.

В лагере, когда я вернулся из разведки, меня ждал гонец от военного предводителя этой части страны – лорда Имгри. Он сообщил, что получено известие, переданное с помощью факелов и щитов. Лорд, расшифровав послание, срочно отправил за мной гонца.

Передача сообщений с помощью факелов и отражающих их свет щитов широко применялась в нашей стране. Каким образом известие могло касаться меня, было неясно. Усталый и голодный, я схватил кусок хлеба и вскочил на свежую лошадь.

Из всех лордов, входивших в Совет, лорд Имгри вызывал у меня меньше всего симпатий. Причем внешность лорда полностью соответствовала его характеру. Зато он был очень хитер, и именно ему мы в значительной степени были обязаны своими успехами.

Всегда мрачный, без тени улыбки на лице, лорд Имгри использовал людей как орудия, но относился к ним бережно: заботился, чтобы все были сыты и устроены на ночлег, делил со своим отрядом трудности походной жизни. Имгри уважали и боялись, хотя вряд ли его кто-нибудь любил.

Вскоре я уже был в лагере лорда. Голова кружилась от недостатка сна, пищи, от долгой езды верхом. И все же я старался твердо стоять на ногах, когда соскочил с коня. Это было делом чести – предстать перед лордом Имгри невозмутимым и уверенным в себе.

Имгри моложе моего отца, но, казалось, никогда не был молодым. Словно бы с самой колыбели он все планировал и предусматривал – если не свои действия, то изменения внешней ситуации.

В камине простого крестьянского дома горел огонь. Лорд вглядывался в пляшущие языки пламени, как будто стараясь что-то прочесть в их игре. Его люди расположились вокруг; только оруженосец сидел на стуле возле камина и начищал грязной тряпкой шлем. Над огнем висел котелок, распространяя по комнате аромат. Мой рот невольно наполнился слюной, хотя прежде я с презрением отнесся бы к столь скудному ужину.

Когда я затворил дверь, лорд повернулся и устремил на меня пронизывающий взгляд, который был его главным оружием. Усталый, измученный, я собрал все силы и твердо встретил этот взгляд.

– Керован из Ульмсдейла... – Он не спрашивал, он удостоверился факт.

Я поднял руку, приветствуя его, как приветствовал бы любого лорда:

– Я здесь.

– Ты опоздал.

– Я был в разведке. И поехал сюда, как только получил послание.

– Так. И что же ты узнал?

Сдерживая себя, я рассказал, что мы видели, когда ездили по вражеским тылам.

– Значит, они передвигаются вдоль Колдера? Да, реки для них служат удобными дорогами. И все же я хочу поговорить об Ульмсдейле. Пока они высадились только на юге, но с тех пор, как пал Джорби...

Я попытался вспомнить, где находится этот Джорби. Но я так устал, что с трудом представил себе карту.

– Порт в Вестдейле пал? – спросил я.

Лорд Имгри пожал плечами:

– Если он еще не сдан неприятелю, то падет непременно в ближайшем будущем. И тогда перед врагом откроется путь дальше на север. За мысом Черных Ветров единственный порт – Ульмспорт. Если они захватят его и высадят там большие силы, мы будем раздавлены, как ракушка маракса на кухонном столе.

Этих слов было достаточно, чтобы заставить меня забыть об усталости. Я привел с собой небольшой отряд, но потеря каждого человека – это чувствительный удар по Ульмсдейлу. С тех пор как мы вступили в войну, мы потеряли пятерых, а тяжелораненые вряд ли когда-нибудь смогут взять в руки оружие. Если враги нападут на Ульмсдейл, то мой отец и его люди не отступят. Им не устоять перед бронированными монстрами ализонцев. Значит, погибнет все, что было мне родным.

Говоря это, лорд Имгри взял со стола миску и положил в нее ковшом с длинной ручкой немного горячего рагу. Он поставил дымящуюся миску обратно на стол и сделал приглашающий жест:

– Ешь. Ты выглядишь так, будто бы тебе от этого станет лучше.

В его приглашении не было ни тени гостеприимства, но меня не надо было уговаривать. Его оруженосец встал и пододвинул мне свой табурет. На него я скорее рухнул, чем сел, потянувшись за миской, еще слишком горячей, чтобы начать есть, но, сбросив перчатки для верховой езды, я согрел об нее свои озябшие руки.

– У меня нет никаких вестей из Ульмсдейла в течение...

Я перебирал в памяти прошедшие дни; казалось, будто я все время уставал до изнеможения, промерзал до костей, голодал как собака...

– Тебе нужно отправиться на север. – Имгри снова отошел к огню и говорил, не глядя на меня. – Мы не можем выделить тебе отряд. Поедешь с одним оруженосцем.

Я был горд, что он считает меня способным проделать опасное путешествие без вооруженного эскорта. Должно быть, мои рейды в тыл противника доказали, что я вполне зрелый воин и не нуждаюсь в особой защите.

– Могу поехать и один, – коротко сказал я. И начал потягивать тушеное мясо прямо из миски, так как ложки мне не дали. Еда согрела, я наслаждался теплом и сытостью.

Имгри кивнул:

– Хорошо. Отправишься утром. Я сам сообщу твоим людям, так что можешь спать здесь.

Я провел ночь на полу, закутавшись в плащ. А утром, захватив два куска хлеба, уселся на свежую лошадь, которую подвел оруженосец. Лорд Имгри не попрощался со мной и не пожелал мне счастливого пути.

Путь на север был непрост. Частенько приходилось сворачивать на овечьи тропы; нередко я даже спешил, чтобы провести лошадь по крутым горным склонам.

У меня был с собой кремень, так что я мог развести огонь, чтобы согреть и осветить заброшенные пастушеские хижины, где останавливался на ночь. Но я этого не делал, так как говорили о том, что в последнее время волки собрались в громадные стаи. Шла война, и на местах боев для них оставалось много поживы.

Иногда я проводил ночи в маленьких крепостях, где перепуганные люди, разинув рот и замирая от страха, выпрашивали у меня последние новости. Изредка я останавливался в придорожных тавернах. Путники расспрашивали меня не так жадно, но слушали очень внимательно.

На пятый день пути я увидел Кулак Великана – самую высокую гору моей родной долины. Над головой плыли облака, холодный ветер рвал одежду. Я продолжал идти овечьими тропами. И все же это не спасло меня. Враг, должно быть, расставил дозорных на всех путях в долину. И я сам шел в ловушку. Да, я шел в ловушку с беспомощностью овцы, которую ведут на бойню.

Сама природа создала прекрасные условия для западни. Я ехал по узкой тропе, по самому краю пропасти. Вдруг мой конь опустил голову и тревожно заржал. Увы, предостережение запоздало. Сокрушительный удар между лопатками заставил меня выпустить поводья. Я обмяк и свалился с лошади.

Мрак вокруг меня – мрак и боль, которая то надвигалась, то удалялась с каждым вдохом. Словно сквозь туман я сообразил, что лежу вниз головой в зарослях кустарника.

После падения я, видимо, покотился в пропасть, и только кусты остановили меня и спасли. Нападавшие наверняка решили, что я разбился насмерть. А может быть, они спускаются, чтобы добить меня камнями?

Но я думал лишь о боли во всем теле и хотел только изменить позу, чтобы стало полегче. Я долго барахтался, прежде чем осознал, что нужно сделать. И тут снова покотился вниз, во мрак.

Второй раз я очнулся оттого, что ледяная вода горного источника заморозила мне щеку. Со стоном я приподнял голову, пытаюсь откатиться от ручья. Увы, руки не слушались, и я упал лицом в воду.

Жгучий холод пробрал еще сильнее, зато вода прояснила рассудок, привела в порядок мысли.

Сколько времени я валялся без сознания – неизвестно. Взошла луна, необычайно яркая и чистая. Я с трудом сел.

На меня напали, конечно же, не преступники Пустыни, так как они наверняка постарались бы забрать кольчугу и оружие. Неужели подозрения лорда Имгри подтвердились так быстро? Неужели захватчики уже двинулись на Ульмсдейл и я наткнулся на первый отряд разведчиков?

Да, но западня была устроена так искусно!.. Вряд ли это дело рук тех, с кем я воевал на юге. Нет, здесь что-то не то...

Я ощупал свое тело и с радостью понял, что все кости целы и серьезных повреждений нет. Похоже, отделался ссадинами и раной на голове. Возможно, меня защитили кольчуга и кусты. Тем не менее я дрожал от холода и возбуждения, а когда попытался встать, то обнаружил, что ноги не держат. Я снова рухнул на землю и судорожно ухватился за валун.

Где лошадь? Увели нападавшие? Куда они ушли? Эти мысли заставили меня обнажить меч. Так я и лежал, тяжело дыша и прижав меч к себе. До крепости было недалеко. Если бы я мог встать и идти, то быстро добрался бы до первых пастбищ. Но каждое движение причиняло мне невыносимую боль. Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы. Я до крови прикусил губу и лишь тогда взял себя в руки.

Мне здорово повезло, что я остался жив. Пока я не наберусь сил, нужно двигаться очень медленно и осторожно.

Вокруг раздавались обычные ночные звуки – птицы, звери... Ветер стих, и ночь была неестественно безмолвной. Она как будто выжидала.

Кого? Чего?

Я осторожно менял положение тела, тщательно проверяя мышцы, и наконец встал, хотя земля уходила у меня из-под ног. Вокруг царил тишина, лишь мирно журчал ручеек. Никто не мог подобраться ко мне незамеченным.

Я сделал пару шагов, стараясь твердо ставить ноги на каменистую почву и хватаясь руками за ветки деревьев, чтобы не упасть. И вдруг увидел стену. Луна заливала ее серебряным светом. К ней я и направился, а затем пошел вдоль нее, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться.

Добредя до открытого пространства, я опустил на четвереньки и пополз между камнями.

Невдалеке паслось стадо овец, и эта мирная картина меня успокоила. Если бы здесь появились пришельцы, долина была бы уже разграблена. Вот только настоящие ли это овцы? У нас говорили, что многие пастухи видели стада овец-призраков, которые иногда даже смешивались с настоящими овцами. А глухой ночью или туманным утром ни один пастух не мог,

дважды считая овец, получить одинаковое число. Гнать такое стадо в деревню нельзя: если реальных овец поместить в одну овчарню с фантомами, все они обратятся в призраков.

Я отбросил эти фантастические бредни и сосредоточился на первоочередной задаче: доползти до стены.

Вскоре я добрался до места, откуда мне была хорошо видна крепость, стоявшая на каменистом холме над дорогой в Ульмспорт. Яркого лунного света было достаточно, чтобы разглядеть знамя лорда на башне. Но что-то с ним было не так. И словно бы для того, чтобы все мне объяснить, подул ветер с востока. Он шевельнул полотнище, висевшее на шпиле, и на мгновение развернул его. Этого мгновения мне хватило, чтобы все увидеть и понять.

Не знаю, вскрикнул ли я вслух, но внутри у меня все кричало. Знамя лорда могло быть так изодрано только по одной причине.

Значит, мой отец...

Я ухватился за стену, не смог удержаться и упал на колени.

Ульрик из Ульмсдейла мертв. Зная это, я мог предположить, почему была устроена засада. Меня, очевидно, поджидали. Если сообщение о смерти отца и послали, то оно почему-то меня не нашло. Те, кто хотел схватить меня, должно быть, перекрыли все южные дороги в долину, чтобы я наверняка не миновал засады.

Действовать сейчас означало подвергнуться страшной опасности, к которой я еще не был готов. Я должен убедиться в правильности своего пути, прежде чем отправлюсь по нему.

8

Джойсан

Хоть я и решила отослать Торосса и его родственниц прочь из Иткрипта, это было не так легко сделать. Торосс все еще был прикован к постели. Не могла же я отправить его на носилках? Но я больше не заходила в его комнату. С Ислогой и Ингильдой я тоже не разговаривала. Хорошо, что забот у меня хватало и мне редко приходилось оказываться с ними рядом.

В юбке для верховой езды, захватив хлеб и сыр на обед, я в сопровождении оруженосца объезжала поля, проверяла посты в горах. Теперь я не снимала кольчугу и не расставалась с мечом, который подарил мне дядя. И никто не указывал мне на неподобающее одеяние – в такое время каждый обязан делать все, что в его силах.

Болезнь настигла нас внезапно, принеся лихорадку, озноб и глубокий мучительный кашель. По какой-то милости Пламени сие испытание меня миновало, и поэтому управление замком перешло в мои руки, ибо госпожа Мэт была одной из первых заболевших. И хотя с постели она тоже встала одной из первых, она была еще очень слаба, но, несмотря на это, старалась помочь мне и больным. Маршал Дагэйл тоже заболел, его люди получали приказы от меня. Мы выставили часовых в горах и в то же время старались убрать урожай.

Приходилось очень трудно: дел было невпроворот, рабочих рук не хватало. Все, кто держался на ногах, работали. Даже маленькие дети выходили в поле со своими матерями и помогали, чем могли. Но силы наши были на исходе, и урожай собрали небольшой.

В середине лета, вместо традиционного пира, я собрала всех, кого наметила отправить в Норсдейл. И они пошли на север, в основном пешком, так как лошадей мы дать не могли.

Торосс не поехал с ними. Он мог бы перенести путешествие – рана зажила, – и я надеялась, что у него хватит здравого смысла уехать. И все же Торосс остался. Он даже стал другом маршала Дагэйла и его ближайшим помощником, когда маршал поправился и приступил к исполнению своих обязанностей.

В те недели мне было беспокойно. Хотя Торосс не искал встреч со мной, я постоянно ощущала на себе его взгляды, а его воля опутывала меня невидимыми нитями. Я могла только надеяться, что у меня хватит сил для сопротивления. Торосс мне нравился с самой первой нашей встречи. Тогда я увидела веселого, жизнерадостного юношу, столь не похожего на угрюмых занятых людей, окружавших меня всю жизнь. Он был умен, интересно рассказывал, великолепно умел поддерживать беседу, чувствовал себя свободно в любой компании. Я видела, как девушки не сводят с него глаз, и сама ощущала его очарование.

Ранение сказалось на его характере. И все же Торосс облегчал наше существование в те суровые дни. Он был уверен, что рано или поздно я приду к нему. Однако на чем была основана эта уверенность?

Наши мужчины смотрели на женщин как на собственность. Сначала, конечно, мужчина ухаживал за дамой, потакал ее капризам, но когда вводил в дом, жена становилась вещью: как охотничий сокол, гончая собака, лошадь. Женщина служила средством заключения союзов между лордами и не могла протестовать, даже если намеченная свадьба была ей не по душе.

Если какая-либо женщина пыталась восстать против своей судьбы, то считалось, что она примкнула к Темным Силам. От бунтарки отворачивались даже кровные родственники.

Моя жизнь складывалась сравнительно просто и легко – до этого момента. Госпожа Мэт, умная и энергичная, хорошо знала место, которое женщина должна занимать в доме. Брат доверил ей управление хозяйством. От госпожи Мэт я узнала многое, что было совсем необязательно знать девушке, которой предстоит войти в дом мужа. Изредка я присутствовала на совещаниях дяди и госпожи Мэт. Правда, я не осмеливалась по собственной инициативе высказывать свое мнение, но госпожа Мэт нередко обращалась ко мне с вопросами. По ее

словам, будущая хозяйка должна принимать решения, однако для этого ей нужно немало знать и уметь.

Мой дядя считал своим правом отдавать приказы, которым все должны повиноваться, но он часто полагал необходимым объяснять их причину, хотя у него был скверный характер и он мог быть резким. Но по мере того, как я становилась старше, он стал интересоваться моим мнением даже в мелочах и позволял мне открыто высказывать его. Я знала, что среди жителей долин ходили слухи обо мне. Мне досталось наследство от моего отца, кроме земли, так как он был вторым сыном и сводным братом Кьярта. Кьярт мог, по обычаю, назвать меня наследницей, хотя я была девушкой, но выбор также мог пасть на Торосса как на мужчину.

До бегства с юга Торосс был прямым наследником своего отца. Теперь он потерял право на трон. И постоянные его разговоры о том, чтобы я оставила Керована, зародили в моей душе подозрение, что главная его цель не я, а право стать наследником Кьярта.

Вероятно, и Ислота лелеяла такую мысль. Поэтому она пыталась скрыть свою неприязнь ко мне и часто оставляла нас с Тороссом наедине, думая, что он сможет уговорить меня разорвать брачный договор с Керованом. Этим летом я чувствовала себя зайцем, которого стараются загнать две собаки. Все чаще и чаще приходилось спасаться от них, отговариваясь хлопотами.

Когда мы отправили на север первую партию беженцев, стало полегче, но ненадолго. Прибавились заботы о госпоже Мэт. Хотя она делала, что могла, работа давалась ей с трудом. Она худела, кожа стала совсем прозрачной. Часто она перебирала пальцами четки и безмолвно молилась.

Я старалась проводить с ней как можно больше времени. Нам не нужно было ни о чем спрашивать друг друга, все было ясно без слов. Но теперь госпожа Мэт стала говорить намного больше, чем раньше. Как будто чувствовала, что конец близок, и хотела передать мне все, что знала. О целительстве и травах я уже немного знала, так как это было частью ее уроков еще с моего детства. Кроме того, она говорила о других вещах, некоторые из них были очень странными, и поэтому я узнала многое из того, что, возможно, редко передавалось от одного поколения к другому.

Мы все знали, что живем в странном мире. Стоит только повернуть голову – и увидишь остатки жилищ Древних. Там царит мертвое спокойствие, будто ждущее чего-то. Госпожа Мэт открыла мне тайну. Оказалось, что Пламя, которому она посвятила жизнь, не обладает Силой Древних. И те, кто поклоняется ему, порой вынуждены идти в горы, чтобы искать Силу, которая могла бы противостоять Злу. Даже монастырь обращался к помощи не только своего божества – Пламени.

Однажды госпожа Мэт пришла ко мне рано утром. И застыла, перебирая четки и глядя куда-то в стену, как будто боялась встретиться со мной взглядом.

– Джойсан, с Кьяртом что-то случилось...

– Вы получили письмо?

Я удивилась, что не слышала рога. Теперь все были обязаны оповещать о своем приближении к крепости.

– Да, только не словами и не буквами. Оно у меня здесь. – Госпожа Мэт оставила четки и тонкими пальцами показала на лоб.

– Сон? – Неужели она тоже?..

– Не такой, как ты думаешь. Весьма расплывчатый. Знаю лишь, что Кьярту сейчас плохо. Я должна пойти к лунному колодцу.

– Сейчас не ночь и не полнолуние, – напомнила я ей.

– Но воду из колодца можно использовать. И я должна это сделать. Боюсь только, что не дойду. Слишком далеко. – Госпожа Мэт покачнулась и оперлась рукой о стену. – Я должна идти... должна.

Ее голос возвысился, и в нем была скрытая тревога, которая напугала меня. Когда тот, кто всегда был тверд как скала, становится слабым, кажется, что сами стены вот-вот рухнут.

– Хорошо. Вы в состоянии ехать верхом?

На ее верхней губе блестели капли пота. Я вдруг увидела, что госпожа Мэт, строгая и чопорная госпожа Мэт, превратилась в старуху. Груз прожитых лет обрушился на нее, пригнул к земле.

Но ее твердая воля сделала свое дело. Госпожа Мэт выпрямилась, расправила плечи:

– Дай мне одного из пони, Джойсан.

Тяжело опираясь на меня, она вышла во двор. Я послала мальчика на конюшню за пони. Этих смиренных животных мы держали для перевозки грузов.

Когда мальчик вернулся, госпожа Мэт уже преобразилась, как будто выпила укрепляющее средство. С легкостью села в седло, и я повела пони через поля к тому самому колодцу, куда частенько бегала и сама.

Никто не заметил нашего ухода. Было раннее утро, и, наверное, еще не закончился завтрак. Я шла за пони и ощущала голод.

– Кьярт... – прошептала госпожа Мэт.

Я никогда не думала о том, что связывает этих двоих, кроме имени. И теперь, услышав ее голос, многое осознала. Хотя они и относились друг к другу по-деловому, на самом деле брат и сестра нежно любили друг друга.

Колодец был выложен камнями, за ним росли кусты. К веткам были привязаны кусочки ткани, потерявшие свой первоначальный цвет под действием ветра и дождей. Висели еще фигурки овец, лошадей... и все это покачивалось на ветру. Много лет приходили сюда люди в поисках Силы.

Я помогла госпоже Мэт спуститься на землю. Она отказалась от моей поддержки и пошла вперед сама, как будто при виде колодца к ней вернулись силы.

Из глубокого кармана юбки госпожа Мэт достала чашу размером не больше, чем могло бы вместиться в ее ладонь. Я знала, что серебро – любимый металл Древних, так же как опал, жемчуг, нефрит и янтарь были их любимыми драгоценными камнями.

Госпожа Мэт жестом подозвала меня и показала на неизвестное мне растение, которое росло возле колодца. У него были широкие темно-зеленые листья с белыми прожилками.

– Сорви лист и налей воды в мою чашу, – велела она.

Сорванный лист распространял приятный аромат и как будто сам, по собственной воле, скрутился в чашу для зачерпывания воды. Я зачерпнула три раза, и госпожа Мэт остановила меня. Она взяла чашу, подняла и легонько подула на ее поверхность.

– Это, конечно, не вода Девятой волны, которая лучше всего подходит для подобных целей, но ничего иного у нас нет.

Она перестала дуть, и поверхность воды успокоилась. Затем госпожа Мэт бросила на меня один из тех взглядов, которые сковывали мою волю:

– Думай о Кьярте! Создай мысленно его портрет!

Я попыталась нарисовать перед глазами изображение дяди, и это мне удалось. Я увидела его в момент, когда он во дворе пил из чаши, которую я поднесла ему перед отъездом. Я была удивлена, что всего несколько месяцев спустя уже с трудом вспоминаю его лицо. Ведь я же знала дядю всю жизнь.

– Что-то тебе мешает. – Госпожа Мэт строго посмотрела на меня. – Что, Джойсан?

Что? Моя рука потянулась к груди, где прятался хрустальный грифон. Неохотно, подстегиваемая взглядом госпожи Мэт, я достала шар.

– Повесь его туда.

Я не посмела послушаться и повесила шар на одну из веток, где уже висело много безделушек. Госпожа Мэт проследила за мной, затем вновь стала смотреть в чашу:

– Думай о Кьярте!

Теперь как будто бы через отворенную дверь я увидела дядю четко и ясно.

– Брат! – вскрикнула госпожа Мэт. И замолчала, только всхлипывала. – Пусть так и будет! – Она сделала шаг, затем другой, перевернула чашу и выплеснула воду в колодец.

Резкий, удивительно чистый звук раздался в утреннем воздухе: гонг тревоги с крепостной башни! То, чего мы так долго боялись, пришло – враг рядом!

Пони ржал и бился, мне пришлось схватить его за уздцы. Я старалась успокоить испуганное животное, а в утреннем воздухе гулко разносились звуки гонга – тяжелые удары, предвестники близящейся грозы. Госпожа Мэт протянула чашу, словно подавая ее кому-то, и выронила ее в колодец. Затем она подошла ко мне.

Ее хрупкое тело горело жаждой действий, опасность пробудила в ней молодость. Но на ее лице нельзя было прочесть надежду; нет, я смотрела в лицо человека, глядящего в нескончаемую ночь.

– Кьярт видел это в своем последнем сне, – сказала она, садясь в седло.

Больше о брате она не говорила. Что же она увидела в чаше? Тревога вытеснила из моей головы все, кроме необходимости поскорее вернуться.

Вести были действительно плохие, и Дагэйл быстро изложил нам все, одновременно отдавая распоряжения своим людям. Воинам надлежало сделать отчаянную попытку, чтобы выиграть время и спасти остальных. Враги шли вдоль реки: это был самый простой путь от победы.

Мы уже давно решили, что оставаться в крепости и погибнуть в ней – неразумно. Тем, кто не мог сражаться, лучше было уйти в горы и пробиваться на запад. И мы тщательно спланировали это бегство.

При первых звуках гонга пастухи погнали стада, женщины и дети тоже собирались в путь.

Я прошла в свою комнату, натянула кольчугу, тяжелый плащ, взяла меч и заранее упакованные необходимые вещи. Ингильда уже ушла. В ее покоях как будто похозяйничал враг: все было в полном беспорядке.

Я побежала через холл в комнату госпожи Мэт. Она сидела в кресле с высокой спинкой, держа в руке незнакомый мне жезл – цвета слоновой кости, с вырезанными письменами.

– Ваш плащ, вещи!.. – Я быстро огляделась, однако не увидела никаких приготовлений к бегству. – Нужно уходить!

Госпожа Мэт медленно покачала головой. Она тяжело дышала, как будто ее измученным легким не хватало воздуха. Она с трудом прошептала одно слово:

– Иди... – И затем: – Иди... быстрее, Джойсан!

– Я не могу оставить вас здесь. Крепость нам не удержать. Вы же знаете, мы давно так решили.

– Знаю... И... – Госпожа Мэт подняла жезл. – Я долго поклонялась Пламени и старалась забыть иные учения. Но когда уходят надежда и жизнь, каждый должен бороться, как может. Теперь мне ясно, что делать. Надеюсь, я смогу отомстить за Кьярта и за тех, кто уехал с ним. – С каждым словом голос ее становился крепче, она выпрямилась, хотя встать с кресла не собиралась.

– Мы должны идти! – Я положила руку на ее плечо. Оно было твердое и сильное.

– Уходи, Джойсан. Ты молода, у тебя есть будущее. Оставь меня. Это мой последний приказ. Оставь. Пусть враги идут сюда... на свою погибель!

Ее губы шевелились, произнося неразборчивые слова. Видимо, она молилась. Она не перебирала четки, а крепко сжимала жезл. Он двигался в ее руках, будто им водила неведомая Сила.

Конец посоха скользил по полу, вырисовывая какие-то письмена, но следов не оставлял.

Я знала: ничто не изменит ее решения. Госпожа Мэт даже не взглянула на меня и не ответила на мое прощание. Словно ушла куда-то невообразимо далеко и полностью забыла о моем существовании.

Может, кликнуть людей, чтобы вывести госпожу против ее воли? Я была уверена, что сейчас она не отвечает за свои слова и поступки. Госпожа Мэт будто прочла мои мысли: широко открыла глаза и повернула посох в мою сторону, как будто нацелилась на меня копьем:

– Дурочка, я скоро умру... Доверь мне нашу честь, и враги пожалеют, что пришли в Иткрипт. Они уже задолжали мне, и я заставлю заплатить этот кровавый долг. Достойный финал для человека из рода Сломанного Меча!.. Постарайся заслужить такой же, когда придет твое время, Джойсан.

Жезл грозно указывал на меня. Я повернулась и пошла. Не могла поступить иначе: меня словно заколдовали.

– Джойсан! – Гонг стих, и я услышала свое имя. – Джойсан, где ты?

Я сбежала по ступеням и увидела Торосса в надвинутом на лоб капюшоне.

– Чего ты ждешь? – сердито спросил он и, схватив меня за руку, потащил за собой к двери. – Садись на лошадь и уезжай!

– Госпожа Мэт... Она не хочет уходить...

Торосс посмотрел на лестницу, затем на меня. Покачал головой:

– Пусть остается! У нас нет времени. Дагэйл с отрядом уже на берегу реки. А те... Они сами похожи на реку в половодье! У них есть оружие, которое стреляет дальше, чем любой лук.

Он вывел меня на улицу. Там стояла лошадь, другая была у ворот. Торосс с силой закинул меня в седло:

– Поезжай!

– А ты?

– Я к реке, куда же мне еще? Начнем отступать, как только получим сигнал, что вы вошли в ущелье. Все по плану.

Он стегнул лошадь, и та рванулась вперед. Мне пришлось призвать на помощь все свое умение, чтобы удержаться в седле.

Сзади донеслись крики и какие-то резкие хлопки – загадочные, никогда не слышанные мною звуки. К тому времени, как я справилась с лошадью, Торосс уже скакал во весь опор в противоположном направлении, к реке. Мне очень хотелось поехать с ним, но я понимала, что буду только помехой воинам. Мне предстояло вести тех, кто не мог сражаться. Поднявшись в горы, мы разделимся на маленькие отряды, каждый из которых поведут по своему пути пастухи и лесничии. Все должны были пробираться на запад – единственное место в Высшем Холлаке, где было еще безопасно.

Однако, пройдя немного, я вдруг вспомнила: хрустальный грифон! Он остался на ветке возле колодца! Нужно забрать его! Я повернула лошадь и понеслась назад по хлебному полю, не думая о том, что топчу посевы. Вот и кольцо деревьев. Схвачу шар – и тут же обратно.

Я въехала под деревья и спрыгнула на землю, не дожидаясь, пока лошадь остановится. Но у меня хватило здравого смысла привязать поводья к веткам.

Я обошла вокруг куста, отыскивая среди множества фигурок свой шар. Вот он! Как я могла забыть его? Я не стала расстегивать кольчугу, а просто сунула шар за ворот, перекинув цепочку через шею.

Затем я повернулась и поспешила к внезапно заржавшей лошади. Возбужденная тем, что грифон снова у меня, я ни на что не обращала внимания и шла прямо навстречу опасности, как глупое животное.

Враги, должно быть, заметили, как я ехала сюда, и устроили мне западню. Как только я взяла поводья лошади, меня окружили – очень быстро и четко. Вероятно, большая практика.

Откуда-то прилетела петля и опустилась мне на плечи, крепко стянув руки. Я попала в плен к ализонцам – из-за собственной глупости!

9

Керован

Итак, мой отец умер, а меня оставили умирать. Кто же правит теперь в Ульмскипе? Я подумал о единственном друге, которого я мог бы сейчас найти в этих стенах впереди, – Яго. За те несколько месяцев, которые я провел здесь как заместитель своего отца, я так и не обрел надежных сторонников, на поддержку которых мог бы положиться. Но должен же я выяснить, что случилось!

Я притаился в кустах близ стены. Ночной ветер был холодным, меня бросало в дрожь.

Крепость в этот час закрыта. Кроме...

Вернулась способность соображать. Видимо, потрясение, которое я испытал при виде порванного флага, привело меня в чувство. Был еще потайной вход...

Я не знаю, что привело наших предков сюда с юга. Они не оставили никаких записей, которые раскрыли бы причины миграции. Но укрепления, которые они построили здесь, говорили о том, что им постоянно угрожала опасность. Ибо мелкие стычки, в которые они ввязывались здесь после своего прихода, никак не могли быть настолько серьезными, чтобы требовались такие особые меры предосторожности. Они не воевали с Древними за обладание долинами. Тогда почему же здесь выросли крепости – одна сильнее другой? И каждая – с тайным ходом, о котором знали только лорд и его наследник. Как будто они предвидели, что наступит момент крайней опасности...

Однажды отец показал мне тайный вход в Ульмскип.

У меня была возможность проникнуть в самое сердце того, что, очевидно, уже стало вражеской территорией, и узнать все. К тому же – я облизнул губы, и соленый привкус крови появился у меня во рту, – возможно, это последнее место, где они будут меня искать. Там, в суровом здании, под разорванным в клочья флагом, я буду в безопасности.

Теперь, когда у меня появилась цель, я двигался уверенно, но не забывал об осторожности. Я должен был пройти довольно большой путь – от стены к стене, от укрытия к укрытию. В окнах замка и в деревенских домиках светились окна, один за другим они гасли, пока я шел черепашим шагом. Меня сизмальства приучали к терпению, а теперь, когда один неверный шаг грозил смертью, терпение было более чем необходимо.

Залаяла собака возле крестьянского дома, и я замер с бешено бьющимся сердцем. По счастью, вышедший мужчина сердитым окликом унял собаку.

Постепенно я приближался к цели.

В Ульмсдейле сохранилось гораздо меньше строений Древних, чем в большинстве северных долин. Только здесь, в тени Кулака Великана, остались следы тех, кто жил в долине до того, как сюда пришли наши предки. И это сооружение не было чем-то потрясающим – просто каменная плита среди камней. Никто не мог сказать, чему она служила.

От других плит ее отличало только то, что на гладкой поверхности было вырезано существо, которое первый лорд Ульмсдейла сделал своим символом, – грифон. Даже сейчас, ночью, я хорошо видел четкие линии изображения. Они указывали мне путь.

Я поднялся чуть выше по склону. Измученное, избитое тело яростно протестовало против любого движения. Вскоре я нашел нужное место: здесь начинался подземный ход, скрытый под искусно выложенными камнями.

Я пролез в темную расщелину. Отсутствие света создавало дополнительные трудности. Я начал осторожно ощупывать стены мечом, пытаясь вспомнить, куда нужно двигаться. И вот меч нашел пустоту: заветный лаз, довольно круто спускавшийся вниз. Я вложил клинок в ножны и присел, чтобы ощупать лаз голыми руками. Да, это был край вентиляционного отвер-

ствия, по которому я должен был спуститься. Я обдумал спуск. Сапоги, сшитые на обычную ногу, изрядно мне мешали. Я разулся и привязал сапоги к поясу.

Мои копыта почти не чувствовали холода камня, так что спускался я уверенно. Но долго ли придется идти? Мы с отцом не были в подземелье, он только показал мне вход.

Я спускался все глубже под землю. Казалось, время остановилось в этом кромешном мраке. Но вот мое копыто коснулось твердой поверхности. Не останавливаясь, чтобы надеть сапоги, ибо я все больше и больше наслаждался свободой своих копыт, я двинулся по наклонному пути, который должен был привести меня в крепость. Подземный ход большей частью представлял собой естественный туннель – видимо, русло высохшей подземной реки. В некоторых местах приходилось двигаться на четвереньках.

Зато мне не грозила опасность быть замеченным!.. Вскоре путь стал пологим. Я понял, что нахожусь под долиной и до крепости осталось пройти совсем немного.

Свет факела выхватил из темноты проход в стене. Грубые ступени вели вниз и в сторону. Видимо, выход в пещеру на берегу моря, отец говорил мне о нем. Теперь я поднимался – длинная лестница вела в крепость, в комнату отца. Я остановился и погасил факел: мне могли понадобиться обе руки. К тому же в стенах были смотровые окошки, и свет мог меня выдать.

Я заглянул в первое из них. У дальней стены комнаты тускло горел светильник, на полу спали несколько человек. Я подошел к следующему окошку, и моим глазам открылся приемный зал. Я смотрел в него откуда-то из-за трона отца. В очаге горел огонь, которому никогда не давали угаснуть. Неподалеку на скамье сидел слуга, рядом с ним на полу свернулись две собаки. Самая обычная мирная картина.

Конец тайного хода был близок, но я медлил: я боялся того, что может ждать меня впереди.

Люди часто используют слово «любовь». Оно обозначает как чистые чувства вроде привязанности, нежности, так и обычную похоть. Я вообще никогда не пользовался этим словом, ибо в юности мне не довелось испытать этого чувства, – страх, благоговение, уважение были для меня более реальны, чем любовь. Я не любил своего отца. В те дни, которые я провел с ним после того, как он публично признал меня, я уважал его и преданно ему служил. Но между нами неизменно стояло мое изгнание.

Отец приезжал ко мне, присылал подарки, которые привели бы в восторг любого мальчишку, хорошо заботился обо мне, но, когда мы были вместе, я всегда чувствовал в нем неловкость. Я не мог сказать, было ли это вызвано его реакцией на мое уродство, или он упрекал себя за то, что, общаясь со мной, он все же не мог заставить себя бросить вызов чувствам моей матери и открыто назвать меня своим сыном. Только я с самых ранних лет знал, что наши отношения не были похожи на отношения других отцов и сыновей. И долгое время я думал, что это моя вина, поэтому мне было стыдно и тяжело в его присутствии.

Между нами постепенно воздвигалась стена, сломать ее мы так и не смогли. К сожалению, лорд Ульрик был именно тем человеком, которого я мог бы полюбить всем сердцем. Теперь, стоя в темноте потайного хода возле его комнаты, я ощущал, что потеря отца опустошила мою душу. Как будто я стоял у двери комнаты, наполненной всеми благами этого мира, и все же мне не позволили войти.

Моя рука лежала на защелке панели, которая открывалась внутрь, скрытая спинкой огромной отцовской кровати с балдахином. Я чуть-чуть приотворил панель, прислушался. И тут же поспешно прикрыл ее – в комнате горел свет, слышались чужие голоса. Я вспомнил, что можно обойти вокруг кровати и проникнуть в комнату незаметно. Вот возможность сразу узнать все, что здесь произошло!

Я проскользнул за балдахин кровати. Это было великолепное укрытие. Нашлась даже щелочка, через которую я мог все видеть.

В комнате находились четверо. Двое сидели на скамье у стены, один на стуле, а четвертый – в отцовском кресле.

Хлаймер и Роджер. На стуле – девушка. У меня перехватило дыхание: ее лицо было похоже на мое как две капли воды! А в кресле, несомненно, сидела леди Тэфана – я впервые в жизни увидел свою мать.

Она была в пепельно-серой одежде вдовы. Вуаль была отброшена назад и закрывала только волосы. Ее лицо было таким юным, что леди Тэфана выглядела всего лишь на один-два года старше своей дочери. Хлаймер не унаследовал ее облика – в отличие от меня.

Я не испытывал никаких чувств, кроме любопытства, когда смотрел на мать. Меня с нею ничего не связывало.

Она быстро говорила и делала стремительные жесты красивыми руками с длинными пальцами. Но что меня возмутило, так это то, что на ее большом пальце поблескивал перстень-печатка моего отца, который имел право носить только правитель Ульмсдейла и который в этот момент должен был сверкать на моем указательном пальце.

– Идиоты! Но нам-то зачем повторять их ошибки? Когда придут вести, что Керован убит, Лисана станет наследницей, а ее муж, – она показала на Роджера, – будет править здесь от ее имени. Пришельцы предлагают нам хорошие условия. Им нужен Ульмспорт, но они не хотят брать его с боем. Сражение нам ничего не даст, нам не устоять. Кому нужны смерть и разрушение? Условия щедрые; мы спасем нашу долину, заключив такой договор.

– Я охотно соглашусь быть мужем Лисаны и правителем Ульмсдейла, – сказал Роджер. – Что касается остального... – Он покачал головой. – Это совсем другое дело. Договор заключить легко, соблюдать его гораздо труднее. Мы можем открыть ворота, но как потом закрыть их? Враги хорошо знают, насколько мы слабы.

– Слабы? Мы? И это говоришь ты, Роджер? – Леди Тэфана окинула его пренебрежительным взглядом. – Глупый мальчик, неужели ты сбрасываешь со счетов ту Силу, какую мы унаследовали от нашего рода? Я не верю, что эти захватчики сталкивались с чем-нибудь подобным.

Роджер улыбнулся своей обычной, едва заметной улыбкой. Она всегда наводила меня на мысль, что Роджер очень уверен в себе. Как будто он владеет каким-то страшным оружием – вроде того, что захватчики применили против нас.

– Значит, моя дорогая госпожа, ты хочешь обратиться к *ним*? Подумай хорошенько: может ведь произойти непредвиденное. Они способны выйти из-под контроля и пойти своим путем. Мы их родственники, но не очень-то близкие.

Я видел, как вспыхнуло лицо леди Тэфаны.

– Как ты смеешь мне такое говорить, Роджер? – Ее голос стал пронзительным.

– Я не твой покойный муж, госпожа. – Если он и испугался окрика, то ничем не выдал себя. – Его род был проклят, поэтому он легко поддавался всему, что исходило от *них*. Однако во мне течет та же кровь, что и в тебе. Мною не так просто руководить. Хотя даже твой муж вышел из-под контроля – назвал своего сына наследником, несмотря на все твои заклинания.

Ее лицо еле заметно изменилось, и мне стало как-то не по себе. Что-то гнетущее возникло в комнате. Зло.

Я ощущал его, чувствовал, как оно втекает, чтобы наполнить поджидающий сосуд. Сосуд-женщину. Я отказывался поверить в то, что именно она дала мне жизнь.

– Интересно, с кем ты общалась в том Святилище, когда рожала моего обожаемого кузена? – продолжал Роджер, все еще улыбаясь, хотя Хлаймер встал со скамьи и отошел подальше, словно не желая сидеть напротив вытянутого пальца матери. – Какую сделку ты заключила? Или она была заключена до рождения моего кузена? Ты произнесла заклинание, чтобы привести лорда Ульмсдейла в свою постель в качестве мужа? Ты ведь давно имеешь

дело с *ними*, а не с теми, кто идет по Белому Пути... О нет, не пытайся повторить это со мной. Неужели ты думаешь, что я пришел сюда без защиты?

Ее палец быстро чертил какие-то фигуры. Точно так же, как Ривал, прощаясь со мной, начертил в воздухе символ и я увидел его слабый отблеск, так и теперь ее палец оставил след или узор. Он был дымчато-темным. И все же его можно было разглядеть в приглушенном свете комнаты, которую наполняло черное Зло.

Роджер поднял руку и закрыл ею лицо. На ладони, направленной вперед, выделялись те самые линии, по которым Мудрые женщины могли предсказывать будущее человека. Эти линии начали светиться бледно-розовым, а затем ярко-красным цветом. Роджер все еще улыбался из-под руки.

Я услышал сдавленный крик леди Тэфаны.

Затем ее рука безвольно опустилась. Кольцо на пальце потускнело, как будто его блеск был съеден дьявольскими Силами, которые она только что призвала.

Мне очень хотелось сорвать перстень с ее руки.

– Да, – сказал Роджер. – Ты, госпожа, не единственная, кто ищет сильных союзников в тайных местах. Теперь, когда ты убедилась, что мы с тобой одинаково вооружены, давай вернемся к делу. Твой любезный сын... – Он сделал паузу и легонько кивнул в сторону Хлаймера, который имел совсем жалкий вид: сидел согнувшись и исподлобья поглядывал то на мать, то на Роджера. Было ясно, что сначала он боялся только ее, а теперь понял, что нужно опасаться обоих. – Поскольку твой любезный сын не стоит на пути к трону Ульмсдейла, мы можем строить совместные планы. И все же я не согласен, что нам следует сотрудничать с захватчиками.

– Почему? – спросила леди Тэфана. – Ты их боишься? Ты, у кого есть это! – Она кивнула на его ладонь. – Неужели ты не в силах защититься?

– Лично я не боюсь их. Но не хочу давать им хотя бы временного преимущества. Я верю, моя дорогая госпожа, что ты можешь вызвать с гор грома и противодействовать любому предательству, которое они замыслили. Однако призванная тобою Сила будет уничтожать все без разбора. А я вовсе не желаю потерять Ульмсдейла.

– Ты все равно потеряешь его. – Впервые Лисана нарушила молчание. – И, дорогой Роджер, – язвительно добавила она, – мы еще не супруги. Не слишком ли ты торопишься, считая себя лордом Ульмсдейла? – Она говорила холодно и оценивающе смотрела на него, как будто они были не жених и невеста, а скорее противники за игровой доской.

– Верно сказано, моя милая, – дружелюбно согласился Роджер. Если бы я был на месте Лисаны, меня насторожил бы его тон. – Ты намерена быть здесь не только леди, но и лордом?

– Я не намерена принимать участие в твоей игре, Роджер, – резко ответила Лисана. Чувствовалось, что она очень уверена в себе.

Роджер посмотрел на нее так, будто впервые понял, что она имеет здесь вес. Его глаза чуть сузились. Затем он перевел взгляд на ее мать:

– Поздравляю, моя дорогая леди. Значит, ты настолько уверена в своей Силе?

– Естественно. А ты думал – нет? – рассмеялась Тэфана.

– О, какое счастливое семейство будет у нас! – улыбнулся в ответ Роджер. – Я предвижу много забавных вечеров, когда мы будем пробовать то одно, то другое заклинание, проверяя защиту друг друга.

– Этих вечеров не будет, – прорычал Хлаймер, – если мы не договоримся, как удержать Ульмсдейла. И я не вижу шансов выиграть там, где проиграли многие Великие лорды. Ульмс-порт открыт – врагам нужно только подойти и высадиться. Крепость можно удерживать день, два... Но... – Он пожал плечами. – Все слышали рассказы об их оружии. Мы кончим так же, как и остальные.

– А если... – С лица Роджера исчезла улыбка. Он посмотрел на леди Тэфану, затем перевел взгляд на Лисану. – А если они не смогут пристать к берегу? Ветер и волны, ветер и волны...

Леди Тэфана сосредоточилась, глядя на него так же испытующе, как он раньше смотрел на Лисану.

– Для этого нужна Сила.

– Ею обладаешь ты и частично моя невеста. – Он кивнул на девушку. – Немного могу добавить и я. Ветер и волны – довольно удачное решение. Все будет выглядеть вполне естественно, и они не смогут ни в чем нас обвинить. Мы останемся в стороне. Сделаем вид, что идем на сделку. А ветер и волны...

Леди Тэфана облизнула губы.

– Нужна большая Сила.

– Значит, это выше твоих возможностей?

– Еще чего! – воскликнула она. – Но нам троим необходимо будет по-настоящему объединиться, и у нас еще должна быть жизненная Сила, чтобы черпать ее.

Роджер пожал плечами:

– Жаль, что мы позволили уйти самым преданным сторонникам лорда. Ненависть могла бы дать нам эту Силу. Например, старик Яго...

– Он осмелился угрожать мне! – крикнул Хлаймер. – Как будто калека способен что-то сделать со мной!

– Калека, конечно, вряд ли, – согласился Роджер. – Но если бы он встретился с тобой лет десять назад... Я не поручился бы за твою жизнь, будущий братец. К счастью, у нас есть другие, чьей жизненной Силой мы вполне можем воспользоваться. Если мы решим...

Лисана вдруг утратила холодное безразличие. Я видел, как в глазах ее сверкнуло безумие.

– Мы сделаем это! – воскликнула она. – О, мы так и сделаем!

Впервые Роджер проявил признаки беспокойства:

– Обуздай свою ярость, дорогая. Наш путь требует благоразумия и осторожности.

Лисана вскочила на ноги так резко, что стул, на котором она сидела, полетел на пол.

– Не учи меня, Роджер! Лучше следи за своей Силой. Вдруг ее у тебя не так много, как ты стараешься показать!

– Мы все должны осторожно обращаться с Силами, – произнесла госпожа Тэфана. – Но план требует тщательной подготовки, и этим нам нужно заняться незамедлительно.

Она поднялась. Хлаймер быстро подошел к ней и предложил руку. Я подумал, что ему очень не по душе оставаться наедине с Роджером. Лисана пошла за ними.

Моя рука потянулась к рукояти меча. То, что я слышал здесь, наполнило меня ужасом, хотя многое прояснилось. Ясно, что эти трое уже давно имеют дело с Темными Силами. И то, что мой отец был околдован, как намекнул Роджер, тоже объясняло многое.

Теперь я мог бы его простить. Стена между нами рухнула, хотя и слишком поздно.

Итак, они собираются призвать Темные Силы. Возможно, это спасет Ульмсдейл – однако только для них. У меня в голове была лишь одна мысль: что конкретно они намерены предпринять? Несмотря на обстоятельства рождения, у меня не было Силы. Что же делать: позволить им прибегнуть к Темным Силам, чтобы спасти долину, или помешать? Что представляет бóльшую опасность – обращение к Злу или захватчики? Я был в растерянности. Вразумить меня мог бы Ривал, всю жизнь посвятивший изучению таинств.

Замок отца стал ловушкой. Чем скорее я выберусь отсюда, тем лучше – не только для меня, но и для будущего долины. Пробираясь по подземному ходу, я думал о Яго. Наверняка Хлаймер принудил старика к поединку. Ну что ж, когда-нибудь я заставлю его заплатить за это.

К тому времени как я добрался до плиты с грифоном, наступила глубокая ночь. Все тело болело от ушибов, голова трещала, но нужно было спешить: чем скорее я доберусь до Ривала, тем лучше. Это был долгий путь, к тому же меня грыз голод.

Что бы со мной было, если бы я не встретил торговца, не знаю. Перевалив через горы, окаймлявшие долину, я вышел на одну из тех троп, что использовали летом охотники и тор-

говцы. Вдруг раздался стук копыт по камням. Я был уверен, что мне нужно укрыться, и стремглав юркнул в кусты. Даже если это и не враг, встреча с ним не сулит ничего хорошего: никто не должен знать о моем приходе в Ульмсдейл.

Человек, который ехал на лошади и вел в поводу вторую, не проехал мимо, а остановился прямо перед кустами, где прятался я, и поднял очищенную ветку, которую держал в руке. Не совсем посох, но и не хлыст, потому что он был слишком толстым для этого.

– Господин Керован...

Он говорил тихим голосом, но слова отчетливо доносились до того места, где я лежал. Он был одет в кожу и грубую шерсть, как бедный путник. Он откинул с головы капюшон, как бы желая, чтобы я узнал его. Но я не мог вспомнить, видел ли я прежде это лицо.

В отличие от многих торговцев, он был чисто выбрит – на подбородке ни следа бороды. Черты лица странные, путник не был похож на жителя нашей долины. Волосы его были коротко острижены и торчали густой щеткой, скорее походя на шерсть зверей, чем на волосы человека. Цвет их был тоже странный – смесь серого, коричневого и черного.

– Господин Керован! – повторил незнакомец и на этот раз поманил меня своей веткой.

Сопrotивляться этому зову было невозможно. Я выпрямился во весь рост и вышел из кустов к тому, кто мог быть моим смертельным врагом.

10 Джойсан

Пленница Алисона! Все те рассказы о темном ужасе, которые передавали беженцы, заставляли меня ожидать, что меня окружают демоны, когда веревка, привязавшая мои руки к телу, потащила меня дальше, на открытое место. И все же это были всего лишь мужчины, если не считать того, что в их лицах было нечто такое, что заставило меня содрогнуться от страха. Быстрая смерть не так страшна, но есть и другие вещи...

Они говорили между собой на странном незнакомом языке. Их предводитель подошел ко мне и потянул за ремешки моей кольчуги, снимая капюшон, так что мои волосы рассыпались по плечам. Он погладил их, и моя рука невольно потянулась к кинжалу. Однако веревка была затянута туго, мне не удалось достать его.

Таким образом они вернули меня в Иткрипт. Но прежде чем мы вошли во внутренний двор, где сгрудились враги, с башни сверкнула вспышка света, за которой последовал громовой раскат. Меня швырнуло на землю, и я увидела то, от чего у меня задрожали руки и ноги: толстые стены Иткрипта дрогнули, в них появились широкие трещины... А потом стены обрушились, погребая под обломками врагов. Все скрыло чудовищное облако пыли.

Я попыталась бежать, но фортуна была против меня. Конец веревки, стягивающей руки, очевидно, попал в щель между упавшими валунами.

Неужели это совершили монстры, которые служат захватчикам? Нет, вряд ли. Зачем им убивать своих союзников?

Госпожа Мэт!.. Я была поражена, увидев, что она обладает такой Силой. Только Древние и некоторые Мудрые женщины могли бы ее вызвать. Мудрые женщины и госпожа Мэт всегда были противниками. Но прежде чем она посвятила жизнь служению Пламени и Братству сестер, кем она была? Во всяком случае, враги заплатили кровавую цену за наш род. Несмотря на весь свой страх, я радовалась, что это так. Наши мужчины всегда были отважны в бою. Мой отец погиб, сражаясь с пятью преступниками из Пустыни, и захватил с собой в могилу четверых. Теперь пришельцы из-за моря поймут, на что способны наши женщины!

Но это был мой единственный шанс сбежать. Я потянула за веревку. Пыль постепенно оседала, и вскоре я увидела, что держало меня в плену. Тот, кто привел меня сюда, лежал лицом вниз с обломком камня между лопатками. А веревка была обмотана вокруг его талии.

Я подумала, что он мертв, и удвоила усилия. Ведь это ужасно – быть привязанной к мертвецу. Но веревка была крепка, и я дергалась, как лошадь, привязанная у таверны.

Так меня и нашли те, кто смог выбраться из-под обломков Иткрипта. Наших людей нигде не было видно. Я надеялась, что все они погибли, прикрывая отход. Попасть в плен было хуже смерти.

Враги недолго были во власти паники. Я горько пожалела, что мы не использовали этот момент для атаки. Теперь пришельцы наверняка жестоко отомстят за неожиданные потери. Страх охватил меня, затуманил разум.

Госпожа Мэт сделала все великолепно. И погибла славной смертью. Было ясно, что мне это не удастся. Правда, меня не убили сразу же, когда нашли привязанной к мертвецу. Они разрезали веревку и поволокли меня из развалин Иткрипта к реке, на берегу которой стояла группа офицеров. Среди них один говорил на нашем языке, хотя и со странным гортанным выговором. Я была все еще оглушена ужасным взрывом и почти ничего не слышала. Поэтому не ответила на вопрос, и он сильно ударил меня по щеке, потом по другой.

Слезы брызнули у меня из глаз. Я собрала остатки мужества и гордо выпрямилась, как истинная дочь своего Дома.

– Что... это... было?

Офицер приблизил свое лицо к моему, и я ощутила зловонное дыхание. У него была колючая борода и щеки в красных прожилках, нос красный и ноздреватый, острые и жестокие глаза.

Скрывать от него свои мысли не было смысла. Лучше сказать прямо: в Высшем Холлаке хранится много тайн, недоступных человеку.

– Сила.

Я думаю, он прочел по моему лицу, что я сказала правду, в которую верила. Один из его спутников задал вопрос на их языке, и он ответил, хотя и не перевел взгляда с меня на спрашивающего. Мгновение спустя последовал его второй вопрос:

– Где ведьма?

Снова я сказала правду. Хотя мы не использовали это слово в своем языке, я поняла, что имелось в виду.

– Она внутри.

– Отлично. – Он отвернулся от меня и заговорил с офицерами.

Я чувствовала себя очень слабой. Ужасно болела голова, как будто грохот обрушившейся крепости что-то во мне сломал. Я была во власти безысходного отчаяния, но старалась держаться гордо и независимо, чтобы не посрамить наш род.

Он вновь повернулся ко мне, на этот раз оценивающим взглядом окидывая меня с головы до ног. Его толстые губы искривились в отвратительной ухмылке.

– Ты не деревенская девчонка, раз ты в кольчуге. Я думаю, нам досталась ценная добыча. Но об этом позже.

Меня оставили в покое. На берег из лодок высаживались все новые и новые воины. Я с ужасом смотрела на них: какое несметное воинство, точно колосья в поле. И как только наш отряд надеялся остановить их?

Затем я узнала, что произошло с нашими людьми.

Одни пали в бою, им повезло. Остальные... О, я не хочу открывать врата памяти! Теперь я была уверена, что пришельцы не люди, а настоящие демоны.

Они специально устроили расправу на моих глазах. Хотели сломить, но недооценили меня, так как ужасное зрелище только закалило мой дух. Главное не то, что человек умирает, а то, как он совершает этот последний акт. Во мне зрела холодная решимость. Госпожа Мэт была права. Я тоже должна открыть свой счет в борьбе с врагами.

Казалось, обо мне забыли. Конец опутавшей меня веревки был привязан к корабельной цепи. Люди время от времени подходили и осматривали меня, как редкое животное. Некоторые хватили за волосы, трогали лицо, что-то оживленно обсуждали с товарищами... Наступила ночь. Зажгли костры. Несколько овец прирезали и сварили.

Конный отряд ускакал в долину – очевидно, в погоне за беженцами. Я молилась Пламени, чтобы проводники сумели увести людей по безопасным тропам.

Вскоре я увидела, как небольшой отряд вернулся, донесли крики женщин. Кого-то схватили. Я пыталась заткнуть уши, чтобы ничего не слышать. На нашу землю пришло Зло, здесь оно собирается с силами и отсюда пойдет дальше.

Как же мне покончить с собой? Ведь скоро они придут за мной, чтобы надругаться. Река... Могу ли я броситься в реку? Если бы я могла пробраться вдоль цепи, к которой была привязана моя веревка, то, конечно, был бы шанс.

Торосс. Что произошло с ним? Я не видела его трупа. Может, ему удалось бежать? Что бы там ни было между нами, я желала ему удачи. Передо мною встало его лицо. Резко и четко, словно он сам стоял неподалеку.

Вдруг я почувствовала тепло на груди, под кольчугой.

Грифон, несчастная игрушка, из-за которой я попала в руки врага. Он стал еще теплее – как уголек. От него истекало не только тепло, но и что-то еще...

Сила, уверенность в добром исходе. Будто спокойный голос уверял, что путь к спасению есть, что свобода в моих руках, хотя я понимала, что это невозможно.

Страх стал чем-то маленьким, далеким, и его легко было побороть. Мои зрение и слух обострились.

Слух!..

Даже сквозь шум лагеря я различила звук. Что-то приближалось, плыло вниз по реке!

Я вдруг поняла, что должна быть готова. Наверное, я просто бредила от усталости, отчаяния и страха.

Но я была так же уверена в освобождении, как и в том, что еще живу и дышу.

– Джойсан!

Шепот моему обострившемуся слуху показался криком. Я боялась, что весь лагерь услышит его.

– Иди... сюда... – Слова доносились от реки. – Если... можешь...

Мучительны и медленны были мои движения. Я двигалась спиной вперед, чтобы не выдать своей тревоги. Вскоре влажные руки коснулись моих, и нож перерезал веревку. Освободитель, стоявший по пояс в воде, растирал мои затекшие руки.

– Давай в воду! – приказал он.

Я была в кольчуге и думала, что мне не выплыть с такой тяжестью. Но лучше умереть свободной. Несколько человек прошли по тропинке. Я выжидала.

Никто не взглянул в мою сторону, и я соскользнула в воду. Руки подхватили и поддерживали меня.

Нас понесло быстрое течение. Мой спаситель боролся изо всех сил, я была ему плохой помощницей. Вскоре он зацепился за какой-то валун, и я почти не удивилась, увидев Торосса.

– Отпусти меня. Ты подарил мне возможность погибнуть свободной. Спасибо.

– Я дал тебе жизнь! – ответил Торосс, и на его лице я прочла твердую решимость. – Держись, Джойсан! – Он напрягся и вытащил меня, безвольную, обессиленную, на берег.

Течение отнесло нас далеко вниз по реке, теперь между нами и западными горами находились основные силы врагов. Торосс, дрожа от холода, стянул с себя мокрую рубашку. Из глубокой царапины на щеке сочилась кровь.

Он протянул мне руку и повел дальше. Моя длинная юбка, насквозь промокшая, обвивала мои ноги, кольчуга тяжким грузом висела на плечах. Но я шла за Тороссом, с трудом веря, что нам удалось спастись.

Добравшись до каменной гряды, мы без сил упали на землю. Я расстегнула кольчугу и хотела снять ее, однако Торосс удержал мою руку:

– Нет, рано. Мы еще не выбрались из пасти дракона.

Об этом не нужно было напоминать. Оружия у меня не было, да и у Торосса не было ничего, кроме ножа. Возможно, он решил, что меч мешает ему плыть. Если нас догонят, то жизнь будет зависеть только от ножа да камней на земле.

– Нужно пробираться в горы. И попробовать обойти этих мясников, чтобы соединиться с нашими людьми. Только подождем темноты.

Что-то побуждало меня немедленно уйти подальше от этих костров, от этого шума. Однако в его словах был здравый смысл. Наступило время для испытания моего терпения.

– Как... как ты выбрался живым из битвы на берегу?

Он коснулся раны на щеке, которая кровоточила и делала лицо похожим на кровавую маску.

– Удар оглушил меня, и враг решил, что я мертв. Я очнулся, но продолжал изображать мертвеца. Затем уполз и видел, как тебя ведут из Иткрипта. Что там случилось, Джойсан? Почему они решили уничтожить крепость вместе со своими людьми?

– Это сделали не они. Госпожа Мэт. Она вызвала Силу.

Некоторое время Торосс молчал.

– Но как? Она же дама, дама из монастыря в Норстеде!

– Прежде чем посвятить себя Пламени, она занималась другим знанием. И теперь по своей воле выбрала такой конец. Может, нам уже пора идти, Торосс?

Я дрожала в мокрой одежде, тщетно стараясь унять озноб. Хотя стояло лето, погода была по-осеннему прохладная.

– Нас будут ждать. – Торосс приподнялся и посмотрел из-за камней на реку.

– Кто? Враги? Неужели они прошли так далеко в долину? – Я почувствовала, что радость спасения улетучилась.

– Нет. Ангарл и Рудо. – Торосс назвал имена своих оруженосцев. – Мать прислала их, чтобы они заставили меня уйти в горы. Если бы я не увидел тебя в руках наших врагов – Гончих Алисона, – то давно был бы там.

Значит, мы не одни! Это несколько успокоило меня, хотя оба воина были уже стары и немощны. У Рудо остался лишь один глаз, а Ангарл много лет назад потерял руку.

Мы начали отход. Не могу понять, почему нас до сих пор не заметили. Я с минуты на минуту ждала, что враги бросятся в погоню, если, конечно, не решат, что я утонула в реке.

Мы нашли узкую тропу, которая, извиваясь, вела вверх. Я скрывала, что идти мне чрезвычайно трудно, и старалась изо всех сил не отстать от Торосса. Ведь я была обязана ему жизнью – это тоже заставляло меня идти вперед. Теперь я в долгу перед ним, и это сильно осложнит наши отношения.

Впрочем, сейчас не было смысла заглядывать вперед. Главное – выбраться отсюда.

Прожив в долине всю жизнь, я смутно представляла, куда мы идем. Нужно было стремиться на запад, но сначала пройти немного к югу, чтобы миновать многочисленные патрули. Мокрые ботинки доставляли мне невыносимые мучения. Дважды я останавливалась, чтобы выжать юбку, но она все равно пластырем облепляла ноги.

Торосс уверенно шел впереди, как будто хорошо знал дорогу. Мне оставалось лишь следовать за ним.

Вскоре мы свернули на другую тропу, более утоптанную. Идти стало легче. Тропа поворачивала на запад. Если враги не проникли высоко в горы, мы их обойдем. Изредка доносились крики с другого берега реки. О тех несчастных я старалась не думать, так как ничем не могла им помочь. Торосс, услышав вопли, даже не сбился с шага. Не знаю, вызвали они в нем ярость или желание отомстить, – он не проявил своих чувств. Мы шли молча, старались беречь силы, так как главные испытания были еще впереди.

И все же мы не могли продвигаться совершенно беззвучно. Изредка из-под ног катились камни, трещали сучья под сапогами, хрустели ветки кустов, через которые мы продирались.

После каждого предательского шума мы замирали на месте и вслушивались во тьму. Однако судьба пока была благосклонна к нам. Возшла полная луна – огромный фонарь в темном небе. Теперь мы видели тропу и шли более быстрым шагом, зато и враги могли заметить нас издалека.

Торосс остановился, взял меня за руку и приблизил свои губы к моему уху.

– Нужно пересечь реку по броду торговцев, – прошептал он. – Это единственный путь к горным тропам.

Я испугалась. Брод был известен всем, и за ним наверняка следили. Нам не пройти его незамеченными. И даже если удастся переправиться через реку, дальше лежал путь по равнине, где не было никаких укрытий.

– Там нас непременно увидят!

– Есть предложение получше, Джойсан?

– Нет. Впрочем... А если пойти по этому берегу реки на запад? Здесь много овечьих пастбищ, и враги не смогут нас догнать.

- Догнать! – Он горько улыбнулся. – Им достаточно прицелиться в нас из своего оружия!
- Лучше умереть так, чем попасть в их руки. Брод – слишком большой риск.
- Хорошо, – согласился Торосс. – Но я не знаю дороги.

Я тщетно пыталась вызвать в памяти то небольшое, что помнила об этой части долины. Она пользовалась плохой репутацией у жителей из-за многочисленных развалин строений Древних. Я ничего не сказала Тороссу о дурной славе этих мест. Надеюсь, что мы благополучно пройдем по опушке леса и затем повернем на северо-запад, чтобы соединиться со своими.

Я боролась со слабостью, с трудом заставляя мышцы подчиняться. Торосс тоже шел медленно и порой спотыкался.

Огни вражеского лагеря остались далеко позади. Дважды приходилось бросаться на землю, прижимаясь к ней всем телом, чтобы нас не заметили проезжавшие всадники. Так мы добрались до опушки леса. Счастье изменило как раз в тот момент, когда мы почувствовали себя в безопасности. Сзади раздались крик и резкий хлопок. Торосс вскрикнул и толкнул меня в заросли кустов. Сам он упал наземь. Я схватила его за плечи и поволокла из последних сил.

Как бы мне хотелось сейчас иметь жезл и Силу госпожи Мэт, чтобы сжечь тех, кто гонится за нами!

Огонь, свирепый, горячий огонь жег мне грудь. Я споткнулась и выпустила Торосса, тот со стоном упал.

Я растегнула кольчугу и вытащила то, что мучило меня.

Шар с грифоном буквально раскалился. Я стояла с ним в руке и уже слышала шум погони. Свет шара – он же нас выдаст! Но я не могла выбросить его: стояла и держала талисман в руке – сияющий маяк, призывающий смерть.

Вдруг погоня прекратилась. Вернее, враги проехали мимо по опушке. Я слышала их возбужденные крики. Кусты были редкими, и не заметить свет было невозможно.

Звуки погони смолкли. Я не могла поверить. Но мы действительно были свободны!

Торосс застонал, и я наклонилась над ним. На его рубашке появилось кровавое пятно, струйка крови стекала из приоткрытого рта. Что делать? Нам нельзя оставаться здесь, враги могут вернуться в любой момент.

Я опустила шар под ворот кольчуги на грудь. На моей коже не было ожогов, хотя мне казалось, что талисман прожигает меня до костей.

– Торосс!

Такую тяжелую рану лучше не тревожить. Однако оставить Торосса здесь – значило обречь на смерть. Выбора у меня не было.

Я наклонилась над распростертым телом, взяла за плечи. Торосс шевельнулся, открыл глаза и посмотрел куда-то вдаль.

Вдруг возникло то ощущение, которое я испытывала раньше. Из раскаленного шара в меня вливалась энергия. Наполняла меня силами, укрепляла уставшие руки...

Торосс застонал, закашлялся, выплюнул слюну с кровью. Но стал помогать мне, попытался встать. Когда он уже был на ногах, я обвила его руку вокруг своего плеча и пошла. Мы шли и шли, постепенно удаляясь от открытого пространства, где нас подстерегала опасность. Не понимаю, откуда у меня взялись силы, но я тащила Торосса довольно долго.

Потом я заметила, что мы идем по дороге. Вернее, по каменным плитам, аккуратно уложенным на землю – огромным, заросшим мхом. Торосс снова закашлял кровью. Мы стояли, окруженные темной стеной леса, а с неба с такой силой лилось бело-серебряное сияние, как будто кто-то направил свет луны прямо на нас.

11

Керован

На склоне холма я, Керован из Ульмсдейла, столкнулся с путником в одежде торговца, который не был торговцем. Это я понял, когда посох в его руке заставил меня выйти из укрытия. Подойдя к нему, я положил руку на рукоять меча, но он улыбнулся мягко, снисходительно, как взрослый улыбается испуганному ребенку.

– Господин Керован, перед тобой не враг. – Незнакомец опустил посох.

Я тут же освободился от незримых уз, но не испытал желания прятаться вновь. Что-то в его лице вызывало симпатию и доверие.

– Кто ты? – Возможно, я задал вопрос более резко, чем того требовала вежливость.

– Что скажет тебе имя? – спросил он. Конец его посоха быстро чертил какие-то знаки на земле. – Странник может иметь много имен. Пусть пока будет достаточно того, что в этих долинах меня зовут Нивором. – Незнакомец смотрел на меня так, словно хотел узнать, слышал ли я это имя прежде. И наверное, разочаровался, потому что вздохнул с сожалением. – Меня раньше знали в Ульмсдейле. И для Дома Ульрика я никогда не был недругом. Я не оставался в стороне, когда кому-нибудь из твоего рода требовалась помощь. Куда идешь, лорд Керован?

Я начал подозревать, кем – или чем – он может быть. И был поражен. Но из-за того, что он стоял в своем обличье, я не чувствовал страха.

– В домик лесничего, к Ривалу.

– Ривал... Вот кто всегда искал дорогу к знанию. Хотя Ривалу не удалось войти в дверь, он всегда стоял на пороге, и те, кому я служу, его уважали.

– Где он теперь?

Снова кончик посоха начал чертить знаки в пыли.

– Дорог очень много. Но ты должен понять: та, которую выбрал он, – не твоя.

Я был готов выслушать самое худшее, ведь я столько видел и испытал за последний месяц.

– Он мертв? Кто убил его? – Снова меня охватил холодный гнев. Неужели Хлаймер лишил меня еще одного друга?

– Рука, которая нанесла удар, была только орудием. Ривал хотел найти некие Силы, а кое-кто не желал, чтобы поиски увенчались успехом.

Очевидно, Нивор не любил говорить прямо, скорее запутывая все, нежели давая ясное объяснение.

– Он искал Свет, а не Мрак, – сказал я.

– Иначе бы меня здесь не было, господин Керован. Я посланец тех Сил, с которыми он хотел связаться, к которым он вел и тебя. Слушай внимательно. Сейчас ты стоишь на перепутье двух дорог. Обе полны опасностей. Обе могут привести тебя к тому, что вы, люди, называете смертью. Сейчас тебе предстоит сделать выбор. Так предназначено тебе, ибо ты рожден в Святилище...

Произнес ли странник некое имя? Думаю, что да. Но оно ничего не значило для простого смертного.

Я согнулся и закрыл руками уши, чтобы защитить их от ужасающего грохота, который прокатился в небе.

Нивор пристально посмотрел на меня, как бы оценивая мою реакцию, затем поднял посох. Вокруг него по всей длине возникло светящееся облако; оно поплыло по воздуху и, разбившись о мое лицо, рассеялось. Но я не ощутил прикосновения.

– Родственник, – сказал незнакомец. Голос его стал мягким, потерял ту величавость, с которой он говорил со мной до этого.

– Родственник?

– Вероятно, госпожа Тэфана, когда совершала сделку с Темными Силами, не поняла, чего она добилась. Хотя и подозревала... да, подозревала. Ты был подменьшем, Керован, но не для ее целей. Это она поняла правильно. Она приступила к изготовлению оболочки из крови, костей и плоти для своего использования. Но дух, заключенный в этой оболочке, не был ей подвластен. Никому не дано позволять себе вольности с Гуннорой. Я не знаю, кто смотрит твоими глазами; думаю, он еще спит или только просыпается. Однако придет время, когда ты вспомнишь все и обретешь свое наследство. Нет-нет, не Ульмсдейл – долины больше не держат тебя. Ты будешь искать, и ты найдешь. Но прежде ты должен решить все проблемы здесь, ты ведь наполовину житель долин.

Я пытался разобраться. Нивор хочет сказать, что госпожа Тэфана связалась с какими-то Силами еще до моего рождения, чтобы сделать меня сосудом, в который она поместит какое-то проявление Тьмы? Если так, то мои копыта это подтверждают. Но... но кто же я?

– Не думай об этом сейчас, Керован, – ответил странник на мои мысли. – Ты полукровка и сын своего отца, хоть он и зачал тебя, будучи околдованным. Леди Тэфана хотела впустить в тебя Темное Начало, чтобы сделать тебя своим орудием, однако в тебя вошло нечто другое. Узнать, кто ты на самом деле, надлежит тебе самому. Сейчас ты можешь вернуться, войти в союз с ними. Или... – Он указал посохом на голый склон холма. – Или ты можешь войти в мир, где Тьма и то, что ты называешь смертью, будет следовать за тобой по пятам. Ты можешь пойти туда и обречь себя на поиски, в которых у тебя нет проводника. Выбор за тобой.

– Они намереваются вызвать волны и ветер, чтобы нанести поражение пришельцам, – сказал я. – Это хорошо или плохо для Ульмсдейла?

– Вызов Силы всегда большой риск, а если вызывают те, кто не состоит в родстве с этими Силами, то риск двойной.

– Мне следует воспрепятствовать этому?

Он отстранился. Мне показалось, что его голос стал холоднее, когда он ответил:

– Если хочешь.

– Нет ли третьего пути? – Пока я шел из замка, я обдумывал этот вариант. – Возглавить Иткрипт и собрать силы, чтобы оборонять его от врага?

Но даже когда я так говорил, я знал, насколько малы мои шансы. Лорд Къярт сражался на юге и, должно быть, оставил свою долину без сил, за исключением горстки защитников.

– Выбор за тобой, – повторил Нивор.

И я понял, что он не даст мне никакого совета.

Долг перед Ульмсдейлом был заложен в меня с детства. Если я отвернусь от земли своих отцов, не сделаю попытки спасти тех, кто живет в долине, от уничтожения либо бандами пришельцев, либо заклинаниями этой ведьмы и ее приспешников, я стану предателем.

– Я наследник отца и не могу предать свой народ. И не могу принять участие в колдовстве. Может быть, найдутся те, кто последует за мной...

Нивор покачал головой:

– Не пытайся построить стену из сухого песка, Керован. Мрак, свивший гнездо в Ульмскипе, распространяется все дальше. Ни один воин не придет на твой призыв.

Я не сомневался: он знает, что говорит. Значит... Значит, Иткрипт? Во всяком случае, я найду там убежище и смогу собрать армию. Кроме того, мне нужно отправить письмо лорду Имгри.

Нивор заткнул посох за пояс, повернулся к одной из лошадей и вынул из переметной сумы небольшой сверток.

– Хику не боевая лошадь, но она хорошо ходит в горах. Прими ее, Керован, с Четвертым благословением.

Он поднял посох и легонько коснулся им моего лба, плеч и груди, явно довольный моим решением. Хотя оно вовсе не обязательно было правильным.

Я совсем забыл про свои копыта, но когда приготовился сесть на лошадь, то заметил сапоги, привязанные к поясу. Я быстро отвязал их – и тут же остановился. Почему я должен прятать копыта? Это ведь не уродство! Ночью я видел людей, у которых искалечен дух, а это гораздо худшее зло.

Больше нельзя скрывать свою внешность. Если Джойсан и ее родные отвернутся от меня... что ж, я буду свободен.

Я отбросил сапоги в сторону и почувствовал облегчение.

– Молодец! – сказал Нивор. – Будь собой, Керован, и не думай, что все люди одинаковы. Я возлагаю на тебя большие надежды.

Затем он сел на лошадь и, положив руку ей на спину, описал посохом круг. В воздухе возник колышущийся туман, быстро сгустился и вскоре скрыл из виду и лошадь, и всадника.

Очевидно, Нивор – один из Древних и пришел ко мне не случайно. Значит, я полукровка и связан родством с кем-то из таинственных лордов, ранее правивших этой страной. Мать хотела сделать меня своим орудием, но вышло не так, как она задумывала. Я сопоставил все, что услышал от Нивора, со своими знаниями и получил ответы на многие вопросы.

Я действительно сын Ульрика, невзирая на все интриги колдуньи. Эта мысль меня подбодрила. После смерти отец стал мне ближе и дороже, чем был при жизни. Ульмсдейл принадлежал ему. А это означает, что я должен ехать туда.

Я не был уверен, что получил в дар обыкновенную лошадь, ведь дал мне ее не обыкновенный человек. Но на вид она ничем не отличалась от остальных лошадей. К рассвету я решил остановиться и сделать передышку. Я снял мешок со спины лошади и обнаружил там бутылку, в которой оказалась не вода, а какая-то белая жидкость. Она освежала и согревала лучше любого вина. Кроме того, я нашел в мешке круглую деревянную коробку с плотно пригнанной крышкой. Я с трудом открыл ее и увидел хлеб, совершенно свежий. Обычный белый хлеб с кусочками сушеных фруктов и мяса. Один ломоть его полностью насытил меня.

Глаза слипались, тело требовало отдыха. Я устроился между двумя камнями; вытянув копыта, задумчиво смотрел на них и представлял, что же должен почувствовать человек, который без предупреждения впервые их увидит. Не зря ли я выбросил сапоги? Как только эта мысль пришла мне в голову, я отверг ее. Джойсан и ее родные примут меня – или отвергнут. Между нами не должно быть ни лжи, ни полуправды, подобных тем, что наполнили дом моего отца паутиной темного обмана и теперь висели там, как грязная тень.

Я расстегнул поясную сумку, решительно достал футляр с портретом и впервые за многие месяцы открыл его.

Лицо девушки, нарисованное два года тому назад... За это время мы оба повзрослели, изменились. Какая она, эта девушка с большими глазами и волосами цвета осенних листьев? Может, она хорошо обучена женским делам, но изнежена, понятия не имеет об огромном мире, что лежит за стенами Иткрипта? Впервые я подумал о ней как о человеке, а не о вещи, которая, по обычаю, принадлежит мне, как меч, пояс или кольчуга.

Я мало знал о женщинах. На юге мне пришлось наслушаться хвастливых историй, которые воины рассказывают друг другу, собравшись у костров. К подобным байкам я не относился всерьез. Вероятно, моя смешанная кровь отметила меня не только копытами, она наложила на меня что-то большее – недаром же я равнодушен к девушкам долин. Если это так, каким же будет наш союз с Джойсан?

Я мог разорвать договор, но это значило бы опозорить девушку, все равно что оскорбить публично. Оставалось надеяться, что, когда мы встретимся лицом к лицу, она воспылет ко мне ненавистью и тогда все кончится по обоюдному согласию.

Однако сейчас, когда я смотрел на это лицо в утреннем свете, я не хотел, чтобы Джойсан разорвала наш договор. Почему я послал ей своего грифона в шаре? Я попытался нарисовать

талисман в своем воображении – шар, в нем грифон, одна лапа поднята в предупреждающем жесте...

Я уже не смотрел в долину перед собой. Я больше не видел пасущуюся лошадь. Я увидел... ее!

Передо мной была Джойсан – я мог коснуться рукой ее плаща. Прекрасные волосы лежали на плечах, под ними поблескивала кольчуга. На груди, испуская сияние, висел хрустальный грифон. Лицо девушки было исцарапано, в глазах застыл страх. На ее коленях покоилась голова молодого мужчины, в уголках его рта пузырилась кровь. Рука Джойсан нежно касалась лба юноши...

Возможно, то было дальновидение, но такой Дар (или проклятие) прежде лишь раз являлся ко мне. Лицо умирающего – не мое... Ответ на мои проблемы?

Не мог же я обвинять Джойсан – мы ничего не знали друг о друге. Я, вопреки просьбе, даже не послал ей портрета.

Свечение грифона удивило меня – но уже потом, когда я справился с собой и заставил примириться с увиденным. Как будто в этот шар вдохнули жизнь. Так вот почему я послал талисман в подарок! Я очень дорожил грифоном, но он был предназначен Джойсан.

Видимо, в Иткрипте мне не найти сейчас пристанища. Для наших девушек надеть кольчугу – далеко не обычное дело. Джойсан была в кольчуге, а ее товарищ умирал; следовательно, Иткрипт осажден или уже пал.

Это не привело меня в смятение, напротив, вдохнуло новые силы. Я почувствовал долг перед Джойсан, независимо от того, рада будет она меня видеть или нет. Если моя невеста в опасности, я должен поспешить на выручку.

Ульмсдейл, когда-то принадлежавший отцу, а теперь находившийся в руках тех, кто замыслил недоброе. Иткрипт, возможно захваченный врагом...

Я шел от одной опасности к другой. Смерть буквально наступала на пятки. Но такова была моя дорога, и я не мог сделать иного выбора.

Видение исчезло, и тут же нахлынула неодолимая слабость. Я проспал в своем убежище весь день, проснулся уже в темноте. Лошадь стояла надо мной, не сойдя с места, словно несла караул.

На небе собирались зловещие тучи, скрывшие из виду Кулак Великана. Когда я поднялся на ноги, лошадь прижалась ко мне, и запах конского пота ударил в ноздри.

Я попытался успокоить лошадь, ласково поглаживая ее по шее. Это был страх, настоящий страх: иссушающее душу ожидание чего-то кошмарного, как будто вокруг собирались сверхъестественные Силы, враждебные всему человеческому роду, Силы, которые могли слуть человека, как пылинку, со своего пути.

Я стоял, прижавшись спиной к каменному выступу; не знаю, почему, но я боялся, как никогда в жизни.

Ни ветерка, ни звука. Это жуткое спокойствие увеличивало мой страх. Долина, горы, весь мир – все съезжилось и ожидало чего-то.

На востоке полыхнула молния, как будто ослепительная трещина расколола небеса. На востоке, над морем...

Ветер и волны, о которых говорили «родственники»... Значит, все-таки решили их вызвать? Стало быть, корабль захватчиков должен был находиться недалеко от Ульмспорта, а у них было мало времени, чтобы подготовить свои планы. Что же произошло?

Лошадь издала странный, почти человеческий жалобный звук, похожий на хныканье. Казалось, воздух выдавливается из легких; дышать стало невыносимо трудно. Молнии рассекали небо в полном безмолвии. А затем послышался гул, как будто тысячи боевых барабанов забили одновременно.

Сгустилась непроглядная тьма. Такой бури я не видел ни разу в жизни. Где-то в глубинах памяти что-то шевельнулось. Впрочем, конечно, это была не память, так как я вспомнил не свою жизнь, а чужую...

Нет, глупости! Не может человек иметь несколько жизней...

Кожу, там, где она не была прикрыта одеждой, жгло и пощипывало, будто сам воздух был отравлен. Затем возник свет – не в небе. Камни стали излучать сияние, превратились в бледные фонари.

И в третий раз молния вспыхнула на востоке, потом донесся гром. И тут поднялся ветер.

Ветер, какого (я могу поклясться) наши долины никогда еще не видели. Я спрятал лицо в лошадиную гриву. Дикий вой ветра переполнил уши, оглушил, от него не было спасения. Я боялся, что вихрь выдернет нас из нашего жалкого убежища и потащит по камням, разобьет насмерть.

Я вонзил копыта в землю, изо всех сил прижался к валунам спиной и боком. Лошадь сделала то же самое. Если она и ржала от страха, то теперь я не слышал ее, совершенно оглушенный. Бой барабанов превратился в сплошной грохот, которому не было конца.

Я утратил способность думать, только съеживался и глубже вжимался в камни, надеясь, что нам удастся уцелеть под яростью этой бури. Но она никак не заканчивалась, и постепенно я стал привыкать к ней. Я уже понял, что ветер дует с востока и вся его энергия направлена с моря на Ульмспорт.

Трудно представить, что такая буря может сотворить с побережьем. Оно будет полностью опустошено могучими волнами. Вражеский флот, находишься он в это время возле берега, будет полностью уничтожен. Но вместе с врагами пострадают и невинные люди. Что будет с Ульмспортом и жителями окрестностей? Если эта буря создана (вернее, вызвана) теми, кто сидит в Ульмскипе, значит они утратили контроль над могущественными Силами. Буря оказалась гораздо сильнее, чем они предполагали.

Я потерял счет времени. Не было ни дня, ни ночи – только крошечный мрак, и грохот, и страх, страх, вызванный не природой, а чем-то сверхъестественным.

Что с крепостью? Мне казалось, что ветер способен свернуть даже огромные камни, из которых сложена крепость, развалить ее на части.

Буря стихла внезапно, в одно мгновение. Только что царили грохот и свист – и вдруг наступила тишина: полная, мертвая, не менее оглушающая, чем рев стихии. Раздалось слабое ржание лошади, выбравшейся на открытое место.

Черные тучи, разорванные в клочья, как знамя моего отца, стремительно и без остатка таяли. Снова был рассвет. Сколько же времени длился этот ужас?

Я, спотыкаясь, побрел за лошадью.

Воздух уже не был наполнен жгучей кислотой, раздиравшей легкие. Он стал свежим и холодным.

Надо было посмотреть, что там, внизу. Ведя Хику вдоль горного хребта на краю долины, я направился к Кулаку Великана. Обширные пространства были опустошены. Там, где росли деревья и кусты, остались глубокие шрамы на теле земли. Так очевидны были следы разрушений, что я частично приготовился к тому, что мне предстоит увидеть в самой долине. Но все оказалось гораздо хуже.

Часть крепости еще стояла... А вокруг нее разлилась вода – море воды, на поверхности которой плавали какие-то обломки – то ли корабельные мачты, то ли остатки домов.

Спасся ли кто-нибудь? Я не видел никаких признаков жизни. Вся деревня ушла под воду, виднелись только несколько крыш. Значит, те, кто так безрассудно обратился к могущественным Силам, просчитались? И тоже погибли во время бури? Хорошо бы... Но Ульмсдейл погиб, это совершенно ясно.

Ни один человек никогда больше не сможет здесь жить. То, что море захватило, оно не вернет. Если завоеватели надеялись использовать Ульмсдейл в качестве плацдарма, то они просчитались.

Я отвернулся от остатков крепости. Нужно узнать, что произошло с Джойсан, и помочь ей. А затем... затем меня ждали бои на юге.

И я пошел прочь от Кулака Великана, не желая больше смотреть на уничтоженную долину. Сердце щемило, но не из-за потери. Нет. Я никогда не чувствовал себя владельцем Ульмсдейла, однако это была земля моего отца, которую он любил и за которую мог бы отдать жизнь. Я проклинал тех, кто погубил ее.

12 Джойсан

Мы стояли под луной, на каменных плитах, грифон сверкал у меня на груди. И тут Торосс выскользнул из моих рук на землю. Я опустилась возле него на колени, чтобы разглядеть рану. Голова Торосса была бессильно откинута, из уголка рта стекала струйка крови. Когда я увидела рану, то не поверила, что он смог уйти со мной так далеко. У меня было достаточно знаний о целительстве, полученных от госпожи Мэт, чтобы понять, что это действительно был смертельный удар, но все же я разрешила свое нижнее белье его ножом и приложила тампон к ране, чтобы остановить кровь. Я ласково прижала его голову к себе. Так мало я могла сделать, чтобы облегчить кончину этого человека, который отдал свою жизнь, чтобы я могла жить. В свете грифона и луны я хорошо видела его лицо.

Какие повороты судьбы свели нас вместе? Если бы я позволила себе, то, возможно, захотела бы радостно приветствовать Торосса как моего господина. Почему я этого не сделала?

В библиотеке аббатства я открыла для себя много любопытных знаний, которым обычно не учат, – возможно, они считаются тайнами Пламени. И теперь я вспомнила, что говорилось в одном из свитков рун: каждый человек – мужчина или женщина – не живет одной жизнью, а скорее возвращается в этот мир в другое время с целью уплаты какого-то долга, который он или она должны другому. Поэтому в каждой жизни человек связан с кем-то другим узами, которые не относятся к этой жизни и времени, но уходят далеко в прошлое, в которое не может проникнуть ни один провидец.

Торосса с самого начала тянуло ко мне так сильно, что он чуть не лишил чести свой Дом, разыскивая меня, чтобы вызвать во мне подобное чувство. И хотя я отвергла его, он пришел мне на выручку, чтобы умереть у меня на руках, потому что моя жизнь значила для него больше, чем его собственная. В каком долгу он был передо мной, если это старое убеждение было правдой? Или он теперь возложил на меня какой-то долг, который должен быть выплачен в свою очередь?

Он пошевелился. Я наклонилась и услышала шепот:

– Воды...

Вода! Я понимала, что за водой нужно идти к реке, но она была далеко. Я выжала подол своей юбки и смочила его лицо, понимая, что этого недостаточно. Затем в мертвенно-белом свете луны я увидела, что вокруг растут высокие растения – мне до плеча. На их мясистых листьях блестели серебряные капли. Я узнала растения, о которых мне рассказывала госпожа Мэт. Они обладали способностью конденсировать на своих листьях влагу, когда наступала ночь.

Я положила Торосса на землю и пошла собирать этот неожиданный дар, осторожно срывая самые большие листья, чтобы не пролить их драгоценный груз. И я поднесла листья к его губам, смочила их, влила несколько капель ему в рот. Этого было, конечно, мало, ничтожно мало, но, похоже, листья обладали лечебным свойством, потому что даже нескольких капелек хватало, чтобы утолить жажду Торосса.

Я снова прижала его голову к себе, и тут он открыл глаза, увидел меня и улыбнулся:

– Моя госпожа... – Я хотела остановить его: говорить ему было нельзя. Он тратил на слова силы, которых и так оставалось немного. Однако Торосс не послушался. – Я... знал, моя госпожа, с самого первого раза, когда увидел... тебя. – Его голос с каждым словом становился тверже, вместо того чтобы слабеть. – Ты очень красива, Джойсан, очень умна, желанна. Но... – Он закашлялся, и струйка крови снова потекла по подбородку. Я быстро вытерла кровь влажными листьями. – Но ты не для меня. – Торосс долго молчал, затем добавил: – Не из-за

наследства, Джойсан, поверь мне. Я умру с тяжелым сердцем, если ты думаешь, что я желал стать хозяином Иткрипта. Я... я хотел тебя!

– Знаю, – заверила я его.

Возможно, родственники и побуждали его жениться на мне из-за наследства, но Торосс желал именно меня, а не дороги к трону. Очень жаль, что все, что я могла испытывать к нему, – это дружба и такая любовь, какую можно подарить брату, и ничего больше.

Торосс снова стал кашлять и задыхаться. Говорить он уже не мог.

Я решила, что должна облегчить страдания, солгать ему, чтобы он поверил мне.

– Если бы ты остался жив, я стала бы твоей, Торосс.

Он улыбнулся, и эта улыбка стрелой вонзилась мне в сердце. Я видела, что он поверил мне. Затем Торосс слегка повернул голову, прижался окровавленными губами к моей груди, закрыл глаза и затих, словно уснул. Но это не было сном... Через некоторое время я положила его и, пошатываясь, поднялась на ноги, оглядываясь по сторонам, не в силах в тот момент взглянуть на него.

Мы попали в Место Силы, созданное Древними. Я остановилась здесь только потому, что не могла дальше вести Торосса. Теперь я решила осмотреться.

Здесь не было ни стен, ни их остатков, только мостовая, ослепительная в лунном свете. Впервые я заметила, что камни тоже испускают бледное сияние, похожее на свечение моего шара. И все же эти камни, несмотря на их блеск, казалось, мало отличались от камней, которые образовывали стены Иткрипта. Вот только свет, исходивший от них, немного пульсировал, он приходил и уходил, как будто дышало какое-то огромное животное.

Не только свечение, но и форма мостовой поразила меня. Она была уложена в виде пятиконечной звезды. Пока я стояла там, слегка покачиваясь, она, казалось, навязывала свою форму моим глазам, как будто в ней был смысл, который мне необходимо было увидеть и понять. Однако мои знания о Древних были так отрывочны! Ясно одно: это место было создано не для служения Темной Силе, а для Света, и оно действительно было Местом Силы, остатки которой до сих пор витали в воздухе.

Знать бы, как их использовать! Может быть, я спасла бы Торосса, да и жителей долин, которые сейчас считают меня своим предводителем. И я заплакала, заплакала от духовного одиночества, от утраты того, чего не имела.

Внезапно я что-то почувствовала, запрокинула голову и посмотрела вверх, раскинув руки в стороны. Я как будто хотела открыть вечно закрытую дверь, открыть себя Свету! Вот только как молить об этом... И мои руки опустились. Жаль: мне предложили нечто важное, чудесное, а я не смогла даже принять дар. Эта мысль была горше всего.

Все еще переживая утрату, я повернулась к Тороссу. Он лежал, как будто спал, и сияние камней окружало его со всех сторон. Я не могла похоронить его здесь по обычаю долин – одеть в доспехи, сложить руки на рукояти меча, чтобы ясно было, что он погиб как воин... Даже этого я не могла сделать для него. Но здесь мне не казалось это необходимым. Торосс лежал в сиянии славы, и я поняла, что мне не нужно думать о его гробнице.

Я встала на колени, сложила его руки на груди. Затем поцеловала его так, как он того желал. Желал больше жизни, хоть я и не могла разделить с ним судьбу.

Я нарвала цветов и ароматных трав, укрыла ими тело Торосса, оставив открытым только лицо, повернулась и пошла прочь, твердо зная, что дорогому для меня человеку будет здесь хорошо, независимо от того, что происходит сейчас в разграбленной и измученной войной стране.

За краями звезды я заколебалась. Должна ли я вернуться по своему пути или попытаться идти дальше, используя лес в качестве укрытия, надеясь, что за ним я найду какой-нибудь след, по которому пошел мой народ? В конце концов я выбрала последнее. Здесь деревья росли гуще

и не было никакой тропинки, и я не могла быть уверена, что иду прямо. Я не была лесничим и, возможно, блуждала. Но я сделала все, что могла.

Добравшись до густой стены кустов на опушке леса, я почувствовала, что падаю с ног от усталости, голода и жажды. Но передо мной был сужающийся конец долины и холмы, через которые, должно быть, бежали беженцы из Иткрипта. Небо стало светлеть, близилось утро. Свет шара угас, я осталась одна, и тяжесть лежала у меня на сердце.

Я добралась до отрога скалы, за которым была лощина, и поняла, что дальше идти не в силах. Вокруг росли дикие вишни. Забыв обо всем, я набивала ими рот с такой жадностью, которая знакома только вконец изголодавшемуся человеку.

Я не думала, что смогу найти лучшее укрытие, чем эта лощина. Но прежде чем забраться в нее, я решила приспособить свою одежду для передвижения по лесу. Моя юбка была разделена для верховой езды, но складки были такими толстыми и длинными, что чуть не погубили меня. Теперь я резала их, отрывая длинные полосы. Их я использовала, чтобы связать оба конца своей укороченной юбки, сузив складки и закрепив их над ботинками так плотно, как только смогла. Конечно, такое одеяние было гораздо более громоздким, чем мужские бриджи, но у меня теперь появилась большая свобода движений, чем раньше.

Взбудораженные мысли прогнали сон, как ни велика была усталость. И тогда руки сами собой потянулись к груди и стиснули шар с грифоном. Теперь в нем не было тепла, но все же его гладкая поверхность успокоила меня. Сжимая шар, я провалилась в сон.

Все люди видят сны и обычно после пробуждения вспоминают лишь фрагменты из них, которые могут быть ужасными и темными или такими приятными, что хочется удержать их в памяти, даже когда они быстро исчезают. И все же то, что я испытала сейчас, не было похоже ни на один сон, который я когда-либо видела.

Я находилась где-то – может быть, в маленькой пещере, а снаружи свирепствовала буря невиданной силы. Рядом со мной кто-то был. Я уловила намек на очертания плеча, повернутую от меня голову, и мне очень хотелось знать, кто это был. Но я не могла разглядеть лица или назвать имя. Я могла только съежиться, когда пронизывающие ветры били в отверстие пещерки, в которой мы укрылись. Как это было на месте звезды, так было и здесь: знание того, что, если бы у меня был Дар, я могла бы получить то, что мне нужно, и из этого вышло бы Добро. Но у меня не было Дара, и сон исчез – и я больше не могла ничего вспомнить.

Я проснулась на закате. Длинные тени лежали у ног. Я была все еще слаба, очень хотелось пить, и сильно болел живот – вероятно, от кислых вишен.

Я встала на колени и осторожно выглянула наружу.

Неподалеку, крадучись, словно лазутчики, ехали два всадника. Моя рука тут же сжала кинжал. Но это оказались жители долины. Я тихонько им свистнула условным свистом, который мы выучили как раз для таких случаев.

Всадники мгновенно спрыгнули и распластались на земле, однако после второго моего свиста подняли головы. Увидели меня и подошли. Я сразу же узнала их – это были оруженосцы Торосса.

– Рудо, Ангарл!.. – Я была так рада встретить их, что приветствовала как братьев.

– Госпожа! Так, значит, Торосс сумел выручить тебя! – воскликнул Рудо.

– Да, он спас меня. Великую славу принес он своему роду. – Воин посмотрел вверх меня в лощину, уже поняв, какую ужасную весть услышит. – У пришельцев есть оружие, которое поражает издалека. Когда мы бежали, Торосса ударило сзади. Он умер свободным. Честь его имени навеки!

Могли ли эти традиционные слова выразить мою бесконечную благодарность воину, передать ему мое последнее «прощай»?

Оба оруженосца были уже довольно преклонного возраста. Что связывало с ними Торосса? Родство? Не знаю. Они печально склонили головы и повторили за мной:

– Честь его имени навеки!

Потом заговорил Ангарл:

– Где он, госпожа? Мы должны увидеть его...

– Он лежит в святом Месте Древних, куда мы с ним пришли. И будет лежать там в вечном покое. – Они переглянулись. Их верность традициям боролась с благоговейным трепетом. И я сказала: – Я сделала все, что необходимо. Дала ему воды в последний час, убрала ложе цветами и травами. Он покоится, как гордый воин, клянусь вам.

Они поверили мне. Есть места, где сосредоточены Темные Силы, их нужно опасаться. И есть другие, где человеком овладевают мир и покой. Именно в таком месте остался Торосс.

– Хорошо, госпожа, – произнес Рудо, и я поняла, что Торосс действительно много значил для этих двоих.

– Вы пришли от нашего народа? – спросила я. – У вас есть пища и вода?

Я забыла всю свою гордость и жадно смотрела на их поклажу.

– О, конечно, госпожа.

Ангарл достал из поясной сумки сосуд с водой и черствый хлеб. Я изо всех сил старалась есть прилично. К тому же я знала, что от невоздержанности после долгого голодания может расстроиться желудок.

– Мы из того отряда, который ведет лесничий Борсал. Леди и ее дочь были с нами. Но они направились назад, чтобы найти лорда Торосса. Мы пошли по их следам, так как они не вернулись к вечеру.

– Вы на этой стороне реки, значит...

– Эти дьяволы охотятся по всей долине. Если бы наш господин был жив, это был бы единственный свободный путь, – просто сказал Рудо. – Два наших отряда были захвачены в плен, потому что двигались слишком медленно. Пропали некоторые стада. Животные отказались идти в горы, и пастухи не смогли заставить их. Те, кто замешкался... – Ангарл сделал короткий жест, выразительно рассказавший об их судьбе.

– Вы можете найти путь назад?

– Да, госпожа. Но нужно спешить. По дороге есть места, где в темноте не пройти. Если бы не лето и не поздние сумерки, мы не смогли бы этого сделать.

Еда подкрепила меня, а радость от встречи – еще больше. Кроме того, я обнаружила, что те меры, которые я предприняла, чтобы превратить юбку в бриджи, помогли мне идти, так что я смогла пуститься в путь в темпе, которого не смогла бы выдержать прошлой ночью. Перед тем как отправиться в дорогу, я спрятала грифона на груди, под кольчугой.

Путь был труден, и мои проводники не раз останавливались, чтобы найти знаки, по которым они ориентировались. Здесь не было ни дороги, ни даже звериной тропы. К ночи мы поднялись высоко в горы. Стало холодно, и я дрожала при порывах ветра.

В пути мы молчали, лишь изредка предупреждая друг друга об опасных местах. Вскоре меня охватила усталость. Я не жаловалась, шла вперед через силу. Я ничего не просила, было довольно того, что они рядом.

В крошечной тьме не пройти через перевал, поэтому мы укрылись в расщелине: Рудо справа от меня, Ангарл – слева. Я, должно быть, спала, так как не помнила ничего, пока Рудо не зашевелился и не проговорил:

– Пора вставать, госпожа Джойсан. Уже утро, и мы не знаем, как высоко забрались убийцы в поисках крови для своих мечей.

Утро выдалось серое, над горами висел полумрак.

Я посмотрела на сгушавшиеся тучи. Наверное, пойдет дождь, и это кстати – он смое наши следы.

И действительно, хлынул дождь. Укрыться было негде – вокруг ни деревца. И мы шли, скользя по мокрым камням, в долину. Я плохо знала эту часть страны. Где-то поблизости

должна быть дорога, ведущая в Норстед. Хотя лорды заботились о ней по-своему (в основном вырубая любой подлесок на три длины копья с каждой стороны, чтобы предотвратить засады разбойников), это была не гладкая тропа.

Река здесь была слишком широкой и мелкой, чтобы могло пройти какое-либо судно, кроме как во время весеннего половодья. В этой части страны было мало поселенцев. Здесь имелись пастбища и хватило бы запасенных трав, чтобы зимой кормить скот. Но люди, как правило, жили здесь только в летний сезон. В западных долинах мало наших людей. И местные жители ищут сородичей. Те, кто становится охотником, лесничим или торговцем, считаются неудачниками, которые плохо ладят со своими товарищами, и на них обычно смотрят как на людей, стоящих лишь на одну-две ступени выше преступников, поскольку они бродячие, безродные и от них можно ожидать чего угодно. Поэтому мы в основном держимся более богатых земель в пределах полета стрелы от наших долин. Наши люди разбросаны по долинам. Норсдейл, примерно в пяти днях пути верхом на запад, был ближайшим известным мне поселением.

Мы не спустились на дорогу, так как увидели в долине дым. Наши люди не стали бы разводить костров. Снова пришлось карабкаться по крутым склонам, направляясь на юг. Так что мы были близки к тому, чтобы стать мишенями для арбалетных стрел наших собственных сородичей.

Кто-то нас окликнул из зарослей кустов, затем перед нами возник человек. Я узнала ее – Налда, жена мельника из Иткрипта; как говорили наши сплетники – скорее мужчина, чем женщина. В руках ее был лук со стрелой.

Лицо Налды просветлело.

– Госпожа, приветствуем тебя! – Она говорила от чистого сердца, с искренней радостью.

– Спасибо, Налда. Кто с тобой?

Женщина подошла и прикоснулась к моей руке. Видимо, хотела убедиться, что действительно видит меня.

– Нас десять человек: леди Ислога, леди Ингильда, мой сын Тимон и... Но, госпожа Джойсан, что с моим мужем, Старком?

Я вспомнила кровавую резню у реки. Вероятно, Налда все прочла на моем лице.

– Ну что ж, – промолвила она наконец. – Что ж. Он был хороший человек, госпожа. И умер с честью...

– Да, с честью. – Я не хотела говорить, какой ужасной смертью умирали наши мужчины. Достаточно знать, что они умирали как герои, и чтить их память.

– Демоны уже в долине. Мы должны уходить, но леди Ислога ждет своего сына, мы не можем оставить ее.

– Торосс не вернется. Если враги уже близко, то нужно немедленно бежать. Вас десятеро. А мужчины есть?

– Рудо и Ангарл. – Она кивнула на моих спутников. – Еще Инсфар, пастух. Он ранен в плечо. Убийцы каким-то образом умеют поражать издали. Остальные – женщины и двое детей. У нас четыре арбалета, два лука, ножи и копье. Еды дня на три, если экономить припасы.

– А лошади?

– Мы шли по верхнему ущелью и не смогли провести лошадей. Овцы и коровы сбежали. Удастся ли их поймать... – Она пожала плечами.

Да, дела были плохи. Вероятно, остальные наши отряды, лучше экипированные, смогли добраться до Норсдейла. Но я сомневалась, что они придут на помощь. Вряд ли кому-нибудь снова захочется пускаться в трудный и опасный путь.

Таким образом, в сопровождении Налды, которая, казалось, взяла на себя командование этим небольшим отрядом, я пришла в их лагерь, хотя в нем мало что напоминало о каком-либо лагере. Увидев меня, леди Ислуга мгновенно вскочила на ноги.

– Торосс? – В ее крике были и горе, и надежда. На бледном лице сверкнули глаза, как будто в них вспыхнул огонь. Я не могла подобрать слов. Она подошла ко мне, положила руки мне на плечи и стала трясти. – Где Торосс?

– Он... Его убили...

Как я могла это скрыть? Мать ждала только правды, и никто не мог обмануть ее сейчас.

– Мертв, мертв! – Она выпустила меня и отступила назад. В ее глазах я прочла ужас. Ислуга словно увидела во мне смертельного врага, одного из завоевателей с окровавленными руками. Ее лицо исказила маска смертельной ненависти. – Он умер из-за тебя, а ты даже не смотрела на него. Чем ты околдовала моего сына? Если бы он вместе с тобой получил Иткрипт, я еще примирилась бы. Но он умер – а ты осталась жива...

У меня не было слов. Я могла только смотреть на иступленную ярость матери. То, что я ничего не обещала Тороссу, ей было не важно. Главное, что он хотел меня, а я отказалась и он умер.

Ислуга замолчала, затем ее губы скривились, и она плюнула мне под ноги.

– Прими мое проклятие. И поклянись заботиться обо мне и об Ингильде. Ты взяла жизнь нашего лорда, теперь займешь его место!

Таков старинный обычай нашего народа. Она возлагала на меня ношу своей жизни, как плату за кровь, которая, по ее мнению, лежит на мне. С этого момента я должна заботиться о ней и об Ингильде и защищать их, как будто я заняла место Торосса.

13

Керован

Я стоял и смотрел на смерть и разрушение. Ветер и волны уничтожили Ульмсдейл, но его гибель была вызвана злобой людей.

Затем я пустился в дорогу; понадобилось десять дней, чтобы добраться до места, откуда я теперь смотрел на Иткрипт. Вернее, на то, что от него осталось. Передо мной лежала крепость, обращенная в пыль.

Странно, что я не видел тех металлических монстров, которые крушили стены. Но было ясно, что лагерь врага находится здесь.

Они пришли по реке на лодках, и эти лодки сейчас стояли у противоположного берега.

Я не мог ни на что решиться. Об этой высадке нужно было сообщить, но меня терзала мысль о Джойсан. Неудивительно, что она привиделась мне одетой в кольчугу над телом умирающего юноши.

Она в плену? Или погибла? По дороге я несколько раз встречал следы небольших групп людей. Вероятно, беглецов. Возможно, она тоже бежала. Как найти ее на бескрайних просторах? А у меня долг перед лордом Имгри... Терзаясь между двумя возможными решениями, я вдруг вспомнил о сигнальных постах, которые были на высотах. Конечно, надо передать лорду Имгри предупреждение. Сообщения могли передаваться от пика к пику, при солнце – отражением от хорошо отполированных щитов, ночью – факелами, горящими перед щитами. Я знал северный из этих пиков, который не мог быть слишком далеко от Иткрипта. Если он не был захвачен, лорд Имгри получит предупреждение. После этого я буду свободен и смогу посвятить себя поискам Джойсан.

Я стал осторожно пробираться среди камней. Часто видел группы пришельцев, которые вели себя с надменностью завоевателей, знающих, что им нечего бояться. Некоторые гнали в свой лагерь овец и коров. Другие спешили на запад, очевидно в погоне за несчастными беглецами.

Хику оказалась великолепным животным, привычным к дальним горным путешествиям. Она, казалось, по собственному выбору шла такими тропами, где могла слиться с пейзажем, так что мы двигались незаметно для чужих глаз. Кроме того, она была неутомимой, способной идти без отдыха, тогда как лошадь, выращенная в конюшне, давно бы выдохлась. Тем не менее, как я ни торопился, ехать приходилось очень медленно и осторожно, чтобы не наткнуться на врагов.

То, что в этих долинах были свои естественные ориентиры, было благом, потому что я мог таким образом проверять свое направление. Но я наткнулся на доказательства того, что захватчики шли из Иткрипта.

Может быть, уже поздно поднимать тревогу?

Вскоре я нашел место, где располагался сигнальный пост, и тут же с горечью увидел следы тех, кто побывал здесь до меня. Держа нож в руке, я забрался в потайную расщелину, где должны были сидеть три сигнальщика. Увы, смерть побывала здесь раньше меня, о чем свидетельствовали пятна крови. На крюке висел отполированный щит, который должен был отражать лучи солнца или факела в направлении следующего поста. На земле валялся сломанный обугленный факел. Я посмотрел на юг, пытаясь рассмотреть следующий пост. Успели погибшие передать сигнал о нападении или...

Похоже, нападение произошло утром. Если бы у врагов были крылья, они бы перелетали с вершины на вершину, но иным образом они, скорее всего, еще не успели туда добраться. Если предупреждение не передали, я должен попытаться сделать это сам.

Полированный щит был искорежен. Своего щита у меня не было – разведчику щит ни к чему. Как же передать сигнал?

Я грыз ногти и отчаянно думал. У меня были меч, охотничий нож и веревка, обмотанная вокруг талии. Моя кольчуга не блестела, напротив, я ее выкрасил в зеленый цвет, чтобы она не смогла выдать меня блеском.

Оставалось только одно – развести костер, но это неминуемо приведет сюда моих врагов.

Дым костра, конечно, не передаст точного смысла сообщения, зато поднимет тревогу, предупредит об опасности.

Я набрал сучьев, затем натаскал листьев. Вскоре вспыхнул огонь, поднялись клубы ядовито-желтого дыма. Я отчаянно закашлялся, из глаз брызнули слезы. Когда я протер глаза, то увидел, что дым плотным столбом поднимается в небо. Это натолкнуло меня на новую мысль: я решил прерывать столб дыма и затем снова выпускать его. Я скинул плащ и с ним в руках вернулся к огню. Это было рискованное дело, но, хотя я был неуклюж, мне удалось с помощью плаща так разбивать столб дыма, что никто не мог бы усомниться, что это сигнал.

Вскоре слезящимися от дыма глазами я увидел вспышки, передаваемые с соседнего поста. Мой сигнал принят и понят! Лорд Имгри теперь знает, что враг захватил Иткрипт, хотя более точное сообщение передать не удалось.

Мой долг был исполнен, можно идти на запад. Чтобы найти Джойсан, следует догнать беглецов из Иткрипта и выяснить, что случилось с моей леди.

До сих пор счастье мне сопутствовало, однако теперь все изменилось. Я быстро обнаружил, что за мной погоня – и какая! Во рту пересохло: они выпустили своих гончих!

Мы называем ализонцев Гончими Ализона – в честь их четвероногих охотников, которые не похожи на наших охотничьих собак. Серо-белого цвета, поджарые, длинноногие, с узкими мордами, они двигались стремительно с плавной легкостью змеи, а их желтые глаза сверкали жадной крови. Немного их было у захватчиков, но те, кого мы видели на юге, обученные охотиться на людей и убивать, казались воплощенным злом.

Я ехал прочь от столба дыма и вдруг услышал звуки рога. Как только эти дьявольские серо-белые призраки возьмут след, спасения мне не будет.

Нужно запутать следы!.. Но отдаленный лай свидетельствовал, что собаки уверенно идут по пятам.

Хику сама, без понуканий, поскакала на север. Потом спрыгнула со склона на берег реки, бросилась в воду и поплыла против течения.

Я отпустил поводья, предоставив лошади свободу действий и надеясь, что она сможет найти путь к спасению.

Видимо, это была та самая река, что протекала возле Иткрипта. Сквозь прозрачную воду был виден каждый камешек на дне.

Внезапно Хику остановилась, да так резко, что я чуть не упал. Лошадь повела мордой у самой воды, заржала и повернулась ко мне, словно сказав что-то на своем языке.

Когда Хику снова наклонила морду к воде, я понял, что она старается привлечь к чему-то мое внимание и явно сердится на меня за недогадливость.

Я всмотрелся в воду. Может, лошадь боится?.. Камни, песок... Вот! То, что скрывалось между камнями, было едва различимо. Я спрыгнул с лошади, вошел по колено в воду и наклонился.

Это был браслет, но не из камня; во всяком случае, я никогда не видел таких камней – зелено-голубого цвета. Браслет застрял между подводными валунами. Я осторожно подцепил его мечом и вытащил на воздух.

Едва я приподнял кончик меча, как браслет скользнул к рукояти и коснулся моих пальцев. Я чуть не отшвырнул его в сторону от неожиданности. Резкий поток энергии проник в мою руку.

Я слегка наклонил меч, чтобы отодвинуть браслет от пальцев, а затем стал внимательно его рассматривать. Он был сделан из неведомого металла, сверкавшего ослепительным блеском. Хотя в воде браслет казался зелено-голубым, теперь я видел, что он будто соткан из сложного переплетения красно-золотых нитей. Причем узор образовывал письмена!

У меня не было ни малейшего сомнения, что это дело рук Древних. Браслет обладает Силой: в этом я убедился по поведению Хику. Животные гораздо более чувствительны к проявлениям Силы Древних, чем мы, люди. Но когда я поднес браслет к лошади, она не выказала никаких признаков тревоги или беспокойства. Темные Силы здесь ни при чем. Хику даже вытянула голову и с удовольствием обнюхала браслет.

Тогда я рискнул взять его в руку. И снова почувствовал поток энергии, но на сей раз не отдернул пальцев.

Поток энергии уменьшился – либо я просто привык к нему. Теперь браслет казался приятно теплым.

И тут я вспомнил о другой реликвии, доставшейся мне от Древних, – о грифоне в хрустальном шаре.

Не раздумывая, я надел браслет на руку, и он так удобно лег на запястье, словно был сделан специально для меня. Когда я поднес браслет к глазам, то увидел какие-то движущиеся тени и быстро отвел взгляд в сторону. Почему я больше не стал смотреть? Не знаю. Но у меня не было желания избавиться от находки. Более того, когда я сел на лошадь и бросил взгляд на браслет, у меня возникло ощущение, что я уже видел его, носил на руке.

Хику двинулась вперед, а я прислушивался к звукам рога и отдаленному лаю. Собаки, похоже, взяли чужой след: звуки постепенно удалялись. Видимо, на Хику можно положиться – она знает, что делает.

Лошадь по-прежнему брела против течения, уверенно ставя ноги на каменное дно. Вскоре она уже нашла песчаную отмель, чтобы выбраться на берег. А я с изумлением смотрел вперед: в просвете между густыми кустами вдоль реки показалось... озеро!

На первый взгляд ничего примечательного в нем не было: в наших долинах немало озер. Но это зрелище кого угодно заставило бы призадуматься.

Посреди озера возвышался замок, и к нему вел мост.

На уровне моста в здании окон не было. Зато на следующем этаже и выше, а также в двух башнях, которые образовывали подобие ворот, были видны узкие щели.

С берега, откуда мы смотрели на крепость, она казалась не тронутой временем. Однако сам мост был полуразрушен, и я решил, что лучшего места для ночлега нам не сыскать.

Хику отважно пошла по мосту. Стук копыт гулко разносился по окрестностям. Я даже прислушался: не подаст ли кто-нибудь в замке какого-либо знака в связи с нашим вторжением?

Вскоре я понял, что выбрал ночлег весьма удачно.

Мост был подъемным. Переправившись на другой конец, я тут же закрепил веревку в кольцо подъемника, и Хику ее потянула. Несмотря на мою помощь, мост не поддался – сказалось время и отсутствие ухода. Но когда я прочистил мечом петли, убрав из них песок и нанесенные ветром листья, мост заскрипел и пошел вверх. Конечно, он не поднялся на такую высоту, на которую рассчитывали его создатели, но все же отрезал путь с берега в крепость.

Ворота крепости распахнулись, потом сомкнулись, будто зевнув, и нас поглотила тьма. Факела у меня не было, пришлось положиться на инстинкт Хику. Лошадь шла вперед, покачивая головой, а я двигался следом, уверенный, что ничто вокруг не угрожает нашей безопасности.

Через проход между двумя башнями мы вошли во внутренний двор, откуда вели двери в замок. Если он и был построен на естественном острове, то никаких следов от этого острова уже не осталось. Стены поднимались как бы прямо из воды.

Во дворе росли трава, кусты, небольшие деревья.

Хику сразу принялась за еду, словно с самого начала знала, что здесь ее ждет обед. Вероятно, Нивор предусмотрел все. Бросив мешок, я стал осматривать крепость. Удивительно – все постройки Древних выглядели так, будто хозяева отлучились на минутку и вот-вот вернуться.

Затем я прошел к разрушенной части моста. Края металлических балок были оплавлены; складывалось впечатление, что их перерезали огненным ножом. Я протянул руку, чтобы дотронуться до металла, – и меня тут же пронзила острая боль. Браслет на руке бешено запульсировал; резонно рассудив, что это предупреждение, я вернулся во двор.

В садике, если этот запущенный двор можно было назвать садиком, нашлись сучья. Но я не торопился делать факел: входить сейчас в замок не очень-то хотелось. Я набрал охапку прошлогодней сухой травы, бросил на нее плащ, от которого приятно пахло дымом, и получилась отличная постель. Осматриваясь вокруг, я нашел воду – она текла по трубе и выливалась из крана в форме фантастической головы.

Хику напилась без колебаний. Я последовал ее примеру и тоже воздал должное вкусной холодной воде.

Затем я съел кусок хлеба и раскрошил другой для Хику. Она с удовольствием проглотила его до последней крошки. Потом я улегся на плащ и стал смотреть на звезды.

Жужжали насекомые, журчала вода, кричали ночные птицы... Конечно, на верхних этажах башни поселились совы, удобнее места для них было трудно вообразить. Вокруг царил благостный мир. Ничто не нарушало покоя этой крепости.

Я с удовольствием подумал о том, что удалось сделать днем, – передал сигнал опасности, нашел талисман...

Талисман? Почему я так называю этот браслет?

Я нащупал его пальцами. Он был чуть теплый и плотно охватывал запястье. Я попытался снять его, но он не поддавался. Кончиками пальцев я почувствовал, что рисунки на нем слегка рельефны, и обнаружил, что пытаюсь проследить ту или иную линию на ощупь. В этих тщетных попытках меня и сморил сон, глубокий и безмятежный.

Я проснулся полностью отдохнувший, уверенный в себе. Казалось, что я могу без страха встретить все, что приготовил новый день. Пора было двигаться дальше.

Хику стояла возле меня, покачивая мордой, с которой стекали капли воды. Я весело приветствовал ее.

Хотя было уже светло, мне не хотелось осматривать крепость. Мною двигало желание побыстрее отправиться на поиски Джойсан. Я задержался только для еды и вскоре был готов к отъезду.

Но смогу ли я опустить мост, который с таким трудом вчера поднял? Когда мы подошли к мосту, я тщательно осмотрел его. И при свете дня увидел возле парапета рычаг в руку толщиной. Вероятно, с его помощью приводится в действие подъемный механизм.

Я налег на рычаг... и ничего не произошло. Тогда я стал изо всех сил дергать его.

Секция моста дрогнула, заскрипела и неохотно поползла с места. Мост опустился не полностью – до земли осталось около фута, – но это не помешало нам выбраться из замка.

На берегу я сел в седло и оглянулся на остров.

Мощную крепость построили на века. Ее и сейчас можно было использовать как опорный пункт. Если развести мост, то даже механическим чудовищам ализонцев не удастся попасть внутрь. Здесь укроется треть армии, действующей на юге. Да, эту крепость необходимо использовать в нашей войне.

Я повернул Хику на север, надеясь напасть на след беженцев. По пути я с удивлением отметил, что здесь совсем недавно были поля. Даже сейчас вокруг еще росли отдельные колосья хлеба. А вот и фруктовый сад с деревьями, усыпанными плодами.

Вероятно, эта местность кормила тех, кто жил на озере. Если бы не спешные дела, я обязательно занялся бы изучением загадок окрестностей.

Пока я добирался до гор на противоположной стороне долины, наступил вечер. В горах я удвоил осторожность – здесь легко было попасть в западню. Но врагов я не встретил. А через день наткнулся на то, что искал, – след, оставленный небольшим отрядом. Люди эти были совершенно неопытны, они даже не пытались замаскировать свои следы. Вряд ли Джойсан с ними, но я не мог пренебречь даже крохотным шансом найти ее. По крайней мере, от беженцев из Иткрипта я смогу что-нибудь о ней узнать.

Люди прошли здесь несколько дней назад. Хотя они старались идти строго на запад, рельеф местности то и дело заставлял их отклоняться от намеченного курса.

На четвертый день пути я поднялся на горный хребет и, почувствовав запах дыма, понял, что близок к цели.

Здесь долина несколько расширялась, и посередине текла река. На берегу, под густыми кустами, был разведен костер, над которым склонилась женщина, подкладывая в огонь сухие сучья. Затем из-за кустов вышла вторая женщина и выпрямилась во весь рост.

В утреннем свете сверкнула кольчуга. Волосы красно-коричневым потоком спускались на спину. Фортуна снова улыбнулась мне. Я был уверен, что это Джойсан, хотя на таком расстоянии не мог рассмотреть лица.

Нужно догнать ее как можно скорее. И когда она отошла от костра и задумчиво побрела вдоль реки, я обрадовался. Я хотел встретиться с ней наедине, без любопытных взглядов ее товарищей.

Если Джойсан отпрянет при виде моих копыт, наши отношения закончатся, не начавшись. Хотелось убедиться в этом без свидетелей. Я стал спускаться с горы и при этом укрывался так тщательно, будто Джойсан была моим врагом.

14 Джойсан

Во время трудного пути на запад нам посчастливилось найти трех заблудившихся пони, на которых в дальнейшем по очереди ехали наиболее ослабевшие. Поклажу я приказала поровну поделить между всеми – без различия положения. Ингильда бросала на меня злые взгляды, а леди Ислота после первой вспышки ярости замолкла. И хорошо.

Дорога в Норсдейл была нелегкой. По стране бродили банды врагов, мы то и дело сильно отклонялись от взятого направления.

Во время остановок лошади паслись, но люди не могли продержаться на одних кореньях и ягодах. Поэтому расстояние, которое мы проходили за день, постепенно уменьшалось: много времени уходило на поиски еды. Пастух Инсфар очень помог нам своими знаниями съедобных растений. Встречались грибы, и каждый ручей и пруд приглашали порыбачить.

У нас было мало стрел, и я приказала не тратить их без полной уверенности в попадании. Одноглазый Рудо оказался большим мастером в метании камней из пращи, и изредка к нашему скудному рациону прибавлялись кролик или птица.

Еще одна трудность не позволяла нам быстро идти.

Мартина, которая лишь недавно вышла замуж, была беременна, и близилось время родов. Я понимала, что нам срочно нужно место, где мы могли бы не просто укрыться, но и найти поблизости пищу.

На пятый день пути Рудо и Тимон, уехавшие на разведку, вернулись со светлыми лицами. Нигде впереди они не видели следов врага. Значит, нам удалось оторваться. Появилась слабая надежда на спасение. Кроме того, разведчики нашли место для лагеря. И вовремя, подумала я, увидев озабоченное лицо Налды, которая присматривала за Мартиной.

Рудо сказал, что на юге есть долина, где растут кусты с ягодами: место совершенно необходимое.

– Идем туда, госпожа Джойсан, – предложила Налда. – Мартина вот-вот родит. Ей не выдержать дня пути.

Мы пришли в долину. Как и обещал Рудо, место действительно было хорошее. Мужчины, в том числе Инсфар и однорукый Ангарл, начали строить хижины из сучьев. Первую хижину отвели Мартине.

Налда оказалась права. Когда взошла луна, у нас появился новый член отряда – его назвали Алвином в память о погибшем отце.

Надо было собирать и запасать пищу на будущее. В крепости я умела делать запасы, но здесь, без соли, да и вообще без всего...

Никто не роптал на большое количество работы. Даже дети помогали своим матерям. Все понимали, что от этого зависит наша жизнь. Поэтому, когда Ингильда не пожелала покидать хижину и идти вместе со всеми на поиски пищи, меня бросило в жар от гнева.

Я вошла к ней. В руке у меня был мешок, сплетенный из травы и виноградной лозы. Уговоры наверняка не подействуют, поэтому я сказала ей резко, как сказала бы любой деревенской девушке, отлынивающей от работы:

– Вставай! Ты пойдешь с Налдой и будешь выполнять все ее указания...

Ингильда посмотрела на меня остановившимися глазами:

– Ты перед нами в долгу, Джойсан. Если тебе нравится копаться в грязи с деревенскими девками, пожалуйста. Я же не забываю, кем рождена...

– Тогда живи, как хочешь! – крикнула я ей. – Кто не добудет пищи для себя, не будет есть то, что добыли другие. И перед тобой я не в долгу!

Я бросила ей мешок, но она с презрением оттолкнула его ногой. Я повернулась и вышла, дав себе клятву, что сдержу свое обещание. Ингильда молода, здорова и вполне способна прокормить себя. Я буду заботиться о леди Ислоге, но не о ней.

О леди Ислоге я думала с беспокойством. Она целиком ушла в себя с тех пор, как узнала о смерти Торосса. С ней произошло то же, что с госпожой Мэт: внезапно, в один день, пришла старость. Мы не могли поднять ее с постели, даже есть ее приходилось заставлять. То и дело леди что-то бормотала, но так невнятно, что значение слов не улавливалось. Думаю, она говорила с теми, кого не было здесь. А может, их не было и на этом свете.

Я надеялась на лучшее. В монастыре сестры смогли бы вылечить ее, вернуть в наш мир. Увы, Норсдейл с каждым днем казался все дальше от нас.

У меня были лук и три стрелы. Хотя в Иткрипте я пользовалась славой искусного стрелка, я хорошо понимала, что одно дело – стрелять в мишень, и совсем другое – по живому существу.

В это утро я решила заняться ловлей рыбы. Оторвала несколько колец от кольчуги, аккуратно разогнула их и сделала крючки. Из рубашки вытянула несколько нитей. Получилось, конечно, весьма примитивное орудие рыбной ловли, но другого не было.

Мужчины пошли ловить кроликов, женщины – собирать ягоды, а я двинулась к реке.

Только необходимость заставила меня насадить на крючок живую муху. Я никогда не причиняла вреда ни одному живому существу.

В воду вдавался каменный мыс, спрятанный в тени деревьев, так что я могла укрыться там от жгучих лучей солнца. Было тепло, я сняла кольчугу и камзол, оставшись в одной рубашке. Неплохо было бы снять и ее, чтобы выстирать, смыть с себя пот и грязь пути, а также тяжелые воспоминания.

Грифон висел на груди, и я с восхищением его рассматривала. Великолепная работа! Где его сделали? За морем? Или... или это талисман Древних?

Талисман. Мои мысли пошли в новом направлении. Может, это он вывел нас к выложенной из камней звезде? Там когда-то жили Древние. Значит, и грифон?..

Совсем забыла, зачем сюда пришла! Кто же будет думать о пище? Я опомнилась и закинула самодельную снасть.

Дважды у меня клевало, и оба раза рыба сорвалась. На третий раз я заставила себя очень осторожно вести крючок, хотя терпение не относится к числу моих добродетелей.

Я поймала двух рыб, очень маленьких. Оставив каменистую косу, я пошла вдоль реки и набрела на тихую заводь, заросшую травой. Добыча здесь оказалась более богатой.

Когда солнце стало клониться к западу, я вернулась в лагерь. Поела ягод и пожевала съедобных водорослей, собранных в лагуне. Однако голод не утихал, и я снова пошла к реке, надеясь, что сейчас мне повезет больше. Так и случилось.

Неподалеку раздалось рычание. Бросив свой мешок, я приготовила лук со стрелой и крадучись подошла к зарослям.

Над телом только что убитой коровы рычал молодой снежный кот. Уши его были прижаты к голове, зубы злобно оскалены. Перед ним стоял дикий кабан.

Кабан вонзил клыки в землю, подбросив вверх комья, и пронзительно заверещал. Он был намного крупнее кота.

Кот дико вскрикнул и прыгнул, но не на кабана, а назад. Кабан немедленно двинулся следом. Хищник снова истошно завопил и бросился вверх по склону. В одно мгновение он был наверху и стал злобно шипеть на кабана, которому оставил поле боя. Кабан стоял, наклонив голову и прислушиваясь к шипению.

Почти не раздумывая, я пошла вперед. Если этот мешок свинячьей слепой злобы будет ранен, то мне несдобровать. Но кабан еще не почуял нового врага, а я, видя столько мяса сразу, не могла противиться страстному желанию его заполучить.

Я выпустила стрелу и тут же бросилась под защиту кустов. Раздался страшный рев. Выжить я не рискнула, ведь раненый кабан легко меня настигнет. И я побежала.

Еще не вернувшись в лагерь, я встретила Рудо и Инсфара.

– Раз кабан не преследовал тебя, госпожа, – произнес Инсфар, – значит ты нанесла ему смертельную рану...

– Неразумный поступок, – решительно заявил Рудо. – Кабан мог тебя убить.

Мы вернулись вместе, тщательно осматривая все вокруг, чтобы не попасть в засаду. Решили обогнуть это место и спуститься туда с горы. Добравшись до цели, мы увидели убитую корову и мертвого кабана. Моя стрела вошла между его лопатками и вонзилась в сердце.

Пораженные метким выстрелом, мои люди были склонны приписать удачу Силе. С этого часа все уверовали в мою Силу и сравнивали меня с госпожой Мэт. Они не говорили этого прямо, но я чувствовала, что отношение ко мне изменилось. Теперь мои приказы выполнялись немедленно и беспрекословно.

Только Ингильда еще беспокоила меня. Когда вечером куски мяса были поджарены на костре, верная клятве, я заговорила так, чтобы слышали все:

– Тем, кто не участвовал в добыче пищи, она не достанется. Сегодня все хорошо поработали, и все получают свою долю – кроме Ингильды. Благородное происхождение не дает права на безделье.

Ингильда вспыхнула и напомнила, что у меня перед ее родом кровавый долг. Но я твердо заявила, что беру под свое покровительство только леди Ислогу ввиду ее возраста и болезни. Ингильда же молода, здорова и вполне способна позаботиться о себе.

Она явно испытывала желание броситься на меня, вцепиться в мое лицо ногтями. Но никто ее не поддержал. Повернувшись, она побрела в свою хижину. Я слышала ее плач; эти слезы были вызваны бессильной яростью, а не раскаянием.

Мне не было жаль ее. Хотя я понимала, что приобрела злейшего врага.

Вскоре Ингильда осознала свое положение и стала трудиться наравне со всеми. Она даже разделявала тушу и развешивала куски мяса для просушки.

Мартина уже набиралась сил, и я надеялась, что мы сможем тронуться в путь до наступления холодов. А когда придем в Норсдейл, я с радостью сложу с себя тяжкую ношу ответственности.

Леди Ислога нередко отлучалась – вероятно, искала Торосса. Приходилось посылать с ней человека для охраны. Когда Ислога выбивалась из сил, нужно было вести ее обратно в лагерь.

Тимон сделал хорошие крючки, и я часто ходила ловить рыбу. Думаю, просто из упрямства – хотелось победить реку. Увы, счастье не улыбалось мне. Вода была прозрачной, я видела проплывающих рыб – гигантов по сравнению с той мелочью, что мне удавалось вылавливать.

Когда я шла по берегу реки, у меня вдруг возникло ощущение, что за мной следят. При этом ощущение такое сильное, что рука сама потянулась к ножу. Время от времени я оглядывалась по сторонам в надежде застать преследователя врасплох.

Я чувствовала себя очень беспокойно, поэтому решила вернуться в лагерь и предупредить остальных. Неужели нас выследили? Мы обречены, если не сумеем поймать вражеского лазутчика и убить его, пока он не сообщил о нас главным силам.

Ветки кустов раздвинулись, и на открытое пространство вышел мужчина, по виду он не был ализонцем. Его капюшон был откинут на плечи, и, главное, отсутствовал камзол с вышитой эмблемой рода. Кольчуга была выкрашена зеленым – видимо, для маскировки.

Я выхватила нож – и вдруг застыла. Незнакомец был без сапог и стоял на копытах, как какая-нибудь корова!

Я быстро перевела взгляд на лицо, ожидая увидеть нечто чудовищное. Но нет. Обычное мужское лицо, потемневшее от солнца и ветра: впалые щеки, твердо очерченный рот. Конечно,

не такой красивый, как Торосс. Мы встретились взглядами, и я невольно отступила назад. Эти глаза, как и копыта, не могли принадлежать человеку – янтарные, с узкими, а не круглыми зрачками.

Я отшатнулась, а он изменился в лице. Или это мне почудилось?

Незнакомец улыбнулся – печальной улыбкой, как будто он сожалел о встрече.

– Приветствую тебя, госпожа.

– И я приветствую тебя... – Я запнулась, так как не знала, как обращаться к Древним. – Приветствую тебя, господин.

– Я слышу настороженность в твоём голосе, – продолжал он. – Ты полагаешь, что я твой враг?

– Я полагаю, что не могу судить о тебе, – ответила я, так была уверена, что передо мной один из Древних. И он, казалось, прочел мои мысли.

– За кого же ты меня принимаешь, госпожа?

– За одного из тех, кто владел этой землей до прихода наших предков.

– А, Древние... – Он снова печально улыбнулся. – Пусть будет так. Я не скажу тебе ни «да», ни «нет». По-моему, ты и твои люди в тяжелом положении. Могу ли я быть полезным?

Я знала, что иногда Древние милостиво относятся к нам и помогают. Хотя им подчинялись и Темные Силы. И горе людям, которые прибегали к их помощи. Если я сделаю неправильный выбор, мы все можем пострадать. Но что-то в незнакомце привлекало меня.

– Что ты предлагаешь? Мы должны пробраться в Норсдейл...

Он прервал меня:

– Путь туда чреват многими опасностями. Я могу привести вас в такое место, которое будет служить надежной защитой. Там есть фрукты, зерно...

Я с тревогой смотрела в ярко-золотые глаза. Мне очень хотелось верить ему, но на мне была ответственность за остальных. И довериться представителю Древних...

Я колебалась, и улыбка сошла с лица незнакомца. Оно стало холодным, как будто он протянул руку дружбы, а ее оттолкнули. Мое беспокойство усилилось. Может, он действительно хотел помочь нам, а теперь, когда его предложение отвергли, сочтет себя оскорбленным и разгневавшимся?

– Прости. – Я пыталась найти слова, которые погасили бы его гнев. – Я никогда не встречалась ни с кем из... твоих. Если я оскорбила тебя, то только по растерянности, а не по злему умыслу. Я ведь знаю о вас только из легенд. Причем некоторые из легенд говорят о Темных Силах, которые не приносили людям ничего хорошего.

– Да, Древние обладали Силой, – признал незнакомец. – Но я не желаю тебе ничего плохого, госпожа. Взгляни на то, что ты носишь на груди. Достань, я коснусь его пальцами.

Я посмотрела на талисман. Шар светился. Мне казалось, что грифон, заключенный в нем, хочет заговорить с незнакомцем. Я сняла цепочку с шеи и протянула ему.

Он едва прикоснулся кончиком пальца... Шар вдруг вспыхнул ярким светом, и от неожиданности я чуть его не выронила. И сразу поняла: это правда, незнакомец пришел из далекого прошлого, чтобы помочь нам. Меня охватил благоговейный трепет.

– Лорд... – Я склонила голову, оказывая ему почеть, которой он достоин. – Мы повинемся тебе...

Он снова оборвал меня и произнес резко, почти зло:

– Я не твой лорд, госпожа. И ты не подчиняешься мне. Ты делаешь свой выбор сознательно. Я могу предложить тебе и твоим людям надежную крепость в качестве убежища и ту помощь, какую может оказать вам одиночка. Хотя я не новичок в ведении войны.

Мы вернулись в лагерь, мои люди испуганно расступались при виде нас. Я увидела на лице незнакомца горькую улыбку и поняла, ощутила ту горечь, которая им владела. Бог весть, как это случилось: я делила с ним его чувства!

Приказам незнакомца все подчинялись беспрекословно. Он свистнул, и тут же с горы спустилась лошадь. На нее он посадил Мартину. Других лошадей мы нагрузили припасами, и незнакомец повел нас вперед.

Мы пришли в прекрасное место – в крепость на озере. К ней вели два моста; один из них был разрушен, а второй при помощи специального механизма можно было поднять.

Фруктовые деревья, зерно – все пойдет нам на пользу. Мы могли оставаться здесь долго, пока не наберем провизии для путешествия и не залечим раны и болезни. Мое доверие к странному незнакомцу росло. Он не говорил, как его зовут. Может, как и Мудрые женщины, полагал, что если назвать другим свое имя, то легко попасть в зависимость. Про себя я называла его лорд Янтарь, по цвету глаз.

Пять дней он провел с нами, помогая наладить жизнь. А потом сказал, что едет на разведку, убедиться, что ализонцы не проникли вглубь страны.

– Ты говоришь так, как будто ализонцы и твои враги, – заметила я.

– Это моя страна, – ответил он. – Я уже бился за нее. И буду снова биться, пока не сброшу противника в море.

Меня охватило возбуждение. Что могло это означать для моего несчастного разбросанного народа? Люди, обладающие Силой, хотят прийти нам на помощь в смертельной схватке?

Незнакомец опередил мой вопрос, словно прочитав мои мысли:

– Думаешь, для их уничтожения можно использовать Силу? – Печаль была в его голосе. – Не возлагай на это надежд, госпожа Джойсан. Тот, кто вызывает Силы, не всегда способен управлять ими. Зато в крепости безопасно. Если ты благоразумна, то вы останетесь здесь, пока я не вернусь.

Я кивнула ему в ответ:

– Мы так и сделаем, господин.

Мне ужасно захотелось коснуться его руки, показать, что я готова разделить с ним эту тяжкую ношу. Но я не поддавалась этой странной прихоти.

15

Керован

По выражению ее глаз я понял, что между нами ничего не может быть. Напрасно я лелеял надежду, что я все-таки человек, а не чудовище. Значит, хорошо, что я не послал Джойсан свой портрет, хотя она просила об этом. Теперь она никогда не узнает, что я – Керован.

Джойсан приняла меня за одного из Древних. Это предположение удерживало ее от вопросов. Кроме того, Джойсан думала, что я обладаю Силой. Ее отсутствию я должен был найти приемлемые объяснения. Но на протяжении первых нескольких дней я чувствовал себя относительно спокойно, ибо работы было невпроворот.

Лагерь, в котором ютились беженцы, представлял собою довольно жалкое зрелище. Среди них было всего четверо воинов, в том числе два старика – одорукий и одноглазый, а также совсем зеленый юноша, никогда не державший в руках оружия, и раненый пастух. Остальные – женщины и дети; правда, некоторые женщины в случае необходимости могли бы встать плечом к плечу с воинами. В лагере находились также две знатные дамы – старая и молодая. Старшая была в состоянии шока, и за ней нужно было следить, чтобы она не ушла. Джойсан сказала мне, что ее сын был убит и что она отказывается признать это и хочет найти его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.